

МИР ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ
Документы и материалы

Учебное пособие

Выпуск 1



Белгород 2014

Гленвилл ДАУНИ

ГАЗА В НАЧАЛЕ VI ВЕКА



Белгород 2014

Downey G. Gaza at Early Sixth Century
© Norman: University of Oklahoma Press, 1963. XII, 172 p.
Copyright 1963 by the University of Oklahoma Press, Publishing Division of the University. Composed and printed at Norman, Oklahoma, U.S.A., by the University of Oklahoma Press. First edition.

На обложке: ранневизантийская мозаика с изображением Самсона, найденная при раскопках университета Северной Каролины (руководитель Джоди Магнесс) в 2013 г. в Галилее близ кибуца Хикок. Самсон – ветхозаветный герой, тесно связанный с Газой.

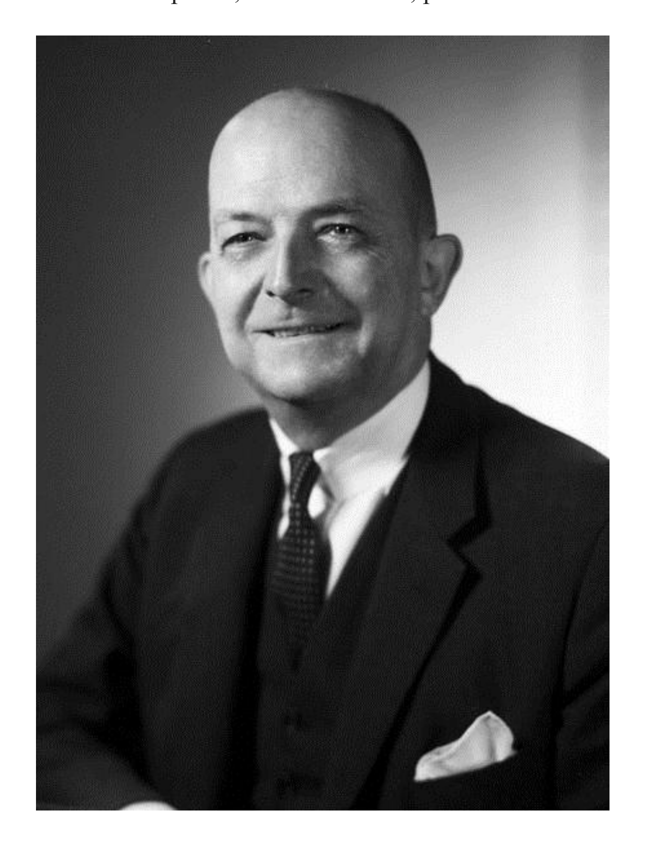
Печатается по решению кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения НИУ «БелГУ» от 07.05.2014 г., протокол № 9.

Мир поздней античности. Документы и материалы. Выпуск 1:

Дауни Г. Газа в начале VI века / Перевод с англ. и сост. А.М. Болговой, Н.Н. Болгова. – Белгород, 2014. – 112 с.

В научно-популярном издании на широком историческом фоне дается очерк истории и культуры ранневизантийского города Газы в Палестине, который в данный период был одним из наиболее важных торгово-ремесленных и культурных центров Византии. Именно здесь процветала знаменитая Газская школа, деятели которой в своих сочинениях представили наиболее глубокий, органичный и плодотворный вариант синтеза классической античной и христианской культуры.

Гленвилл Дауни (1908-1991)[1] — крупный американский ученый в области позднеантичной истории и, в особенности, ранневизантийского Востока.



Glanville Downey.

В течение многих лет Дауни являлся профессором истории и классической филологии в Университете Индианы (США, Блумингтон), работал в Принстоне, а в 40-х гг. принимал активное участие в археологических исследованиях в Стамбуле (раскопки храма св. Апостолов), Антиохии, Кесарии Палестинской.

Г. Дауни обладал обширными знаниями процессов и событий, протекавших на территории Римской империи и Ближнего Востока. Его плодотворная работа нашла отражение в многочисленных научных трудах.

---

[1] Родился 14 июня 1908 г. в Мэриленде, умер 18 декабря 1991 г. в Сакраменто.

Г. Дауни внёс наиболее весомый вклад в исследование ранневизантийских городов — Антиохии на Оронте, Газы и Кесарии Палестинской.

Следует отметить, что проблемы истории отдельных городов Ранней Византии являются одними из наиболее важных в современной византологии. Помимо археологических исследований речь здесь идет о хозяйственной деятельности жителей, о социальных стратах и взаимоотношениях между ними, о муниципальном самоуправлении, об этноконфессиональных взаимоотношениях. Одним из наиболее ярких городов в таком отношении является Газа Палестинская.

Дауни в своей книге «Gaza in the early Sixth century» пытается составить классификацию основных форм экономической жизни ранневизантийского города на примере морского порта Газы. Интерес к данной работе состоит в том, что автор показывает сосуществование двух миров в Газе: один, борющийся за существование (местное семитоязычное население, низший слой бедняков), другой — пребывающий среди празднеств, образования и досуга (грекоязычные высокопоставленные чиновники и ученые).

Интерес к «метрополии Востока» Антиохии возник у Дауни в результате открытия мозаичных картин религиозного и философского содержания при археологических раскопках. Профессор Дауни — автор трех книг о древней Антиохии. При написании популярной книги «Ancient Antioch» привлекались топографические данные. Более полная история Антиохии от её истоков до арабских завоеваний содержится в книге «A history of Antioch in Syria: from Seleucus to the Arab conquest». Здесь Дауни показывает Антиохию как главный город на Ближнем Востоке, который являлся колыбелью язычников и христиан, местом интенсивных культурных контактов. Третья книга об Антиохии — «Antioch in the age of Theodosius the Great» — позволяет проследить период расцвета города во время правления Феодосия Великого (379-395 гг.) и связать «старый мир Либания с новым миром св. Иоанна Златоуста».

В качестве дополнения к исследованиям по истории и топографии Антиохии Г. Дауни совместно с М. Спинка перевел «Хронику» Иоанна Малалы (книги 8-18) по просьбе отдела Искусств и Археологии Пристонского университета, а также перевод трактата Прокопия «О постройках».

Также Г. Дауни был занят общим исследованием истории поздней Римской империи: как две половины одной империи пошли в двух совершенно разных направлениях. Об этом свидетельствуют его работы «Constantinople in the age of Justinian» и «The late Roman Empire». Если в первой работе Дауни анализирует политическую культуру эпохи, внешнюю политику Юстиниана, занимается описанием столичного города и самого императора, завершая «трилогию» популярных книг о городах ранневизантийского Востока (Антиохия-Газа-Константинополь), то в «The late Roman Empire» он исследует переход от язычества к христианству на западе, который является одним из самых знаменательных событий в истории. Глэнвилл Дауни показывает, как военный хаос III века привел к реформам Диоклетиана, и как впоследствии христианство одержало

победу над существующим социальным порядком, а также причины, по которым латинский Запад выделился в особую цивилизацию.

Помимо вышеуказанных, среди крупных работ Дауни необходимо назвать монографии о Велизарии и Аристотеле, а также разделы в публикациях материалов археологических исследований Антиохии и Кесарии Палестинской.

Помимо этого, перу Дауни принадлежит множество статей (см. библиографический список).



Рис. 1. Докладчики Byzantine Studies Symposium, 1948 г. «Византия: Храм св. Апостолов в Константинополе».

Слева направо: M. Anastos, G. Downey, A.M. Friend, F. Dvornik, P. Underwood. Сидит: C. Der Nersessian.

Фото: Dumbarton Oaks Archives, AR.PH. Misc. 216.



Рис. 2. Коллективное фото участников симпозиума «Palestine in the Byzantine Period» в Дамбартон Оукс, 1955.

На фото: слева направо – H.A. Wolfson, R. Krautheimer, E. Kitzinger, G. Downey, K. Weitzmann, F. Dvornik; сидит C.H. Kraeling.

В целом вклад Г. Дауни в изучение Ранней Византии весьма значителен. Его интерес к жизни крупных городов империи, стремление к популяризации как истории данного периода, так и истории повседневности, внимание к сложным этноконфессиональным процессам в переходный период поздней античности – всё это делает наследие историка актуальным сегодня, когда разворачиваются активные исследования в русле концепции континуитета между античностью и средневековьем. Оживление внимания к данному периоду в России делает публикацию перевода книги о ранневизантийской Газе одним из первых камней в основание нового видения места и роли Ранней Византии в историческом процессе, в осмыслении сложнейших процессов трансформации культуры и смены парадигм цивилизации.

***

Избранная библиография Г. Дауни:

Переводы

Downey G. Procopius, Buildings of Justinian (editor, with Henry B. Dewing) / Loeb Classical Library. Cambridge, 1940.

Downey G. Chronicle of John Malalas. Books 8-18 (translated from the Church Slavonic, with Matthew Spinka). Chicago, 1940.

Themistii Orationes quae supersunt / Ed. G. Downey, H. Schenkl. Lips., 1965. XXV, 339 p.

Монографии

Downey G. Belisarius, Young General of Byzantium. New York: E.P. Dutton, 1960. 150 p.

Downey G. Constantinople in the Age of Justinian. Norman, 1960. 175 p.

Downey G. A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, 1961. 786 p.

Downey G. Antioch in the Age of Theodosius the Great. Norman, 1962. 175 p.

Downey G. Aristotle, Dean of Early Science. New York, 1962. 158 p.

Downey G. Ancient Antioch. Princeton, 1963. 316 p.

Downey G. The Late Roman Empire. N.Y., 1969. 148 p.

Downey G. Caesarea and the Christian Church / Bulletin of the American Schools of Oriental Research. Supplementary Studies. No. 19. The Joint Expedition to Caesarea Maritima / Ed. Robert J. Bull, David Larrimore Holland. Scholars Press, 1975. P. 23-42.

Брошюры

Downey G. A study of the comites Orientis and the consulares Syriae. Princeton, N.J.: privately printed, 1939. 22 p.

Downey G. Justinian and the imperial office. University of Cincinnati, 1968. 31 p.

Статьи

Byzantine architects. Their training and methods // Byzantion. Vol. 18. 1948. P. 99-118.

Constantine the Rhodian: His Life and Writings. Princeton University Press, 1955. 12 p.

Constantine's Churches at Antioch, Tyr and Jerusalem (Notes on architectural terms) // Mélanges de l'Université Saint-Joseph. Vol. 38. 1962. P. 189-196.

Earthquakes at Constantinople and Vicinity, A.D. 342-1454 // Speculum. Vol. 30. 1955. P. 596-600.

Education in the Christian Roman Empire: Christian and Pagan Theories under Constantine and his Successors // Speculum. Vol. 32. 1957. P. 48-61.

From the Pagan City to the Christian City // The Greek orthodox theological review. Vol. 10, 1. 1964. P. 121-139.

Imperial Building Records in Malalas // Byzantinische Zeitschrift. Vol. 38. 1938. P. 1-15, 299-311.

John of Gaza and the Mosaic of Ge and Karpoi // Antioch-on-the-Orontes, II: The Excavations, 1933-1936 / Edited by Stillwell, Richard. Princeton, 1938. P. 205-212.

Julian and Justinian and the Unity of Faith and Culture // Church History. Vol. XXVIII. 1959. P. 339-349.

Justinian as a builder // The Art bulletin. Vol. 32, 4. 1950. P. 262-266.

Justinian's View of Christianity and the Greek Classics // Anglican Theological Review. Vol. XL. 1958. P. 13-22.

Justinian's view of Christianity and the Greek classics // Anglican theological review. Vol. 40. 1958. P. 13-22.

Notes on the topography of Constantinople // The Art bulletin. Vol. 34, 3. 1952. P. 235-236.

Paganism and Christianity in Procopius // Church History. Vol. 18. 1949. P. 89-102.

Philanthropia in Religion and Statecraft in the Fourth Century after Christ // Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte. Vol. 4. 1955. P. 199-208.

Polis and civitas in Libanius and St Augustine: A contract between East and West in the Late Roman Empire // Bulletin de la Classe des Lettres et des Sciences Morales et Politiques (Belgique). Ser. 5, vol. 52. 1966. P. 351-366.

Procopius "De aedificiis" I.4.3 // Classical philology. Vol. 43. 1948. P. 44-45.

Procopius on Antioch: a study of method in the "De Aedificiis" // Byzantion. Vol. 14. 1939. P. 361-378.

Q. Marcius Rex at Antioch // Classical Philology. Vol. 32, No. 2. Apr., 1937. P. 144-151.

Seleucid Chronology in Malalas // American Journal of Archaeology. 1938. Vol. 42. P.106-120.

Stories from Herodotus; a panorama of events and peoples of the ancient world. E. P. Dutton & Compant, 1965. 153 p.

The builder of the original Church of the Apostles at Constantinople; a contribution to the criticism of the Vita Constantini attributed to Eusebius // DOP. Vol. 6. 1951. P. 51-80.

The calendar change at Antioch in the fifth century // Transactions and proceedings of the American Philological Association. Vol. 69, 2. 1938. P. XXXIV.

The Calendar-Reform at Antioch in the Fifth Century // Byzantion. Vol. 15. 1941. P. 39-48.

The Christian Schools of Palestine: A Chapter in Literary History // Harvard Library Bulletin. 12. 1958. P. 297-319.

The Christian schools of Palestine: a chapter in literary history // Harvard Library bulletin. Vol. 12. 1958. P. 297-316.

The Church of All Saints (Church of St. Theophano) near the Church of the Holy Apostles at Constantinople // Dumbarton Oaks papers. Vol. 9/10. 1956. P. 301-305.

The Composition of Procopius' De Aedificiis // Transactions and proceedings of the American Philological Association. Vol. 78. 1947. P. 171-183.

The dating of the Syrian liturgical silver treasure in the Cleveland Museum // The Art bulletin. Vol. 35, 2. 1953. P. 143-145.

The name of the Church of St. Sophia in Constantinople // The Harvard theological review. Vol. 52. 1959. P. 37-41.

The Persian Campaign in Syria in A.D. 540 // Speculum. Boston- Cambridge, 1953. Vol. 28. P. 340-348.

The Persian Campaign in Syria in A.D. 540 // Speculum. Vol. 28. 1953. P. 340-348.

The perspective of early church historians // Greek, Roman and Byzantine studies. Vol. 6. 1965. P. 57-70.

The work of Antoninus Pius at Antioch // Classical philology. Vol. 34. 1939. P. 369-372.

Themistius and the Defense of Hellenism in the Fourth Century // The Harvard theological review. Vol. 50. 1957. P. 259-274.

Сост.: Н.Н. Болгов, М.Ю. Лопатина.

Предисловие

«Человек делает себя в истории и через историю, и именно поэтому каждое поколение только в полной мере понимает себя, когда видит себя в качестве связующего звена в цепи человечества в движении». Эти слова выдающегося французского ученого Анри де Любака отражают одну важную часть задачи этой серии книг о центрах цивилизаций, а именно - помочь нынешнему поколению понять прошлое, из которого оно возникло, и, таким образом, увидеть настоящее в лучшей перспективе. Эти знания должны помочь и нам тоже, так как мы смотрим вперед, в будущее.

Хотя Газа внесла свой собственный характерный вклад в сохранение и передачу классической культуры, она - менее известна из важнейших городов позднего классического мира. Настоящее издание - лишь третья книга о Газе, опубликованная на английском языке и продолжающая более раннее исследование «История города Газы» М.А. Мейера (1907) и перевод «Жития Порфирия, епископа Газы» Марка Диакона (Ф. Хилл, 1913).

Настоящее исследование является первой попыткой, независимо от языка, объединить в виде книги, всё, что мы знаем о Газе во время правления Анастасия (491-518 гг.) и Юстина I (518-527 гг.), предшествовавших царствованию Юстиниана (527-565 гг.). Этот период был выбран для тома данной серии, потому что он представляет собой расцвет Газской школы - замечательного круга литераторов, чьи труды сыграли важную роль в развитии греческой христианской литературы и сделали Газу одним из самых известных центров передового литературного процесса того времени.

В исследовании истории культуры настоящая книга занимает свое место в ряду двух других томов серии, которыми я внес свой вклад в изучение основных центров ранневизантийской цивилизации - Константинополя в эпоху Юстиниана (1960) и Антиохии в эпоху Феодосия Великого (1962). Если читать эти книги последовательно, в порядке Антиохия – Газа - Константинополь, то эти три тома вместе иллюстрируют три наиболее значимых этапа в ходе взаимодействия христианства и классической традиции в развивающейся христианской Римской империи, на материале трех городов, которые отличались друг от друга и, в то же время, имели общую основу. Объемы были, однако, различными, эти книги планировались и писались отдельно, так что каждая из них представляет собой независимое исследование, которое может быть прочитано самостоятельно. Четвертый том, о Кесарии Палестинской во времена Евсевия, только планируется. Хронологически он будет предшествовать тому об Антиохии[2].

В соответствии с планом серии о центрах цивилизации, этот том был написан непосредственно на основании древних источников. Он представляет результаты исследования Газы и смежных проблем в течение ряда лет. Мой интерес к Газе возник с открытием некоторых мозаик при раскопках Антиохии в

---

[2] Книга о Кесарии так и не была написана. Определенной заменой этому проекту может служить монография: *Levin L.* Caesaria under Roman Rule. Leiden, 1975.

1933 г. В результате, я был приглашен представить доклад о Газской школе в 1955 г. в Дамбартон-Оукс на симпозиуме по Палестине в византийский период, и здесь мне приятно вспомнить свой долг перед руководителем симпозиума, д-ром Карлом Х. Крелингом (Kraeling), за приглашение. Этот доклад послужил основой для статьи, опубликованной в Гарвардском Библиотечном вестнике в 1958 г., которая стала предшественницей настоящей книги.

Степень моего долга по отношению к работе других ученых будет очевидна из книг, перечисленных в избранной библиографии. Кроме того, я должен поблагодарить за помощь, которую я получил от восхитительной книги Лайонела Кассона «The Ancient Mariners: Seafarers and Sea Fighters of the Mediterranean in Ancient Times» (New York: Macmillan, 1959).

Цитируя древние тексты, я иногда давал мои собственные версии, иногда я решался взять их из существующих переводов. Цитаты из Платона в Главе V взяты из отличной книги архидиакона Адама Фокса «Платон и христиане» с любезного разрешения издательства Студенческого христианского движения, Лондон; кроме того, пассаж из «Государства» заимствован, с огромной благодарностью, из перевода Ф.М. Корнфорда (Нью-Йорк, Oxford University Press, 1945). Отрывок из Фотия в Главе VII заимствован, с благодарностью, из перевода «Библиотеки» Фотия Дж.Х. Фриза, опубликованного в Лондоне в 1920 г. Обществом по содействию христианскому знанию. Перевод из Паппа Александрийского в Главе VIII основан на версии, опубликованной в моей статье в «Изиде» в 1948 г. В той же главе отрывки из Хорикия Газского являются по большей части основанными на версии, взятой мною у Э. Болдуина Смита в «The Dome» (Princeton University Press, 1950), хотя для данной цели они были сокращены и частично перефразированы. Отрывки из Литургии св. Иоанна Златоуста в Главе IX воспроизводятся с любезного разрешения издателя, по греческо-английскому тексту, опубликованному Fight Press, Ltd, Лондон (Божественная Литургия Святого Иоанна Златоуста, 3-е изд.). Описание Павсания в той же главе основано на переводе W.H.S. Джонса в Loeb Classical Library, с определенной авторской адаптацией. Версия речи св. Павла в Афинах в той же главе цитируется с разрешения Новой английской Библии, Новый Завет, авторское право со стороны Оксфордского университета находится у Cambridge University Press, 1961. Версии партии хора из «Антигоны» Софокла в Главе V и из Клеанфова «Гимна Зевсу» в Главе IX - мои собственные, но, по сути, они несколько сокращены.

Кроме того я обязан профессору Уильяму М. Колдеру III, который щедро делился своим временем, чтобы прочитать рукопись, и предложил много важных улучшений к ней. Точно так же я должен высказать свою благодарность профессору Ирфану Кавару за приобретение топографической карты Газы и ее окрестностей, которую я иначе не смог бы получить.

Г.Д.

Дамбартон-Оукс, Вашингтон, апрель 1963 г.

Пролог: Жизни города

Так как каждый город есть кульминация [человеческих] сообществ, существующих естественным образом – то он существует в соответствии с природой.

Аристотель. Политика

Отправившись домой после окончания Троянской войны, прозорливый Одиссей «…многих людей города посетил и обычаи видел» (Od. I, 3)[3]. Вступительные слова «Одиссеи» не были просто литературным украшательством; как и любой умный грек, Одиссей принимал к сведению всё, что он видел, где бы он ни проходил. И даже в те ранние дни греческого мира, в их городах уже стремились к тому, чтобы лучше узнать людей и их отношения между собой.

В греко-римском мире Троянская война лежала недалеко от истоков истории, и по всей этой истории мужчины «цивилизованного мира», то есть земли греческой и римской культуры, путешествовали. Геродот, «отец истории», был в состоянии писать только после того как он попутешествовал, «чтобы увидеть мир», и если человек надеялся получить лучшее образование из того, что мир мог предложить ему, он отправлялся, чтобы увидеть, по крайней мере, основные города его мира.

Это было далеко не простое любопытство или беспокойство. В мире тех дней город был буквально и полностью центром цивилизации. Как написал вождь мыслителей Аристотель в начале своего трактата о политике, «человек по природе своей существо политическое» – значит, живущее в городе[4]. Действительно, мастер сказал о том, какова природа человека, и о том, что побуждало человека жить в городе. В культуре античного мира только в городе, как общности своих собратьев, человек мог достичь своего наивысшего развития - политически, социально, интеллектуально, духовно. Общины крестьян, пастухов или рыбаков, живущих и работающих в изоляции, вряд ли могли думать о развитии интеллекта и достоинства, подобно жителям городов, которые могли в разговорах, познании и диспутах учиться друг у друга и совершенствовать свой разум. Но даже Афины не были ни в коем случае древним городом, в котором люди были готовы тратить всё свое время лишь на то, чтобы разговаривать или слушать что-нибудь новое.

Таким образом, как и в Афинах времен св. Павла, не только сами афиняне проявляли любопытство. К ним присоединялись в своем стремлении к познанию «пришельцы, которые временно проживали там». Эти чужеземцы приезжали в Афины в своих путешествиях; ибо, если город находился в центре внимания

---

[3] Пер. В.А. Жуковского. В оригинале книги Г. Дауни ссылок на цитируемые места древних авторов нет (прим. пер.).

[4] «Человек по природе своей – существо политическое *(от греч. polis – город-государство с прилегающей к нему территорией)*; кто живет вне города (государства), тот или сверхчеловек, или существо, недоразвитое в нравственном отношении».

цивилизованной жизни человека, то каждый город отличался от любого другого. Каждый имел свою особую историю, свои традиции, свою гордость в своих особых достижениях. В их родных городах, так же, как в их родной стране, люди чувствовали патриотическую гордость. Образованным человеком тех дней, был тот, кто получил образование в культурной среде города. Но его культура не могла быть полной, если он не путешествовал, чтобы увидеть и изучить другие большие города, оба мировых города, а также и свой народ. Реальным завершением и целью исследования был сам человек. Образованный человек должен был быть в состоянии понять себя и попытаться понять своих товарищей, и, наблюдая их в своей жизни в цивилизованном сообществе, каждый приходил к своему пониманию людей. Людей в форме сообщества, и сообщество в форме людей. Сообщества было нельзя узнать из книг. Надо было посетить их и жить в них.

Так же обстояло дело и с городом Газа на южном побережье Палестины в первые годы VI века после Рождества Христова. После того как классическая культура распространилась за пределы первоначальных земель греков и римлян, она пришла в города с более древней историей и культурой. Еврейские, египетские, месопотамские, пунические, кельтские корни – всё это можно было бы узнать в городах великой Римской империи. Одно из достоинств империи заключалось в том, что она была в состоянии держать вместе людей такого различного происхождения, в этом заключалось и одно из достоинств греко-римской культуры - возможность распространиться и сделаться доминирующим фактором в сообществах такого разного происхождения. И когда христианство пришло в этот мир, оно нашло свой путь, подготовленный ранее смешением народов и принятием ими классической культуры и классических языков.

Таким образом, для Газы времен Поздней Римской империи, культурного и элегантного греческого христианского города. не было ничего необычного в том, чтобы быть местом древнего филистимского происхождения. Были и другие греко-римские города того времени, которые имели библейскую или добиблейскую историю - Тир, Сидон, Дамаск.

Даже Иерусалим стал в определенном смысле греко-римским городом, хотя его иудео-христианская религиозная ценность оставалась на первом месте. Чем же Газа отличалась от других, что является ее специфической историей, что сделало ее известным христианским центром интеллектуальной деятельности и книжной культуры, если он раньше был известен и как оплот филистимлян, и центр языческих культов? Большинство великих городов того времени, например, Афины, Рим, Антиохия, Александрия, имели классическое (античное) происхождение, но Газа была единственным городом такого же рода и значения, который мог добавить к этому свою библейскую историю. История Самсона, как сказано в Книге Судей, не только входила в состав религиозной традиции, но имела и свою собственную жизнь, в виде сказки о подвигах романтического персонажа, который в мире героев и полубогов имел свою героическую стать. Город Газа, таким образом, мог претендовать на такую раннюю историю, с ко-

торой другие крупные города, даже имперская столица, Константинополь, не могли сравниться.

По причине своего расположения, Газа всегда играла важную роль в истории этого региона Средиземноморского мира. Город действительно занимал видное место в плане коммуникаций, находясь на пересечении путей как с севера на юг, так и с запада на восток. На древней дороге, которая шла вдоль палестинского побережья, огибая возвышенности внутри страны, Газа была последним городом перед началом длинной пустынной дороги в Египет, или первым палестинским городом, которого можно было достичь по пути на север из Египта. В то же время, это был конечный западный пункт караванной дороги, которая вела сюда из Петры через Беэр-Шебу, а также хорошая гавань, державшая город в легкой и регулярной связи с другими средиземноморскими морскими портами.

На краю пустыни Газа сыграла существенную роль в местном масштабе как рыночный центр, к которому стекались народы пустыни, приходившие, чтобы получить продукты труда оседлых ремесленников города.

Итак, история Газы была связана с историей всех сил, которые управляли этой частью южной Палестины. Город открыл свои ворота фараону Тутмосу III, «Наполеону Древнего Египта» (1502-1448 до н.э.), когда он отправился в завоевания, которые направили его через Сирию к востоку от Евфрата. В качестве одного из пяти великих городов филистимлян (другими являются Ашкелон, Ашдод, Экрон и Гаф), Газа перешла под контроль израильтян относительно поздно в своей истории. Когда Александр Великий в своем завоевательном движении, придя сюда, направился на юг вдоль прибрежной дороги, Газа смогла устоять перед ним в течение пяти месяцев (332 до н.э.).

Как и в других городах – стратегических пунктах побережья - Газа страдала от войн и неоднократно переходила из рук в руки во время войн преемников Александра, эллинистических царей. Александр Яннай, царь Иудейский, захватил Газу (96 г. до н.э.) после осады в течение года и сравнял ее с землей. Но город должен был возродиться на этом месте, и когда он был восстановлен несколько лет спустя, Газа приступила к новому этапу в своей истории.

В начале правления римлян, которые принесли мир и новое процветание в расширяющейся экономической системе римского мира, наступила действительно новая эра для всего восточного Средиземноморья.

Когда в 64 г. до н.э. римляне оказались вынуждены занять Сирию и Палестину, чтобы положить конец анархии, в которую были ввергнуты последние слабые эллинистические царства, новые правители этой древней земли были умными и практичными в политических договоренностях, которые они достигли с местными народами и их городами. Авл Габиний, который стал проконсульским правителем Сирии в 57 г. до н.э., начал фактическое восстановление Газы, хотя план ее возрождения были подготовлен, скорее всего, еще за несколько лет до того.

С этого времени Газа стала одним из процветающих морских портов Римской торговой империи. Доставленные из западной части Средиземного моря товары перегружались на караваны с Востока, а также загружались палестинским вином, которое нашло готовый рынок за пределами провинции. Газа нашла свое место в новом римском мире и пользовалась всеми преимуществами Pax Romana, который был построен на основе римского гения для правопорядка и римского понимания фундаментальной важности хороших коммуникаций и охраны путешествий и торговли.

Газа пользовалась всеми благами процветания империи, а это означало, что императоры заботились, чтобы видеть важные города, в том числе Газу, культурными, а также коммерчески процветающими. Храмы и публичные библиотеки были возведены за имперский счет, и наделение городов библиотеками и муниципальными профессорами литературы и философии было неотъемлемой частью деятельности императоров.

Адриан (117-138 гг.), император-«олимпиец», который так много сделал для городов восточных земель его империи, посетил Газу несколько раз, и, как благодарные города привыкли делать в таких обстоятельствах, народ Газы дал в его честь публичный фестиваль, который с тех пор отмечался ежегодно.

Относительно удаленная от персидской границы, Газа не пострадала непосредственно от всех превратностей истории империи в III веке, когда рост сил как персов, так и варваров, усилил давление на оборону империи, а также на ее экономическую структуру. Эти процессы вкупе с истощением ресурсов подвели ситуацию к реальному распаду Римского государства.

Но империя была спасена военным и государственным гением серии способных императоров - Аврелиана (270-275 гг.), Диоклетиана (284-305 гг.) и Константина Великого (306-337 гг.), и с первой четверти IV века началась новая эра для римского мира, в результате чего в Газе и других городах начались изменения, которые затронули все их будущее.

Эти изменения коснулись каждого аспекта жизни. В материальных делах далеко идущие реформы Диоклетиана и Константина, направленные на то, чтобы поставить армию и государственную бюрократию на новую основу, означали, что структура государства стала гораздо более стабильной. Но для того, чтобы поддержать увеличенную армию и расширенную бюрократии, нужно было - в соответствии с экономической и политической мыслью той эпохи - трансформировать империю в корпоративное государство, в котором экономическая и социальная жизнь, промышленное производство находились бы под непосредственным контролем правительства. Для того, чтобы обеспечить достаточный запас товаров, работники были «прикреплены» к своим профессиям. Торговцы были принудительно организованы в контролируемые правительством гильдии. Производство оружия и военных материалов осталось государственной монополией.

Все эти преобразования находились в соответствии с развитием идеологии императорской власти. В целях повышения престижа и власти государя,

римский император теперь стал самодержцем, осуществлявшим абсолютную власть, а императорский двор был реорганизован по военному образцу.

Это были действительно радикальные изменения, но они были сочтены необходимыми для сохранения состояния империи в ее внешнем аспекте. В то же время, началось духовное и интеллектуальное преобразование, которое было не менее важно в эту эпоху важных решений. Во многих отношениях, главным событием IV века было обращение Константина Великого в христианство. Отсюда вытекают последствия, которые должны были оказать большое влияние не только на историю империи, но и в целом на будущее западного мира.

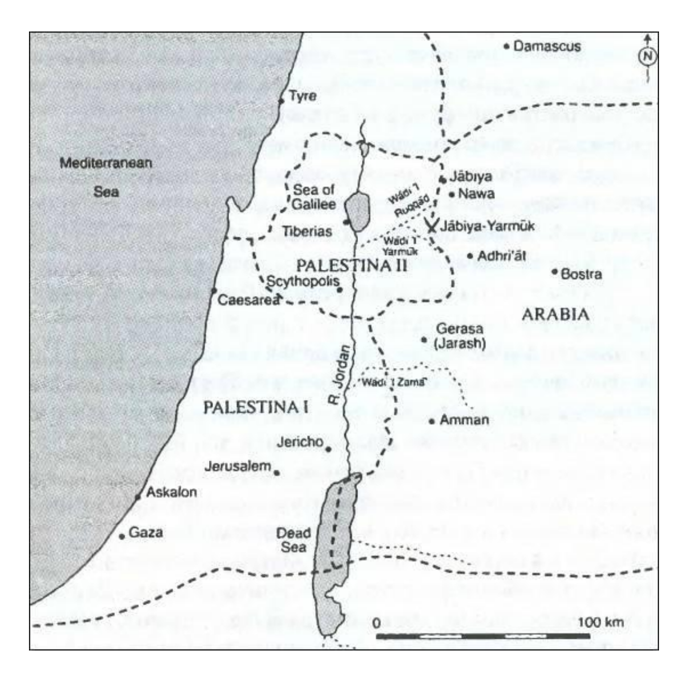
В интеллектуальной жизни империи одним из результатов обращения Константина стало появление вопроса о взаимосвязи христианства и старой классической культуры. В ранней истории Церкви христианские учителя были заняты жесткой критикой типичных аспектов языческой морали, которая так ясно противоречила Евангельскому учению, и с этой точки зрения казалось аксиомой для христианских мыслителей, что их вера и языческая литературная культура не могут иметь ничего общего друг с другом. Африканский адвокат Тертуллиан, испытав обращение в христианство, с большой широтой и глубиной подытожил эту точку зрения своим знаменитым риторическим вопросом: «Что есть Афины, чтобы сделать их Иерусалимом? Что есть Академия, чтобы сделать ее Церковью? Что есть еретики, чтобы сделать их христианами?»

Это был вопрос, действительно угрожавший классической образовательной традиции, формам изучения великих произведений классической литературы, лежавшей в основе не только образования, но и общественной жизни, и социального общения. Чтобы стать новой христианской, Римская империя должна ли была полностью отсечь себя от древнего и традиционного литературного наследия старой империи, без которой новое христианское государство так и не будет построено? Это должно было быть одним из вопросов века, и решение этой проблемы, в виде гармоничного поглощения классической традиции новой христианской культурой, заключалось в том, чтобы сформировать одну из самых сильных основ нового христианского мира. О той форме, которой эта культура достигла в Газе в первые годы VI века, мы увидим больше в следующей главе.

Несколько более специализированным проявлением наступления новой эры в религии стал поиск священных мест, связанных с жизнью Христа и трансформации Палестины в Святую Землю. Как Константин Великий, так и его благочестивая мать Елена, были готовы открыть для себя святые места и сделать их целью паломничества. Сам Константин жертвовал щедрые дары из государственных средств на строительство церквей. Не только Иерусалим, где был возведен Храм Гроба Господня, Голгофа, Гефсиманский сад, но и другие места привлекали толпы верующих, и везде близ палестинских святынь были построены храмы на священных местах. Из одной из беднейших и отдаленных провинций империи Палестина стала обретать облик главного земного фокуса христианства.

Таким образом, в IV веке начался процесс трансформации, который в восточных землях империи должен был найти свое завершение в разработке новой христианской греческой культуры, которой со временем было суждено стать в христианской Римской (Византийской) империи источником ее силы.

В этом процессе каждый город прошел через свой характерный опыт. Действительно, процесс вряд ли мог происходить равномерно во всех местах, у каждого города была своя отличительная история, и, с точки зрения этой истории, должна была быть разработана новая культура. Одно из важных событий такого рода произошло в Антиохии в Сирии, как было сказано в другом томе этой серии. Газа же имела свою историю, кульминация которой была достигнута в живописном эпизоде, который сделал ее знаменитой во всем христианском мире.



Карта: Палестина в ранневизантийский период.

I. Марна и Христос

...доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих.
Псалом CX

К восьмому году царствования в Константинополе христианского императора Аркадия (402 г.), св. Порфирий был епископом Газы в течение семи лет. Ему исполнилось 55 лет, и все семь лет его епископата шла непрерывная битва с силами язычества в городе и в деревнях вокруг него. Борьба иногда казалась почти обескураживающей. Порфирий верил и доверял своему Господу, но даже в этом случае он не мог предвидеть, когда он прибыл в Газу в качестве епископа, что он должен был стать инструментом окончательного подавления идолов в городе.

Это было почти три поколения спустя после обращения великого императора Константина. Империя стала новой христианской Римской империей, и великолепная новая столица, Константинополь, «Город Константина», стал одним из великих христианских городов мира, наполненный великолепными церквами, построенными императором. В других крупных городах в восточной части империи, Антиохии и Александрии, были центры христианского обучения. Иерусалим, город смерти и воскресения Христа, стал целью христианских паломников со всего мира. На протяжении всей Святой Земли возникли оратории, церкви и монастыри, построенные на местах, связанных с жизнью и трудами Спасителя. Кесария, гражданская столица Палестины и резиденция митрополита епископа, была центром христианской учености в течение двух столетий, с большой библиотекой, украшенной именами Оригена и Евсевия. Император Феодосий (отец Аркадия) издал ряд указов, направленных на то, чтобы положить конец языческому культу и магическим обрядам. Иерархия Церкви заняла почетное место в общественной жизни наряду с должностными лицами гражданской администрации, и христианское богослужение стало признанной частью церемониальной жизни императорского двора.

Но мир, казалось бы, надежно ставший христианским, был все еще во многих местах языческим, во власти последователей древней религии, которые еще не были обращены в истинную веру. Они были высокомерным народом, либо надменно стоявшим в стороне от религии Христа, либо бывшим его фанатичными врагами. Было отнюдь не легко обратить весь мир ко Христу. Сами христиане были в безопасности внутри своей веры, но они должны были постоянно быть начеку против идолопоклонников - так же, как они должны были постоянно пытаться привести их к истине. Неоднократно правительство издавало законы, чтобы положить конец языческим культам, и приказывало закрыть храмы. Но законы, если они были проведены в жизнь в начале, вскоре приходили в запустение, многие из высоких должностных лиц повсюду в империи были еще язычниками и при случае могли быть подкуплены поклонниками старых богов.

Многое выпало на долю епископа Порфирия: служить своему Господу - непростая задача. В некоторых частях империи местные условия привели к тому, что языческий образ жизни был в состоянии выжить в пределах всей общины и даже процветать. Гелиополь, известный также под своим семитским названием Баальбек, город великого бога Баала, был одним из таких мест. Афины и Гиераполь в Сирии были центрами язычества, и даже в самой Антиохии еще имелось определенное количество язычников.

Так сложилось, что Порфирий стал епископом до сих пор в основном еще языческого города. Это было примечательно для одного из главных городов Палестины. Более того, Газа не была одним из святых мест, и никогда не становилась в действительности частью Святой Земли. В первые дни епископата Порфирия в Газе имелось всего 280 христиан среди нескольких тысяч населения, и, в то время, как их количество росло, большинство населения богатством и положением в городе по-прежнему были язычниками. Это было, конечно, верно, так как в процессе христианизации, как правило, хорошо одетые и образованные, богатые и благородные были последними, кто приходил в церковь, и это были руководители города, составлявшие ядро языческой традиции в Газе. И это была лишь одна из многих трудностей, с которыми сталкивался епископ и его духовенство в таком городе, как Газа.

Только личный святой пример и преданные труды епископа, и верных жизни своей паствы, мог сделать так, что христианство было поддержано в Газе вообще. Там была лишь одна христианская церковь, названная Эйрене («Мир»), и небольшой дом для епископа. В противоположность этому, язычники имели восемь прекрасных храмов. Это были святыни, которые можно было бы найти в любом центре язычества: Храм Солнца, Храм Афродиты, храм Аполлона, храм Афины, храм Гекаты, храм Тюхе («Доброй Фортуны города»), и Героон, посвященный мифологическим героем, святыни такой древней, что имя героя было забыто.

Культ Афродиты в Газе был характерен для языческого поклонения. На одной из городских площадей там стояла видная отовсюду мраморная статуя богини, ее элегантная нагота постоянно толкала на преступление христиан. Язычники города, особенно женщины, зажигали лампы и курения перед образом, и богиня должна была давать советы, в виде пророчеств, лицам, вступающим в брак. (Христиане отмечали, что некоторые из браков по контракту так не увенчались успехом.)

Наибольшим из храмов, однако, был Марнейон, посвященный Марне, мощному божеству, которое должно было представлять ипостась рожденного на Крите Зевса. Это было наиболее известное языческое святилище в Газе, центр, где собирались все служители старых богов. Марна был всесильным богом, который председательствовал во всех аспектах природы, его следовало умилостивить, если город хотел оставаться процветающим. Каждый из остальных богов и богинь покровительствовал определенной сфере человеческих дел, но Марна был наивысшим.

Именно с такими древними силами епископ Порфирий и его люди должны были бороться. Сила Христа, в конце концов, победит, они знали это, но путь вперед был далек и труден. Язычники использовали каждую возможность для подавления христиан. Порфирий помнил, что до своего прибытия в Газу он был хиротонисан в епископа в Кесарии. Язычники, жившие в деревнях за пределами города, когда узнавали, что он на пути, посыпали дорогу шипами и колючими лозами, и покрывали всё это грязью, а когда епископ и его сторонники попадали в поле зрения, идолослужители устраивали придорожные пожары из зловонных веществ, так что путешественники задыхались от смрада и ослеплялись дымом…

Таков был образ жизни, который епископ Порфирий обнаружил по прибытии на место. Тем не менее, его призвание несло его через неприятности, какие молодому человеку его происхождения, возможно, были не к лицу. Он родился в знатной и богатой семье в Салониках, желание оставить всё мирское и следовать за Христом пришло к нему в середине его двадцатых годов. Затем он покинул свой дом и отправился в Египет, где провел пять лет одиночного созерцания и молитвы в Ските в Нитрийской пустыне, к западу от устьев Нила. Египет был полон подвижников, которые ушли туда, чтобы избавиться от привязанности к миру и победить желания плоти.

После пяти лет этой аскетической подготовки Порфирий перебрался в район реки Иордан, где провел еще пять лет в молитвах и поклонении, и жил в пещере.

Одним из суровых испытаний, которые аскет того времени накладывал на себя, была диета из продуктов самого скудного рода. Это считалось одним из наиболее действенных средств обуздания тела и его желаний. Как это часто бывало, Порфирий начал страдать от болезни печени, с перемежающейся лихорадкой, так как его пища была такой, что печень не могла функционировать должным образом. Но Порфирий презрел болезнь, и с этого времени, всю оставшуюся часть жизни, он следовал режиму, который держал тело в постоянном состоянии ограничения и освобождал его для служения Богу. В обычные дни он никогда не ел до заката, а затем его еда состояла из черствого хлеба и трав. На святые дни Церкви, однако, он ел в полдень, и в эти дни он добавлял к своей пище масло, сыр, горох и фасоль, замоченные в воде. Он также стал принимать, ради целебного эффекта, одну чашку вина, смешанного с водой ...

Когда он закончил это пятилетнее подвижничество в пещере близ Иордана, Порфирий пошел в Иерусалим для поклонения святым местам. Здесь, по его святой жизни и глубокому благочестию, он привлек внимание Праилия, епископа Иерусалимского, который рукоположил его в священники и назначил его хранителем Древа Истинного Креста, хранившегося в золотом сундуке. Порфирию было тогда 45 лет.

Через три года после рукоположения вот такого человека избрали в епископы известного языческого города Газы. Это была должность, которая призы-

вала к величайшей храбрости и постоянству, и самой животрепещущей любви Христа.

В течение нескольких лет после своего прибытия в Газу, Порфирий посвятил себя своей пастве, все время наблюдая за язычниками, чтобы скорейшим образом узнать, в чем их сила. Он жил в маленьком доме епископа с максимальной простотой, с участием двух молодых людей, которые посвятили себя служению ему. Одним из них был каллиграф, профессиональный писец по имени Марк, который зарабатывал на жизнь копированием книг в Иерусалиме, когда Порфирий находился там. Привлеченный к святой жизни Порфирием и побежденный его вежливостью, Марк пристал к епископу и, со временем, написал его житие. Другим спутником был юноша по имени Барох, беспризорник, которого нашел Порфирий среди больных и брошенных на улице в Газе. Епископ взял ребенка к себе в дом и восстановил его здоровье, а Барох стал его верным помощником. Оба – и Марк, и Барох, успели быть рукоположенными в диаконы самим епископом.

Из опыта Порфирия стало ясно, что он не мог надеяться на помощь со стороны местных властей в исполнении императорских законов, согласно которым языческие храмы должны были быть закрыты. Язычники в Газе были слишком сильны, и они могли выплачивать взятки, которые сохраняли их обряды в безопасности от вмешательства, в судебном или ином порядке.

Так епископ Порфирий, спустя три года после того как он пришел в Газу, послал Марка в Константинополь с письмом к патриарху Иоанну Златоусту. Патриарх обеспечил выдачу имперского указа о том, что храмы Газы должны быть закрыты, и специальный посланник был отправлен из Константинополя, чтобы привести этот указ в действие. Посланник Гиларий действительно закрыл все храмы, кроме одного. Но это была святыня Марны, и приверженцы Марны передали Гиларию взятку в таком размере, что он воздержался от закрытия святыни. Гиларий покинул Газу, и незадолго до того идолопоклонники возобновили свои привычные обряды.

Этот эпизод дал понять епископу, что он сам должен был бы подать апелляцию в Константинополе, и что он должен был сделать это в самых высоких кругах. Взяв Марка с собой, он отправился в долгое путешествие в столицу и провел много месяцев там в суде. Он нашел ряд других епископов в столице по аналогичным делам.

Порфирий вскоре смог завоевать внимание императрицы Евдокии, благочестивая госпожа тогда ждала своего четвертого ребенка, который должен был стать будущим императором Феодосием Младшим. Евдокия, услышав рассказ епископа, отправилась к Аркадию и попросила его приказать, чтобы языческие храмы в Газе были уничтожены. Ответ императора показал, какие трудности имелись в деле подавления старой религии. Аркадий знал, что город был в основном языческим, но он также должен был иметь в виду, что город платил значительную сумму в виде налогов, и, кроме того, регулярно выплачивал то, что нельзя было ожидать от рядового города. Если бы язычники, которых было

большинство населения, были внезапно лишены своих культов, они бы покинули Газу и поселились в другом месте, и тогда доходы были бы потеряны. Император предложил вместо того, чтобы перейти к христианству постепенно, забирая гражданские чины у ведущих язычников, и при этом храмы должны были быть закрыты, а не уничтожены.

Императрица, однако, менее связанная мирскими соображениями, заверила епископа Порфирия, в свою очередь, в помощи, которую она могла оказать, и, кроме того - чего епископ не просил - Евдокия пообещала средства на основание новой церкви в Газе. Со временем, всё, чего Порфирий мог пожелать, было удовлетворено. Вскоре после того, как родился Феодосий, первый сын после трех дочерей, императора убедили, с некоторым трудом, издать распоряжение о сносе храмов, и, после того как епископ уехал в Газу, Евдокия дала ему значительную сумму денег для новой церкви, а также прекрасный набор богослужебных сосудов и средства на строительство гостевого дома, связанного с церковью. Проведение имперских указов в жизнь было возложено на посланника Кинегия, который был активным христианином.

Удовлетворенный епископ отправился в Газу, но он знал, что еще предстоит битва, что язычники не примут императорские указы без труда. Через десять дней он достиг города, в обществе Иоанна, епископа Кесарии Палестинской, а Кинегий прибыл провести императорский указ в действие. Посланника сопровождал ряд государственных служащих и большая группировка войск. Это была середина мая 402 г.

Имперские чиновники обнаружили, что многие из язычников отступили от города, когда они узнали о действиях императора; идолопоклонники поняли, что на этот раз они не смогут сопротивляться. Многие из них, в том числе, большинство богатых людей города, ушли из Газы. Некоторые планировали остаться временно в деревнях недалеко от города, а другие пошли дальше и поселились в других городах.

Кинегий размещал своих солдат на поселение в домах, оставленных ушедшими язычниками, и на следующий день созвал собрание жителей города, на котором он прочитал императорское письмо. Граждане узнали, что храмы с их кумирами должны быть сожжены.

Вспыхнул шум, так как язычники кричали в знак протеста, а христиане кричали от радости. Кинегий приказал войскам двигаться через толпу, и солдаты начали бить язычников палками и кольями.

Так началась сцена, известная в истории Газы. Марк описал ее в ярких деталях в своем житии епископа Порфирия.

По команде войска вышли с площади, чтобы начать снос храмов, и толпа христиан с любопытством смотрела на это. Это не было необычным делом для войск. Римские солдаты были заняты в мирное время выполнением многих невоенных задач, в частности, технических мероприятий, и они были хорошо знакомы с методами сноса. Всего сто лет назад войска императора Диоклетиана

открыли последнее большое преследование христиан, срыв христианскую церковь в Никомидии.

Так как это был главный языческий храм города, солдаты пошли сначала к Марнейону. Здесь, однако, они не смогли найти ничего, кроме жрецов божества, которые, заранее предупрежденные, укрепили ворота во внутренний храм большими камнями, так что солдатам было невозможно разбить их. Жрецы также, как выяснилось позже, спрятали идолов и драгоценные сосуды, используемые в обрядах.

Было решено продолжить дело с Марнейоном позже, и солдаты направились в сторону других храмов. На этот раз у них не было проблем с входом. Они сначала захватили всё, что в храме представляло ценность, и при этом снесли некоторые из святынь и сожгли другие. Эта работа была организована епископом Порфирием, выступавшим на службе в церкви, который возложил проклятие на любого христианского гражданина, который взял бы что-либо для себя из языческих храмов. Сам епископ, с духовенством, оставался со своим народом во время сноса и останавливал людей всякий раз, когда искушение становилось слишком велико для них. Были, однако, некоторые грабежи незнакомцев, которые, оказались в Газе в то время, и присоединились к толпе.

Десять дней прошли в погромах и пожарах храмов и уничтожении статуй. Наконец, Марнейон остался стоять в одиночестве. Существовали различные планы относительно того, что с ним сделать дальше. Одни говорили, что он должен быть снесен, другие, что он должен быть сожжен. Третьи считали, что храм должен быть торжественно очищен и превращен в церковь, как это было сделано в других случаях.

Видя несогласие, епископ провозгласил день поста и молитвы, чтобы Господь мог явить народу Его волю. Вечером Порфирий осуществлял Святое Причастие, и во время службы ребенок семи лет, говоря по-арамейски, закричал, что храм должен быть сожжен. После некоторых сомнений относительно ребенка и его матери, епископ удовлетворился тем, что никто не научил мальчика сказать то, что он сказал, и слова ребенка были приняты за волю Божию.

На следующее утро солдаты и христиане города собрались и отправились в храм. Горючие материалы в здании были тщательно приготовлены. Крепкие деревянные двери внутреннего святилища были смочены смесью жидкой смолы и сала. Смесь была чрезвычайно горючей, и весь храм был в ближайшее время охвачен пламенем. Солдаты и чужие, когда они смогли попасть внутрь здания, грабили все, что могли из ритуальных сосудов и другие ценности. Огонь горел в течение нескольких дней.

После этого войска и христианские граждане обошли все дома в Газе в поисках кумиров. Они обнаружили, что многие из них спрятаны во дворах домов, и они либо сожжены, или выброшены в выгребные ямы.

Это было всё, на что епископ и его духовенство, возможно, надеялись. Но разрушение храмов и идолов было только началом новых трудов, и многие из язычников теперь умоляли о приеме в Церковь, и возник вопрос, который был

обычным в таких случаях - могут ли именно такие новообращенные считаться искренними. Епископ отказался проводить различия, однако, принимал всех, кто хотел быть обращен. Было зафиксировано, что в этом году около трехсот человек в Газе стали христианами, и каждый год после этого данное число увеличивалось.

По старой традиции на месте разрушенного языческого храма должна была быть построена церковь, как вечный символ триумфа христианства. Теперь обсуждался план и стиль церкви, который должен был заменить Марнейон. Сам храм был красивый: структура - куполообразная, круглое здание в окружении двух портиков, один внутри другого. Круглый план для церкви был бы вполне приемлем, но императрица Евдокия, которая вносила деньги на строительство церкви, пожелала, чтобы она была крестообразная, и выслала план из Константинополя.

Город был очищен от пепла и остатков мраморных изделий - много мрамора было пережжено в известь в кострах - и, опять же, следуя прочно установившейся традиции, епископ Порфирий использовал остатки мрамора для закладки тротуаров на улицах снаружи храма. По ритуальным причинам женщинам не было разрешено входить в Марнейон, но теперь не только женщины, но собаки, свиньи и вьючные животные будут ходить по его фрагментам. Этим осквернением некоторые из идолопоклонников были огорчены даже больше, чем разрушением самого храма, и в течение многих лет после этого такие граждане Газы продолжали быть язычниками, и не ходили по этой части улицы.

Епископ Порфирий воспользовался услугами архитектора Руфина, который приехал из Антиохии и был хорошо знаком с лучшими стилями архитектуры. Когда пришло время, чтобы начать работу по строительству, епископ провозгласил день поста, а когда он отпустил людей после утрени, он велел им собраться на месте новой церкви на следующее утро, и каждый из них приносил мотыгу или лопату, или другой такой инструмент.

Ранним утром люди встретились в церкви св. Ирины, чтобы идти в процессии к Марнейону. Это была традиционная процессия, практиковавшаяся христианами тех дней. Первым вышел Барох, неся крест. Потом христианский народ города, сопровождаемый по обе стороны группами солдат, которых Кинегий имел в городе, мог справиться с любой контратакой язычников. Позади шел епископ, с Евангелием, в окружении его духовенства, как Христа со Своими учениками, как сказал один человек.

Когда они пошли, люди запели - по-гречески - первые стихи девяносто пятого Псалма:

«Воспойте Господу песнь новую;
воспой Господу вся земля;
воспойте Господу, благословляйте имя Его,
благовествуйте каждый день спасение Его;
возвещайте в народах славу Его,
во всех племенах чудеса Его;

ибо велик Господь и достохвален,

страшен Он паче всех богов».

Другие псалмы пели затем, и, наконец, процессия пришла к Марнейону. В ходе традиционной церемонии закладки фундамента здания, архитектор Руфин взял гипс и отметил на земле план постройки. В то время как люди встали на колени, епископ молился, а затем велел начать рыть фундамент. Крича «Осанна! Христос победил!», все люди стали копать. Там не было никакого различия между мужчинами и женщинами, или стариками и детьми, но все работали изо всех сил. Некоторые копали почву, а другие уносили ее, так что в течение нескольких дней котлованы для всех фундаментов были готовы.

Камни были заготовлены в карьере за пределами города, и епископ вновь собрал людей на месте. После молитв и многократного пения псалмов, сам епископ стал носить камни и класть их в фундамент. За ним последовало все духовенство и миряне. Люди пели во время работы, и их пение можно было услышать в трех милях от города.

Работа продвигалась быстро, и, когда пришло время, императрица Евдокия, согласно своему обещанию, послала 32 колонны знаменитого изумрудного оттенка мрамора («Чиполлино») с мыса Кариста на Эвбее. Когда эти колонны достигли гавани Газы после морского путешествия, все население - мужчины, женщины, дети и старики, побежали к берегу. Каждая колонна была погружена на повозки, и сами люди тащили этот тяжелый груз в церковь.

Строительство церкви, начатое руками, продвигалось вперед осторожно и медленно, так как строители знали, что камни должны были быть хорошо подогнаны. Работа продолжалась в течение пяти лет. Церковь, по завершении строительства, стала называлcя Евдоксианы, в честь императрицы. Вместе со своими великими трудами, императорские чиновники также потратили немало сил, чтобы дать большие подарки, а щедрость была одним из качеств, ожидаемых от императора и его супруги. Это было характерно для общественных зданий, церквей и пожертвований, от которых императорский дом получал значительную часть своего престижа.

Великая церемония освящения состоялась на Пасху, 14 апреля 407 г. Богослужение было самым великолепным, насколько епископ Порфирий мог его подготовить. Присутствовали не только все христиане Газы и окрестностей, но и многие из епископов Палестины, и большое число выдающихся мирян от многих городов. В дополнение были тысячи монахов. Народ пиршествовал и радовался в течение недели после Пасхи.

Люди приходили посетить эту церковь из далеких мест. Епископа Порфирия иногда критиковали, потому что он сделал церковь столь великой, когда было еще относительно мало христиан в Газе. Он ответил, что люди не должны быть немногой веры, и что он сам был в доброй надежде, что Христос умножит свою паству, и что со временем христианское сообщество будет расти настолько, что церковь должна возрасти.

Это был памятник епископу Порфирию, и целая эпоха в истории города Газы. Порфирий был епископом в течение более чем пятнадцати лет. Последние эпизоды его жизни записаны его биографом, Марком Диаконом, как и характерные картины жизни в христианской общине Газы и вообще в христианском мире в целом - в те дни.

Даже после разрушения Марнейона и ясного проявления воли правительства, язычество не умерло в Газе, и христиане, священнослужители и миряне, должны были быть готовы в любое время иметь дело с неверными. Христиане и язычники постоянно сталкивались друг с другом при всем обычном течении деловой жизни, и в качестве естественных врагов они нередко обнаруживали, что их деловые операции превратились в вопросы утверждения веры.

Начавшаяся таким образом личная ссора могла перерасти в крупные беспорядки, как это и произошло в одном случае, когда возник спор между настоятелем Евдоксиан и одного из чиновников городской администрации, который был язычником. Спор по поводу уплаты налогов на какой-то территории, принадлежавшей церкви, стал достаточно шумным, чтобы привлечь некоторых других городских чиновников, а затем присоединились некоторые христиане. Идолопоклонники были все еще в большинстве в городе, и по такому случаю они, не колеблясь, приготовили оружие и даже мечи, хотя изготовление оружия должно было быть государственной монополией, и для гражданских лиц было незаконно брать его в руки.

Частные взаимные обвинения переросли в массовые беспорядки, и семь христиан были убиты, а многие получили ранения. Мятежники двинулись в направлении дома епископа. К счастью, некоторые христиане смогли их опередить и предупредить епископа. Порфирий справедливо решил, что это не повод, из-за которого он должен стать мучеником, и со своим спутником, Марком Диаконом, он пробрался по плоской крыше дома и поспешил прочь, перескакивая с одной крыши на другую.

Когда язычники прибыли, они сломали двери резиденции епископа и, разочаровавшись, не найдя его, продолжили разрушать дом. Между тем, Порфирий и Марк, убегая по крышам, встретили на одной из крыш девушку около четырнадцати лет, которая признала епископа. Когда девушка встретила его, он узнал, что она была сиротой, работала, чтобы содержать бабушку-иждивенку. Она не была христианкой, но давно хотела стать ею. Это было на крыше дома этой девушки, так что епископ и его спутник нашли убежище. Девушка пообещала не раскрывать их присутствие и дала епископу соломенную подстилку и подушку, изготовленную из плевел, на которых он мог бы спать.

Девушка предложила своим гостям очень скудное питание, которое было всем, что она могла позволить себе, но это на самом деле мало чем отличалось от привычной пищи епископа. Он и Марк ночевали на крыше, пока они не узнали, что беспорядки прекратились. Возвращаясь к себе домой, епископ нашел Бароха лежащим, тяжело раненым бунтовщиками. Губернатор Палестины по-

слал войска в Газу, и бунтовщики были наказаны. Но язычество еще не было полностью мертво в Газе.

Епископ Порфирий умер 26 февраля 420 г. Он был епископом Газы в течение 24 лет, 11 месяцев и 8 дней. Ему было 73 года - глубокая старость в мире тех дней. Газа же еще не была полностью христианской, но религия Христа была твердо установлена в городе. Епископ, его жизнь и его труды, стали частью традиции города. Во всех своих трудах он был частью сообщества, членом общины, а также ее лидером. Христиане Газы, вместе с их главным руководителем, показали одну из причин, почему христианство заменило язычество: христианство было религией индивидуальных людей как частей своей общины, земного сообщества, в котором они были частью Тела Христова, в то время как язычество было религией независимой личности, стремившейся найти свое собственное спасение своими собственными усилиями в таинственном и часто враждебном мире, в котором язычник как одинокое существо должен был выработать свою религию для себя. В том, что Марнейон был разрушен, а Евдоксианы построены, можно было увидеть прочность христианской общины как сообщества, и таким образом, древний языческий город трансформировался, в свое время, в новый христианский город. Физически, конечно, это был в значительной степени тот же город, но его люди изменились. Имя епископа Порфирия отныне жило в истории Газы как символ наступающего нового города.

II. Лики города

Город начинает существование, потому что ни один человек не самодостаточен; у всех нас есть много потребностей.

Платон. Государство

Средиземноморский город всегда был обращен лицом к морю. Морские порты региона, естественно, имели много общего. Но вместе с тем, они также и отличались друг от друга. Купец, путешественник, воин, чиновник - все находили свою нишу в портовых городах Средиземноморья. Оживленный порт Газы (гавань Маюма) был наполнен судами всех видов, от лодок и мелких рыболовных судов до тяжелых торговых судов и военных кораблей императорского флота. Гребные суда, рыбацкие лодки, когда они не были в море, стояли на берегу или были привязаны на каменных набережных. Более крупные суда стояли вдоль причалов, особенно при погрузке или разгрузке, иногда они стояли на якоре в гавани. Рыбацкие лодки имели конструкции, которые использовались в Средиземном море в течение многих столетий, их корпуса были ярко окрашены. Лодки имели один парус, иногда квадратный, иногда продольный или треугольный. Лодка могла быть с веслами и большим веслом на корме для рулевого

управления. Паруса и сети сушились на ярком солнце, и в это время рыбаки занимались ремонтом тяжелых сетей. Многие лодки принадлежали семейным артелям, и можно было увидеть деда, сыновей и внуков, работающих вместе. Иногда они говорили по-гречески; чаще их язык был коренной семитской речью Палестины. Облик порта делал его почти Вавилоном, где звучали греческая, латинская, арамейская речь, а иногда и египетская. Газа почти всегда имела в своей гавани крупные торговые суда, которые составляли основу торговли Средиземноморья. Также там были суда всех размеров, от больших лайнеров в 1200 т вплоть до небольших судов, которые шли вдоль побережья с заходом в каждом порту и собирали грузы и пассажиров для коротких поездок. Крупнейшие грузовые и пассажирские суда плыли между основными портами, иногда неся несколько сотен пассажиров в дополнение к грузам пшеницы, оливкового масла, вина, леса. Некоторые из крупных торговых судов перевозили 70-80 тыс. литров прекрасного палестинского вина по всей империи. Вино перевозилось в глиняных сосудах, тщательно запечатанных и уложенных в вертикальном положении. Иногда корабль, везший пшеницу из Египта в Константинополь, останавливался в Газе, но всякий раз, когда это возможно, эти суда предпочитали совершать поездку без остановок. Торговый флот имел жизненно важное значение для благосостояния столицы, население которой было настолько велико, что окрестности были не в состоянии предоставить достаточное количество продовольствия. Столица требовала более ста тысяч тонн зерна в год, часть его шла для свободного распространения среди бедных и безработных. Торговые суда были построены по схеме, которая была разработана веками практического опыта. Построенные с закругленными корпусами, они часто были предназначены для использования паруса и весел вместе. Типичный торговый корабль был длиной в 184 фута, 45 футов шириной, 44 фута глубиной. Он мог перевозить от 1200 до 1300 т зерна. Имелась каюта на палубе для капитана и старших; экипаж и пассажиры спали на палубе, что было нетрудно в теплом средиземноморском климате, в котором сезон навигации, чтобы избежать зимних штормов, продолжался с апреля по ноябрь.

Основным элементом конструкции была грот-мачта в центре корабля. Далее имелся треугольный марсель над ней, на вершине треугольника, прикрепленного к верхней части мачты. Впереди обычно был бушприт, а парус крепился на короткий нос мачты, выступающей над носовой частью. Холст парусов был ярко окрашен, и их пестрые цвета и позолоченные украшения создавали прекрасный вид на ясном средиземноморском воздухе с ярким солнцем, отражавшимся на голубой воде.

Некоторые торговые суда были оборудованы только парусами, но другие использовали весла в дополнение. Обычно весла были расположены в один ряд по всей длине корабля, в отличие от кораблей, которые несли два или более рядов. Гребцы были рабами или заключенными, хотя иногда они были свободными моряками.

Суда управлялись парой больших весел, связанных друг с другом вдоль каждой стороны кормы. Капитан должен был вести судно, ориентируясь на солнце и звезды, и использовать ориентиры, где только мог, ибо не было еще никакого компаса. Многие корабли предпочитали всегда путешествовать в пределах видимости земли, хотя более крупные суда выходили и в открытое море. Имелись карты и прибрежные описания (периплы), которые были довольно точными, и были справочники гаваней, которые давали практическую информацию.

Экипаж судна можно было собрать почти в любом порту, и лучшие из моряков были высококвалифицированными специалистами. Греки строили корабли и парусный флот на протяжении веков. Они любили море и имели инстинкт для него, и в некотором смысле чувствовали себя на воде, как на суше. Египтяне также были способными моряками.

Корабли несли меньше парусов, чем они были в состоянии, и мачты были значительно ниже, чем они должны быть. Результатом этого, конечно, было то, что корабли были медленными, но намного более безопасными. В хорошую погоду с попутным ветром они были способны сделать от четырех до шести узлов, но в плохую погоду капитан довольствовался двумя. Купцы и путешественники были готовы потерпеть. Знаменитый вояж ап. Павла из Кесарии в Рим длился с августа по март, хотя, конечно, это включало три месяца, проведенные на Мальте после кораблекрушения, так как дальнейшее плавание было невозможно в зимние месяцы. Если ветер не был благоприятным, на рейс из Газы в Константинополь, на расстояние около тысячи морских миль, требовалось 20 дней, включая остановки в пути. Путешествие из Александрии в Остию, аванпорт Рима, занимало в среднем от 50 до 70 дней, если позволяла погода.

Славой вод Средиземного моря, однако, были великолепные корабли имперского флота. Штаб-квартира средиземноморского флота находилась в Селевкии Пиерии (аванпорт Антиохии), но военные корабли были не частым зрелищем в гавани Газы, где они иногда появлялись в ходе их подготовки к войнам или маневрам. Военный флот был еще необходим для поддержания порядка на морях, так как, несмотря на все меры, еще имели место вспышки пиратства. Быстрые суда были также необходимы для выполнения официальных поручений имперских эмиссаров. Кроме того, вандалы, которые завоевали Северную Африку, имели мощный флот в западной части Средиземного моря, и хотя в то время они не показывали никаких признаков попыток расширения на восток, флот должен был быть начеку во все времена.

На основе многолетнего опыта, имперские адмиралы использовали лучшие типы боевых кораблей. Великие триеры, квадриремы и квинкверемы былых дней, с их многочисленными рядами весел, постепенно ушли в прошлое, уступив место в пользу более мелких и легких судов. В то время использовались преимущественно либурны и новый тип судов – дромоны. Оба они доминировали в гавани Газы.

Либурны первоначально были изобретены пиратами на побережье Далмации, которые нуждались в быстрых судах. Они имели так много преимуществ, что римский флот вскоре принял их на вооружение. Пиратская версия имела один ряд весел, но римляне добавили второй ряд, что в общей сложности дало 50 весел на каждом борту судна. Уключины этих двух рядов не были размещены непосредственно друг над другом, но весла были разной длины, так что два ряда не мешали друг другу. Одним из преимуществ модели было то, что можно было опустить мачту и такелаж, когда судно шло полным ходом, что делало возможным для корабля идти в бой без задержки. Как и на всех древних кораблях, одной из главных особенностей вооружения либурны был баран - массивное бревно, обитое бронзой, которое выступало вперед под водой.

Экипажа судна состоял из гребцов, морской пехоты, лучников и пращников, оснащенных тяжелыми катапультами, которые могли метать камни с точностью, даже в море. Гребцы были свободными военнослужащими моряками, более надежными и лучше подготовленными, чем рабы. В бою успех зависел от капитана и возможностей для маневра корабля с долей секунды точности, и гребцы должны были быть одновременно сильными и готовыми мгновенно реагировать на команды. Моряки и гребцы были в основном греками с Ионического побережья Малой Азии и Египта.

Но новым чудом императорского флота был дромон («разрушитель»), который был способен достичь большой скорости и был неоценим для разведки и связи. Это был однорядный корабль с палубой, которая защищала гребцов. Важным новшеством было то, что экипажи этих судов были обучены и как гребцы, и как воины, так, чтобы не было никаких лишних людей на борту, и каждый человек был на счету.

Таковы были красивые корабли, которые можно было иногда увидеть на якоре в гавани Газы. Окрашенные в синий и белый, цвета имперского флота, с позолоченными украшениями и яркими сигнальными флагами и огнями, они создавали прекрасный вид.

Когда прохожий шел по набережным или берегам под палящим солнцем, все разнообразные товары из шумного морского порта ожидали загрузки. Караваны, которые приходили по суше, через Беер-Шебу с Востока, приносили специи, ковры, шелк и хлопок, изделия из драгоценных камней и разнообразные металлические изделия. Из Ирана, Индии и Восточной Африки привозили меха и шкуры, вышивки, духи и благовония. Из-за высокой стоимости и риска транспортировки, все эти караванные товары имели высокие цены, но спрос на них был все же больше, чем их можно было доставить.

Специи добавляли свой острый вклад в разнообразные запахи, типичные для гавани. Они дополнялись запахами конопли, специй, соленого воздуха, древесного угля, ароматами из кухонь и печей. Причалы были полны вавилонскими шумами, исходящими от людей и животных, ибо ослы и верблюды были неотъемлемой частью любого события. Кроме того, толпы лежащих и стоящих вер-

блюдов заполняли окрестности порта, ибо только на них можно было перевозить такие товары через пустыню.

Не только экзотические товары восточных караванов делали из порта Газы увлекательное зрелище. Продукты самой Палестины, которые прошли через морской порт, были известными и пользовались спросом во всем греко-римском мире. Среди экспорта были вино, сушеный инжир. Фруктовые и финиковые плантации были весьма прибыльными, и их продукты были востребованы. Также был весьма популярен сироп, сделанный в Иерихоне; вино, произведенное в Галилее, был известно далеко за пределами провинции. Различные виды местных плодовых вин также отправлялись за море. Целые деревни были заняты, производя керамическую посуду, амфоры, в которых вино можно было транспортировать по морю.

Лен, конопля и хлопок росли в Палестине. Лен высокого качества пользовался большим спросом в империи. Хна и шафран также шли на экспорт. Оливковое масло, один из главных продуктов жизни всюду в древнем мире, не так много вывозилось из Газы, и Палестина в целом была не в состоянии производить этот важный товар на экспорт.

Газа была заполнена как импортными, так и экспортными товарами. В Палестине не росло достаточно пшеницы, чтобы удовлетворить большой спрос на хлеб, один из главных элементов средиземноморского питания, и пшеница должна была импортироваться с Кипра и Египта. Ее отправляли в мешках, и когда корабль с пшеницей выгружался на набережной в Газе, бесконечный поток почти обнаженных людей, пыльных и потных под тяжелыми мешками на плечах, совершал свой путь от трюмов вниз по тяжелым доскам, установленным между палубой и набережной.

Переходя от грузов и причалов на улицы, посетитель находил все вещи и предметы, связанные с доставкой и торговлей. В одноэтажных конторах, магазинах и складах, некоторые из тесаного камня, другие их побеленного сырцового кирпича, размещались купцы, банкиры, агенты фирм и ростовщики. Здесь можно было найти плотников, парусных дел мастеров, плетельщиков сетей, кузнецов и медников. Рано утром рабочие собирались на площади в ожидании найма - грузчики, безработные моряки. Везде были винные лавки и таверны, с окном, открывающимся прямо на улицу, чтобы служить в качестве стойки, и с доступными ценами для людей, которые хотели поесть.

Люди, которые выходили на улицы около гавани, были живым воплощением всей многообразной жизни в мире в этот день. Их одежда показывала их происхождение и призвание. Моряки с их короткими туниками и босыми ногами выглядели как все матросы на протяжении веков. Рабочие были одеты в короткие туники выше колена из хлопка летом и из шерсти в зимнее время. Купцы и другие богатые люди носили длинные одежды, доходившие до щиколоток, иногда простые, иногда украшенные вышивкой. Иноземные гости могли быть идентифицированы по их экзотическим одеждам. В толпе можно было увидеть африканских рабов, чьи богатые владельцы одели их в красивые, яркие туники с

отделкой из золотой или серебряной тесьмы. Солдаты и матросы носили одинаковые туники и имперские эмблемы различного цвета в зависимости от рода войск. Бородатые восточные погонщики верблюдов в чалмах и длинных ярких одеждах ходили, глядя на достопримечательности города. Дети, игравшие везде на улицах, носили каждый разный костюм, порой уменьшенные копии платья своих родителей и старших братьев, если их родители могли позволить себе скудные и невзрачные лохмотья, действительно плохо выглядевшие.

При всей своей суете и процветании, морской порт Газы не мог избежать пятен темных удовольствий, которые с древнейших времен группируются вокруг гаваней мира. Ночь, драки и пьяные царили на неосвещенных улицах в местах, в которые не войдут добропорядочные граждане, даже при лунном свете, и солдатам, которые действовали как полиция, приходилось сбиваться в отряды для своей собственной защиты. Порт и сотрудники полиции должны были быть готовы иметь дело с каждым типом преступления. Все это было настолько само собой разумеющимся в жизни морского порта, что Газе, можно сказать, повезло среди древних городов тем, что основная часть города лежала внутри страны, отделенная от гавани на расстояние около трех миль. Таким образом, как и Афины с их гаванью в Пирее, Газа наслаждалась всеми преимуществами морского города, и, в то же время, она была в состоянии защитить себя от некоторых из худших особенностей опасной приморской военной жизни.

Из-за постоянно набегавших песчаных дюн основную часть города не было видно из гавани, хотя город был построен на высоком холме в 50 м над окружающей пустыней. Основная часть города была окружена стеной с тяжелой каменной кладкой, с башнями для защиты, размещенными в стратегических точках. Город был расширен за пределы своей первоначальной территории, и по склонам холма дома спускались до края окружающей равнины. Местность между морем и городом представляла собой песчаные наносы, где лишь редко росла трава. Но хотя город лежал на краю пустыни, Газа и ее окрестности процветали, благодаря источникам пресной воды. В цистернах собирали дождевую воду во время зимнего сезона дождей, с октября по март. Город, таким образом, имел возможность пережить жаркие, сухие месяцы долгого лета. Наибольшую опасность для города представляла засуха. Таким образом, процветание экономики ранневизантийской Газы зависело от порта на средоточии торговых путей и источников воды для сельского хозяйства округи. Ремесло обслуживало потребности морской торговли и земледелия.

Но даже при том, что город был так обильно снабжен водой, жители Газы знали ее цену слишком хорошо, чтобы тратить ее впустую, и все емкости и фонтаны были дополнены бесчисленными цистернами, как государственными, так и частными, которые собирали дождевую воду, которая падала во время зимы, в сезон дождей, начиная с октября и заканчивая в марте. Город, таким образом, имел возможность пережить жаркие, сухие месяцы долгого лета. Наибольшую опасность для города представляла засуха, и отсутствие дождей в течение зимы означало гибель культур, которые были посажены осенью, а также посаженных

весной и в начале лета. Марк Диакон описывает в ярких деталях моления христиан, когда засуха пала на город при жизни епископа Порфирия. Когда засуха продолжалась в течение некоторого времени, люди попросили епископа молиться о дожде. Он согласился и провозгласил день поста, незаменимую подготовку к любому такому предприятию. Вечером люди собрались в главной церкви города, готовые держать бдение молитвы. В течение ночи они совершили тридцать молитв о дожде, как говорили, помимо пения псалмов и чтений из Священного Писания. Когда наступило утро, люди вышли, неся крест, пели гимны и совершали путь к древней церкви, которая стояла к западу от города. Когда они пришли в эту церковь, они творили дальнейшие молитвы, затем посетили мученика св. Тимофея, где молитвы были повторены. Тогда люди вернулись в город, останавливаясь по дороге три раза, чтобы помолиться еще. Через два часа южный ветер встал, и появились тучи. Был гром и молния, и, наконец, большие капли дождя начали падать словно град. Люди обнимались от радости.

Такова была роль, которую вода играла в жизни Газы. Наличие воды, в сочетании с наличием порта на данный момент, означало, что с древнейших времен Газа имела вид городского поселения. Древняя дорога шла вдоль побережья, в нескольких милях от моря, достигая на севере Сирии и на юге Египта, соединяя линию исторических городов, построенных вдоль побережья, некоторые из них - старше своих классических имен: Селевкия, Лаодикия, Арад, Триполи, Библ, Берит (Бейрут), Сидон, Тир, Птолемаида, Кесария, Иоппия, Ашдод, Аскалон. Эта дорога была проложена еще с доисторических времен.

С гор Иудеи две крупные дороги вели в Газу, чтобы соединиться там с дорогами побережья. Один из них был маршрут из Иерусалима, в 50 км длиной, другой - караванный путь из Беэр-Шебы, в 25 миль. Таким образом, Газа, в отличие от некоторых других древних городов, никогда не была основана - она существовала всегда. Ее жизнь всегда бурлила в средоточии своих дорог и гавани.

Климат этой области Палестины предоставлял Газе все удовольствия и преимущества внешней жизни Средиземноморья. Зимние дожди, а иногда ливни, не были непрерывными, и существовали промежутки с солнечной ясной погодой почти каждый день. Существовала ощутимая разница температур между днем и ночью в течение зимы, и, кроме этого сезона мороз и снег были практически неизвестны, можно было жить вполне комфортно, используя только жаровню для обогрева дома.

В течение лета полуденная жара была весьма напряженной, но падение температуры ночью приносило облегчение, а наличие моря сохраняло температуру ниже, чем в пустыне внутри страны. Как часто бывает в землях, где нет снега, все дома имели плоские крыши, на которых было приятно спать в течение лета.

Таким образом, жизнь в Газе, как и во всех средиземноморских городах, по сути, была открытой. Ежедневные дела и социальное общение происходили, насколько было возможно, на улицах или во дворах жилых домов, чьи гостиные

были построены вокруг открытых дворов, проложенных камнем или плиткой в богатых домах. Здесь было приятно находиться, так как часто тут располагался небольшой сад с бассейном или несколько фруктовых деревьев. Многие сады были тенистыми, наружные комнаты увиты лозами винограда или розами, скрывавшими решетки. В течение дня и в вечернее время все семейные мероприятия проводились в этих приятных дворах.

Лавки были частью той же самой жизни под открытым небом, все они открывались прямо на улицу. У некоторых были ценники, на которых были написаны товары, в других был просто большой открытый прилавок, на котором товары были выложены на земле, и ремесленники сидели весь день, занятые своей работой. Купцы и ремесленники, занимающиеся одной и той же деятельностью, как правило, группировались вместе, и потенциальный покупатель мог спуститься по целой улице сапожников, свернув на другую улицу ткачей и красильщиков, или третью улицу медников, чей металл привозили из шахт Синая. Дома и магазины строились иногда из необожженного кирпича, иногда из камня из карьеров недалеко от города. Дерево в этом краю не было обильным, и поэтому использовалось в небольшой мере.

Хотя Газа была древним финикийским поселением, к началу VI в. она уже очень долгое время была частью греко-римского мира, по существу, одним из эллинских городов, которые везде преобладали в восточных землях Римской империи, даже в семитской Палестине. Холм, на котором был построен город, имел форму приблизительно продолговатого прямоугольника. Когда город был вскоре после римской оккупации Сирии и Палестины перестроен, улицы были запланированы практически по эллинистической прямоугольной сетке, называемой по имени градостроителя Гипподама Милетского, который ее создал. Идя под прямым углом друг к другу, эти две группы улиц пересеклись через регулярные промежутки, образуя прямоугольники городских кварталов. Некоторые улицы были расширены, и основных из них было две, пересекавших центр города с севера на юг и с востока на запад, разделяя всю площадь на четыре секции. Там, где эти пути пересекались, в центре города, они формировали основную площадь - агору, или рынок. Вся картина была ограничена городскими стенами, и на каждой из четырех сторон укреплений имелись ворота, в конце одной из главных улиц. Западные ворота стояли на завершении прямой дороги, шедшей через дюны, которая связывала Газу с гаванью.

Такой план города был самым удобным и упорядоченным из тех, что можно было бы разработать. Это позволяло равномерно распределять солнечный свет по различным часам дня, и улицы были ориентированы так, чтобы уловить большую часть ветров. Такая картина поразительно контрастирует с узкими, извилистыми улочками старых догреческих городов, таких как Иерусалим.

Эллинистический план города также предоставлял широкие возможности для архитектурных композиций и элегантной отделки. Мраморные колоннады вдоль основных улиц и классические форумы, украшенные изящными мрамор-

ными статуями и фонтанами с архитектурой, были размещены в удобных районах города. Классические храмы ранних языческих дней исчезли, но церкви, которые изгнали их, сами проистекали из той же классической традиции. В этой обстановке общественные купальни не были единственными источниками ежедневных удовольствий, но были необходимы для хорошего здоровья. Вместе с более крупными термами, с их библиотеками, лекционными залами, гимнасиями, спортивными площадками на открытом воздухе и садами, формировали социальные и культурные центры. Разнообразие деревьев и кустарников по всему городу давали удовольствие для глаз. Наиболее были распространены и тщательно культивировались розы. Имелись также многие декоративные деревья, такие как финиковая пальма, кипарис, мирт и можжевельник.

Это была очаровательная обстановка, процветающая и комфортная. Деловые люди, ученые, правительственные чиновники, и важные граждане повсюду двигались на улицах, шествовали в бани и на общественные площади, были сыты и процветали, и их слуги и рабы жили в относительном комфорте.

Улицы были заполнены шумной жизнью, и в разгар деятельности дня, незадолго до полудня, основные магистрали были переполнены людьми и животными. Ослы, верблюды и мулы, однако, не были единственными вьючными животными, и носильщики, и слуги делали много погрузок, так что животным, возможно, в этом отношении повезло. Повозки и носилки не были распространены, хотя двухколесные тележки иногда использовались для перевозки таких грузов, как древесина и строительные материалы. Слуги, несущие корзины и свертки, торопились подгонять своих хозяев. Чиновники и зажиточные граждане ехали на лошадях, рабы перед ними шли в толпе, чтобы расчистить путь. Армейские офицеры отличались белым цветом плащей. Продавцы фруктов и овощей проводили своих тяжело нагруженных ослов по улицам, выкрикивая о своих товарах.

Все это происходило на улицах, так что гость города мог увидеть наиболее четко, и хотя Газа была внешне классическим полисом, греческая культура была отнюдь не единственной в жизни города. До этого исторически город находился на семитской земле. Многие из процветающих муниципалов, которые говорили по-гречески, имели семитские черты и даже семитские имена, или греческие имена, которые были, очевидно, переводом с семитских. Наряду с ними были и другие явные следы прежнего населения и языка. Несмотря на территориальную разбросанность, многие евреи еще жили во всех городах Палестины и продолжали заниматься многими видами торговли. Хотя евреи не были в хороших отношениях с их христианскими соседями и страдали от политических ограничений их возможностей, а также ограничений, налагаемых имперским правительством, тем не менее, они цеплялись за города, в которых они родились.

Евреи не были единственным древним рудиментом, который можно было увидеть в городе. В Газе, как и везде в Палестине, имелись следы самаритян - остатки древнего народа, теперь резко враждебного как для евреев, так и для

христиан, которые, в свою очередь, презирали представителей этого странного народа. Самаритяне отреклись от своего еврейского происхождения и еврейских обрядов, и принимали только Пятикнижие Ветхого Завета и оригинальные пестрые таинства. В то же время, их культы содержали языческие элементы, которые навлекали гнев как евреев, так и христиан. Самаритяне жили в основном в окрестностях горы Гаризим (Геризин), где им было позволено построить храм в эпоху эллинизма, но их колонии можно было найти во всех крупных городах Палестины. В таком городе, как Газа, они были постоянным источником трений, и муниципальные власти тщательно наблюдали за ними, ибо там происходили периодические восстания, в которых самаритяне, под влиянием своих националистических демагогов, устраивали резню своих христианских соседей и уничтожали христианские храмы.

Но если этнический состав Газы был смешанным, то в общественных празднествах и развлечениях город был исключительно греческим. Эти развлечения были неотъемлемой частью греческой культуры, которую принесли на эти земли Александр Великий и его преемники. Скачки были одним из самых популярных видов спорта, а ипподром был центром общественной жизни. Театр ставился выше других удовольствий. Но трагедии и комедии классических драматических поэтов больше регулярно не представлялись на сцене, хотя они тщательно изучались в школах, и известные отрывки учили наизусть. Свое место, однако, занимал процветающий «балет», основанный на известных сюжетах из мифологии. Пантомима, некогда популярная, выродилась и стала настолько нежелательной, что выступления были недавно запрещены во всей империи по императорскому указу. Сохранялся еще один старый вид развлечений - охота и убийства диких животных на арене, что также должно было быть запрещено.

Это были обычные развлечения в мире того времени, но были и другие, менее частые источники отдыха и восстановления сил, которые были более зрелищными и более разнообразными. Каждый город, имеющий какое-либо значение на греческом Востоке, на протяжении всей своей истории имел серию фестивалей, которые отмечались ежегодно, а иногда и реже, и которые сочетались со спортивными конкурсами, музыкальными и литературными выставками. Некоторые из них проводились по имперской инициативе и за счет власти; другие финансировались богатыми гражданами. Спортсмены, музыканты, литераторы собрались вместе, чтобы показать свое мастерство. Литературные мужи и музыканты исполняли или декламировали свои собственные композиции, предлагали драматические декламации или соревновались в риторических конкурсах, в которых участники говорили на заданную тему.

Так как события происходили на улице, фестивали проводились в летний период, когда погода была хорошая, и не было никаких шансов на дождь. Многие из празднеств собирали большие толпы. Присутствовали все горожане, а также значительное количество посетителей из других городов, которые пользовались возможностью посетить другое место и попутно походить по магазинам. Одним из самых известных таких фестивалей были Олимпийские игры в Антио-

хии, названные в честь известных Олимпийских игр Греции и знаменитые как оригинальные соревнования, проводившиеся каждые четыре года.

Газа обладала полной мерой таких своих празднеств, и толпы стекались туда со всего греко-римского мира, чтобы аплодировать блестящим литературным выступлениям местных литераторов, чьи таланты сделали их знаменитыми во всем мире. Имперское правительство считало фестивали в Газе настолько важными, что они финансировались из императорской казны.

Купцы пользовались наплывом посетителей и понастроили ярмарок, на которых предлагались всякие предметы роскоши, как местные, так и импортного производства. Эти ярмарки славились, и они иногда были почти таким же притяжением для посетителей, как сами фестивали.

Так обстояло дело с развлечениями в городе. Каковы же были ее мирские дела, и как они регулировались?

Добропорядочные граждане вели себя так, что ответственность за обеспечение безопасности и порядка в городе сохранялись на них. Муниципальное правительство в таком городе как Газа представляло собой давние традиции в Римской империи, в которой местная администрация и централизованное управление были объединены любопытным образом.

Каждый город должен был платить налоги, как общегосударственные, так и местные. Сюда входил налог на поддержание имперского правительства, сложной гражданской службы, армии и флота, в дополнение к местным - муниципальной деятельности и служб, таких как поддержание общественного водоснабжения и канализации, предоставление общественных развлечений, контроль мер и весов, справедливых цен в магазинах и на рынках, обеспечение для полиции и пожарных. Существовали общественные врачи для тех, кто не мог платить за частное лечение, а правительство и церковь поддерживали больницы, детские дома, гостевые дома и приюты для пожилых людей.

В то время как имперская бюрократия участвовала в сборе части дохода, необходимого для всех этих разнообразных целей, уже давно стало традицией, что некоторые из этих услуг предоставлялись богатыми и общественно активными гражданами, выступавшими в свою очередь, и тратившими свои личные состояния для преимущественно своих сограждан. Их наградой за это был престиж и уважение, которыми они наслаждались; почетные надписи и статуи создавались в их честь со стороны государственных властей.

В силу этой традиции, великие города греко-римского мира порождали много богатых семей, которые использовали свои состояния для благотворительности, чтобы строить церкви, общественные бани, крытые колоннады в парках и общественные фонтаны. Часто они предоставляли частное серебро для использования в церквях в культовых целях, отправив в Антиохию или Константинополь, крупные центры серебряного дела, части сосудов, на которых затем были высечены их имена, и храмы могли иметь красивый набор этих евхаристических сосудов, предлагаемых последующими поколениями одной семьи.

Сыновья из таких домов были обучены с детства нести ответственность перед городом, и с нетерпением ждали, когда они займут свои места в общественной жизни своих городов. В первые годы VI века два брата были одновременно в Газе на высших должностях - один был епископом города, другой - главой гражданской администрации. Оба свободно использовали свои личные состояния для украшения города, а епископ заплатил за ремонт городских стен и ремонт башен и рва.

Но количество семей, которые могли нести такие расходы, естественно, было ограничено, а некоторые семьи не могли позволить себе благотворительность. Безусловно, со временем, бремя государственной службы больше не ложилось на людей в равной степени, и некоторые из традиционных расходов стали настолько велики в последние дни Римской империи, что богатые граждане были уже не в состоянии поддерживать эти требования, и поэтому правительству пришлось взять на себя часть государственных служб, которые раньше находились в руках местных магнатов. Время от времени имели место также экстраординарные военные расходы, связанные с новыми кампаниями или вторжениями войск иностранных государств, делавших необходимыми специальные сборы.

Уплата налогов никогда не была приятным делом, но общественное хозяйство, зачастую обремененное, продолжало функционировать, и всегда находились люди, которым удалось стать богатым, хотя средства, которые они использовали для этого, не всегда заслуживали похвалы. Коммерческие круги в Газе, естественно, включали предпринимателей всех видов, и если некоторые из них были честными, а другие сомнительного характера, то Газа ничем не отличалась в этом отношении от других городов своего времени.

В экономике в это время, в условиях, как это было с инфляцией, неожиданного налогообложения и нерегулярных циклов деловой активности, лучшие инвестиции находились в земле и в перевозке грузов. Производство не было централизовано, но велось сдельным образом и через семейные предприятия. Земля была безопасной инвестицией, но перевозка груза, в то время как риски были высоки, приносила очень высокие доходы. Если принципы экономики и государственных финансов не всегда хорошо понимались, то торговля в Газе процветала, и не только в целом, но и в достаточной мере, чтобы стимулировать развитие в городе интеллектуальной и культурной деятельности, которые могут лучше развиваться на фоне процветания предпринимательства.

В древнем порядке вещей, однако, стабильный мир на основе успешной коммерческой деятельности действительно существовал, но он существовал в совершенно другом мире: мире нищеты, непрерывной безработицы, неграмотности, болезней и эксплуатации. Медицинская профессия по-прежнему была ограничена тем, что она могла сделать. Рабы из богатых домов часто жили намного лучше, чем бедные свободные. Бедные и увечные, хромые и слепые были знакомыми достопримечательностями на улицах каждого города и деревни.

Для людей того времени это не казалось каким-то несовершенством мира. Разительный контраст между богатством и бедностью, как это всегда было характерно для Греции и Рима, считался сам собой разумеющимся, как природное свойство жизни. Еще Аристотель, греческий мыслитель, считал и учил, что люди не созданы равными по своей природе. Напротив, некоторые из них были рождены, чтобы править, другие, чтобы ими управляли. Среди последних, однако, встречались не только те, чье отсутствие природных способностей осудило их быть рабочими и слугами, но и те, кто попал в такое состояние по обстоятельствам жизни, будучи образованным. Для них было нехарактерно стремиться к более высокому месту в мире. Это было необходимо и целесообразно. Аристотель писал в своем трактате о политике, что должны быть как правящие, так и подчиненные элементы в природе и в животном мире. Работник был орудием экономики, и для таких людей было необходимо трудиться, чтобы существовать и оставаться на предназначенных для них обществом местах.

Бедность, сопровождавшаяся болезнями и преступлениями, была ежедневным зрелищем по всей Газе. Автор Притч обобщил опыт всего древнего мира: «Имение богатого есть крепкий град его. Беда для бедных их бедность».

До появления христианства, императорское правительство не сделало много усилий, чтобы исправить хроническую бедность и безработицу столь многих своих подданных. Существовали, конечно, бесплатные раздачи хлеба и зрелищ в Риме, там имелись некоторые бесплатные больницы и, в некоторых местах, общественные врачи, оплачиваемые государством, которые предоставляли свои услуги бесплатно, но всё это не имело никакого отношения к искоренению причин бедности. Там не было, например, свободного государственного образования, так что неграмотность по-прежнему была особенностью существования, и бедный мальчик, который не мог ни читать, ни писать, имел немного шансов на улучшение своего положения. Промышленность и сельское хозяйство не были организованы так, чтобы производство и занятость увеличивались. Бедные должны были сделать все, что могли, для себя сами.

Христианству удалось достичь многого в деле создания организованной благотворительности, и хотя церковь не смогла положить конец проблеме бедности, христианское милосердие и доброжелательность были одним из главных факторов в раннем распространении этой веры. Церкви в каждом городе стали центрами для распределения помощи всех видов: продуктов, одежды, денег, социальной помощи. Во времена голода или землетрясений церкви предлагала помощь также для язычников и христиан - действие, которое привлекло внимание в мире, в котором притча о добром самарянине была в новинку. Язычники действительно пытались противодействовать успехам христианства путем введения организованной благотворительности самостоятельно.

В Газе церковь делала, что могла среди бедных, так как ее средства допускали это. Иногда было трудно убедить хорошо обеспеченных христиан сделать достаточный взнос средств на эти цели, и священники должны были быть специалистами в знании того, как подойти к членам своих общин. Одно благо-

деяние было хорошо известно, а именно пожертвование, установленное епископом Порфирием в своем завещании, которое предусматривало выплату небольшой суммы на каждого бедного человека в городе во время Великого поста. Но при всей своей доброй воле, церковь не имела средств, чтобы выполнить все, что было необходимо. В самом деле, она должна был принять некоторые обычаи, которые уже существовали. Невозможно было положить конец рабству, которое было одной из основ древней экономики, сама церковь владела рабами. Заветы св. Павла о том, чтобы рабы и господа помнили свои обязательства по отношению друг к другу, без сомнения, привнесли что-то хорошее.

Так жили в Газе, как и везде, два мира: один, борющийся за существование, другой – пребывающий среди празднеств, образования и досуга; один мир - из семитоязычных людей, которые жили и умирали на улицах Газы, как делали их предки еще со времен филистимлян, другой - мир грекоязычных высокопоставленных чиновников и ученых, чья карьера вращалась вокруг полюсов Константинополя и Александрии и блестящего общества самой могущественной империи на земле; мир людей, которые жили в грязи лачуг и ели огрызки хлеба и оливки, а если они не могли получить эту еду – то объедки, и мир хорошо обеспеченных людей, собиравшихся в элегантных столовых, чьи мозаичные полы иллюстрировали знаменитые эпизоды из греческой мифологии, иногда с некоторыми весьма пикантными эпизодами.

III. Соседи города

Ты посещаешь землю и утоляешь жажду ее.
Псалом LXV.

Путешественник на Святой Земле, который поднялся на гору Quarantana, не мог бы увидеть «все царства вселенной во мгновение времени», как сделал Иисус, когда, по традиции, Он был искушаем на той горе, но ему откроется великолепный вид на Иерихон и из переправу через Иордан, зеленый и плодородный оазис которого выделялся богатством, тем более разительным против мрачного коричневого и серого цвета окружающей пустыни. На этой картине путешественник мог бы увидеть контраст между городом и деревней, между пустыней и посевами, что сказалось, прямо или косвенно, на жизни и деятельности людей во всей Палестине.

Вблизи Газы не было гор, но сам город был достаточно приподнят над окружающей равниной, чтобы сделать возможным для каждого, кто поднялся на крепостную стену города, иметь хороший вид на окружающую местность, зеленую и плодородную, благодаря источникам и колодцам, которые находились повсюду в этой области на краю пустыни.

Здесь, действительно, находилась неотъемлемая часть жизни города, ибо если человек был, как писал Аристотель, «по природе животное, предназначенное жить в городе», то он был также животным, которое должно есть. В начале VI века еще не пришло время, когда богатый и разнообразный запас пищи в любое время мог быть принят как должное, как естественная часть жизни города. Важные города, которые имели особенно благоприятное положение, действительно имели достаточно пищи в обычное время, но даже они могли проесть то, что производилось в различные времена года, и они должны были жить лишь с ограниченным запасом резервов. В тогдашнем мире производство, хранение и транспортировка продуктов питания представляли проблемы, для которых не было никаких средств правовой защиты, но они были доступными.

Посетитель Газы мог видеть, что жизнь крестьян в окрестностях города была такой же, как и у всех крестьян, множество которых проживали рядом с великими городами империи, и поставляли средства для их повседневного пропитания. Для начала отметим различия в языках и расах. Если Газа была исторически городом старой урбанистической культуры, то теперь это был мегаполис, в котором основным языком был греческий, дополненный латынью и различными языками, на которых говорят моряки и торговцы. Если и были какие-то потомки филистимлян, оставшиеся в городе, то теперь они говорили по-гречески или, возможно, на арамейском.

В округе города все было иначе. Многие из крестьян были еврейской крови, несколько сомнительно сохранялась филистимская кровь, но все они представляли собой население земли, в непрестанном земледельческом труде, будто вернувшееся к временам Самсона и далее. Язык может измениться, религия может измениться, так как одна или другая сила приобретали контроль над этой территорией, но крестьяне продолжали свою работу, последующие поколения жили на том же месте и трудились с тем же инструментами и методами, которые в большинстве случаев не изменились на протяжении веков. Правители города, которым крестьяне взяли свою продукцию, могли быть, в свою очередь, египтянами, обыватели - израильтянами, македонянами или римлянами (под римской оккупацией была лишь относительно небольшая часть истории этих земель). Сады, виноградники, огороды и пастбища производили ту же пищу, которую крестьяне поставляли в город на верблюдах и ослах, чья родословная была так же стара, как и у них.

Некоторые из крупных ферм, принадлежавших более благополучным и более счастливым людям, которые жили на своих фермах, окруженных амбарами и конюшнями. Весь комплекс был заключен в пределы сырцовой кирпичной стены для защиты от воров и против путешествующих, а также разбойников и самаритян, которые периодически совершали набеги на своих христианских соседей. По большей части, однако, крестьяне жили в маленьких деревнях, сгруппированных вдоль основных дорог, дома прижимались друг к другу для защиты, с деревенской площадью и небольшой церковью как центрами общественной жизни. Таковы были многие из этих деревень по всей Палестине, и

жизнь в них не изменилась, по сути, со времен Нового Завета, в котором можно увидеть уютные картины повседневной жизни крестьян.

Жизнь была однообразной, полностью связанной с производством продуктов питания. Рядом с сырцово-кирпичным домом, с небольшим внутренним двором для домашних животных, крестьянин и члены его семьи, которые могли работать с ним, находились с рассвета до заката на полях вокруг деревни, на которых они трудились. Если он был удачлив, крестьянин владел собственным полем. Но если беды нападали на него из-за череды неурожаев, налета саранчи, серии засух, или одной из разновидностей вредителей-насекомых, то крестьянин, возможно, терял свою землю через заклад или даже принудительную продажу, и ее захватывал один из богатых магнатов, которые жили в Газе и обладали достаточным капиталом, чтобы пережить чрезвычайные ситуации, и достаточным политическим влиянием (и способностью заплатить приемлемые взятки), и чтобы иметь дело с коррумпированными сборщиками налогов, чью жадность крестьянин сам не мог выдержать. Мытарю разрешалось по условиям его контракта оставлять себе все, что было выше определенной законом суммы, которую он мог вымогать, и крестьянин был беспомощен, особенно когда сборщик налогов буквально приходил с большой дубинкой. Даже если посевы не удавались, и крестьяне не получали никаких денег, налоги по-прежнему были обязательны, и это было одной из главных причин, почему оказывалось так много хозяйств, чьи владельцы разорялись, а имущество оказывалось в руках богатых землевладельцев в городах, которым часто принадлежали целые деревни с окружающими их землями.

Аристотель в своем трактате «Политика», традиционно утверждает, что сельскохозяйственная жизнь способствует твердым добродетелям. Промышленность, бережливость, и свобода от алчности были, как философ отметил, качествами, которые можно было найти у крестьянина или пастуха, и их жизнь на открытом воздухе должна была придать ему крепкое телосложение. Но у Аристотеля не было случая отметить, что, напротив этих преимуществ сельскохозяйственной жизни, она подвергалась нескольким опасностям, которые заставляли многих людей бежать с земли и искать себе заработка в городах, где они часто обнаруживали, что не могут получить его из-за толпы постоянно безработных, которые были обычным элементом жизни в каждом большом городе.

Работа на земле была, действительно, бесконечно трудоемкой, как это было на протяжении веков. Вспашка велась очень простой (и не очень эффективной) сохой, с наконечниками из железа, иногда с помощью быка, иногда двух волов. Некоторые крестьяне одалживали вола и осла под чужое ярмо. Как и в известной притче, посев делался вручную, и много семян было потрачено впустую. Жатва была также ручным трудом, с примитивным серпом. Зерно молотили на открытом воздухе, на жестком полу, ветер уносил плевела. Часто лопатой работали ночью, когда в климате Палестины было больше ветра. Зерно подбрасывали в воздух с большим ветром, и когда оно было рассыпано, его собирали в житницах, или иногда в подземных ямах.

К постоянному круговороту труда добавлялись опасности природы, такие, которые всегда поражали сельских жителей древнего мира. Только удивительно, что древний мир был в состоянии жить так, как он это делал, веками. При отсутствии знаний о химии почвы и только самых примитивных естественных удобрений, крестьянин имел свою землю гораздо менее продуктивной, чем это должно было быть. Осознание важности севооборота культур было недостаточным, и широко не использовалось. Если земля просто истощалась, от нее приходилось отказываться.

Возможные несчастья имелись в большом количестве. На такой земле, как Палестина, следовало ожидать засухи с длинным, без осадков, летом, и всегда был актуален вопрос о том, сколько воды можно было собрать и сохранить в ямах и цистернах. Там не было известно средство против саранчи и насекомых, которые могли появиться без предупреждения. Если эпидемия болезней обрушивалась на сельскохозяйственных животных, то земля как бы старалась изо всех сил выращивать свои плоды, словно компенсируя потери животных, используемых для пахоты.

Было множество бед, ужасно знакомых крестьянам. Черви могли съесть виноград, поскольку они созревали на виноградных лозах, или засуха могла вызвать осыпание плодов оливковых деревьев. Саранча, если она налетала, уничтожала посевы полностью, в том числе семена, которые должны были использоваться для будущего посева. Не было ничего необычного в граде, обрушившемся как раз в то время урожая, уничтожавшем виноград и листья с лозы. Некоторые крестьяне могли беспомощно наблюдать, как тучи внезапно в ясный день возникают в неподвижном воздухе, в результате чего в течение нескольких минут налетала буря со страшным градом.

Обычно сам крестьянин был рожден на земле, как сын крестьянина, и люди не оставляли города, чтобы искать жизни на земле. Иногда крестьянин был ветераном императорской армии, которому правительство предоставило небольшую ферму при завершении его срока службы. Часто такой человек мог быть достаточно молод, чтобы жениться и создать семью, и, возможно, всегда существовал такой сельскохозяйственный фон, что был связан с армией, а сельские районы были важным источником призывников, и многие солдаты были сыновьями крестьян.

Вырастая, дети крестьян не имели практически никакого школьного образования. Не существовало никакой возможности учиться для большинства детей сельской округи, если у них не было бабушки, жившей с семьей, которая могла бы сама читать и писать, и таким образом научить детей; в этом случае детям действительно везло. Но они должны были работать с самого раннего возраста: это был уход за младшими детьми, прополка, домашние дела, пастьба овец, или, наконец, работа на полях.

Для таких детей будущее не было светлым. Только определенное количество дохода можно было выручить с продукции и прибыли от средней фермы. Это имело предел в зависимости от размера семьи, но даже в этом случае часто

оказывалось невозможным для молодых людей остаться с имуществом своих родителей, и в этом случае обычными вариантами были служба в армии или миграция в «большой город», где часто оказывалось сложнее зарабатывать на жизнь, чем это предполагалось.

Столкнувшись с такой перспективой, некоторые родители продавали своих детей в рабство или для бездетных пар. Также они могли передать их в монастырь, если он там имелся поблизости, и если он был готов взять на себя ответственность за детей. Палестина была землей монахов и монастырей, и люди зависели от них в продуктах питания в чрезвычайных ситуациях, а также в религиозной помощи. Поэтому крестьяне в бедственном положении или перегруженные многодетные семьи доверяли своих детей монахам, которые бы обучали их и заботились о них. Когда эти дети достигали совершеннолетия, их было разрешено оставлять, если они хотели, и они могли, если они хотели, остаться и стать монахами, и многие это делали. Одна история рассказывает о монахе, который был помещен в монастырь в возрасте до трех лет, и никогда не выходил за ее пределы. Будучи очень старым, он не мог сказать посетителю, как выглядит свинья или петух, так как он об этом не имел понятия.

Были некоторые районы империи, в которой имелись огромные поместья, где работали группы рабов или арендаторов. Такое можно было бы увидеть в Анатолии и Сирии, много таких районов было в Северной Африке и Италии до варварских нашествий. Некоторые из них находились в собственности государства, некоторые крупные землевладельцы, жившие в Константинополе или Антиохии, лишь изредка посещали свои земли. Эти имения имели только очень отдаленную связь с городской цивилизацией, которую они поддерживали, а рабы и крестьяне знали эти великие города только весьма смутным образом; конечно, они никогда не чаяли увидеть их.

В случае такого города, как Газа, однако, роль крестьянина была совершенно иной. С одной стороны, область, которая могла бы поставлять в город продукты непосредственно, была очень хорошо определена. По незапамятному обычаю, крестьянин вез свою продукцию до самого города, а иногда ежедневно, иногда раз в неделю, на рынок, на день, в зависимости от того, сколько времени он мог освободить от работы и быть в состоянии совершить поездку туда и обратно в один день. Он готовил, иногда до рассвета, в сопровождении некоторых или всех членов его семьи, товары, которые будут продаваться, загружал их на верблюдов или ослов. Прогресс по пыльным дорогам шел обязательно медленно, даже медленнее, чем движение сельскохозяйственных животных (например, овец или свиней), которые двигались своим ходом. Затем, после того как он продал свой товар на городском рынке или распродавал его по улицам, крестьянин предпочитал вернуться в свой дом до наступления темноты, ибо его могли встретить грабители вдоль дороги в поисках денег, полученных крестьянином в городе. Обратный путь мог идти так же медленно, как и в утренней поездке. Муниципальные власти, в случае необходимости, заставляли крестьян, чтобы их

животные были загружены обломками от строительства или другими отходами, которые должны были вывозиться из города.

Конечно, имелись и другие источники поставок продовольствия для такого города как Газа. Пшеница, хлеб, который всегда был одним из основных продуктов средиземноморского питания, мог быть привезен из Египта по морю; рыба, сушеная или свежая, продавалась на краю города (хотя бедные не могли себе ее купить), и вино, и сухофрукты, если не производились на месте, можно было доставить караванами из внутренних областей Палестины. Тем не менее, большая часть свежих продуктов доставлялась в город на ежедневной или еженедельной основе, крестьянами, которые их выращивали, или рыбаками, которые их ловили, а домохозяйка или кухонный слуга, которые собирались приготовить пищу, покупали их, чаще всего, непосредственно у крестьян или рыбаков. В посредниках не было необходимости, и жители города жили в очень тесном контакте с источником его ежедневного рациона.

Крестьянин и рыбак, и их клиенты в городе жили совершенно разной жизнью. Их культура была совершенно различной, а зачастую также и их языки. Если их религия была такой же самой, по крайней мере, номинально, то по своему происхождению и наклонностям они представляли собой различные пласты истории. Однако, еда была их общим знаменателем, а самые знатные патрицианские семьи в Газе напрямую зависели от поставок таких повседневных вещей, как овощи, от крестьянина, вырастившего их, а затем ехавшего, возможно, в течение двух или трех часов, чтобы привезти их в город.

В повседневной жизни Газы поставками овощей пользовались, не задумываясь, но прямота этой зависимости города от своих сельскохозяйственных земель могла внезапно и резко обостриться, из-за засухи или другого стихийного бедствия. Если урожай не удавалось спасти, то крестьянин, если он был удачлив, мог скопить запас собственной продукции для собственного использования или для продажи, так как цены в городе вырастали. Во время голода люди из города часто шли за город в поисках пищи, и удачливые крестьяне могли иметь хорошую прибыль. Но если засуха была тяжелой или длительной, крестьянин не мог, в конце концов, жить лучше, чем кто-либо другой, потому что в случае местного неурожая серьезных масштабов было чрезвычайно трудно, а иногда, действительно, невозможно - для властей - импортировать продовольствие из других областей, которые не были затронуты бедствием. Перевозка негабаритных грузов морским путем была возможна, и не могла быть слишком дорогой, а вот местоположение, например, Газы, недалеко от моря, было чрезвычайно удачным. Но транспортировка по суше тяжелого и громоздкого товара, такого как пшеница, была очень дорогой на любое расстояние, и было хорошо известно, что в истории имели место случаи, когда было буквально невозможно отправить адекватную помощь в регионы, которые были поражены голодом.

Затянувшийся неурожай и дефицит продовольствия приводили к подъему ценовой спирали до неограниченных пределов. Когда пшеница, например, становилась дефицитной, крестьяне и торговцы в городах переставали продавать ее

и проводили свои акции против дальнейшего роста цен. Богачи и спекулянты, с достаточным капиталом и достаточными запасами еды, находившимися в их распоряжении, скупали всю пшеницу, которую могли, даже при высоких ценах, в ожидании дальнейшего роста. Если, как это происходило в некоторых случаях, власти вмешивались и пытались устанавливать цены, торговцы просто выходили из бизнеса, ожидая возвращения обычных времен. Это означало прибыли в течение некоторого времени для них, голод для других; и крестьяне, и рыбаки, и городские рабочие должны были голодать вместе.

Здесь - совсем в стороне от человеческих страданий, которые в те времена воспринимались как должное, как часть естественного порядка вещей - не могло быть реальной дислокации местной экономики. Экономика города-государства была проста и базировалась на относительно небольших масштабах, но зависела от регулярного обмена и могла легко расстраиваться. Обеспечение продуктами питания, необходимыми для физической жизни города, было связано только с операциями экономического обмена. Крестьянин фактически полностью зависел от своих продаж в городе в наличных деньгах, которые необходимо было платить как налоги сборщику, дислоцированному в населенном пункте. Многие из простых товаров, необходимых крестьянину - ткань, обувь, посуда, предметы домашнего обихода, и так далее, были сделаны в своей же деревне и могли быть получены в обмен на еду, но были и другие предметы, которые он мог, как правило, получить только в городе - веревки, инструменты, провода, металлоизделия, и так далее, и здесь экономика была товарно-денежной, в городе купцы не могли строить свою деятельность полностью на обмене. Таким образом, город, такой как Газа, обладал рядом ремесленников и мастеров, основная функция которых в экономике заключалась в том, что они должны были поставлять крестьянам изделия своих мастерских. Сумма денег, которая обращалась в местной экономике такого рода, была относительно небольшой, но жизнь многих людей в городе зависела от этого, в той же степени, как и крестьян, и любое прекращение торговли могло означать ничто иное, нежели катастрофу для этих скромных граждан великой империи.

Дихотомия культуры между городом и деревней, вызванная естественным развитием, должна ли быть принята и рассматриваться, если не позитивно, то, по крайней мере, не так предосудительно? Понимал ли элегантный господин Газы, который живет в прекрасном доме, купается в роскошной общественной бане, прогуливается под колоннадами по главной улице, что на деньги, которые он потратил на новую книгу, например, или на то, что он мог бы купить в любой день, не задумываясь, были эквивалентны недельному или более доходу для крестьянина и его семьи?

Наверное, ни аристократ, ни крестьянин не увидели бы ничего неуместного в этой разнице. Это была часть естественного порядка вещей. Империя состояла из ряда великих городов, одиноко стоящих как относительно крошечные концентрации человечества в окружении великих просторов земли, иногда возделанных, иногда заброшенных или покрытых лесом. Было ли людям в городах

известно, что ничто никогда не делалось, чтобы включить сельских жителей в сферу городской цивилизации? Делалось ли что-нибудь когда-либо – должно же что-нибудь делаться – чтобы дать крестьянину, по крайней мере, некоторые из социальных и интеллектуальных преимуществ развитой культуры Афин?

Мысли о том, что происходит, не приходили в голову ни гражданину, ни крестьянину, и, конечно, никто не мог подумать о том, чтобы оставить город, если сельская местность жила совершенно другой жизнью, почти в другом мире. Это не было проблемой города; сельская местность не была частью его социальной и интеллектуальной миссии. Люди были созданы для разных занятий в жизни – как сказал Аристотель, - и человек был счастлив, если он знал свое занятие и принимал его в должном состоянии духа.

Крестьянин, подталкивая своих ослов заостренной палкой, когда вез свои дыни и виноград на рынок в Газу, никогда не слышал об Аристотеле.

IV. Вещи временные и вещи вечные

Правитель владычествует над всем; но он также, вместе со всеми, раб Божий.

Агапит. Обращение к Юстиниану.

Императорскому гонцу, который ехал на максимальной скорости со срочным сообщением, нужно было 11 или 12 дней, чтобы покрыть 900 миль между Газой и Константинополем, даже используя все возможности императорского сообщения. Морское путешествие могло занять 20 дней или даже дольше, если ветры не были благоприятными. Тем не менее, Газа, как и любой город великой империи, жила в тени Константинополя.

В представленной таким образом ситуации, более правильно сказать, что города жили в тени императора и императорского двора. Присутствие императора действительно ощущалось повсюду в его государстве.

В империи без писаной конституции, государь был обязан рассматриваться как символ полномочий и функций государства, и когда, кроме того, демократическая традиция участия людей во власти исчезла, монарх стал не только символом, но и воплощением жизни государства.

Римский император был абсолютным правителем на деле с момента правления Диоклетиана (284-305 гг.). Последующие императоры были наследниками его абсолютистских полномочий, которые Диоклетиан счел необходимым взять на себя для того, чтобы стабилизировать положение. Кроме того, его наследники, пришедшие к власти, взяли на себя новую зону ответственности, неизвестную Диоклетиану и его предшественникам – главенство в церкви. С принятием христианства Константином Великим, стало необходимо понять и определить отношение к церкви традиционно абсолютного монарха, который в

существующей политической теории царствовал под защитой одного из великих языческих божеств. Если языческие монархи рассматривались как отцы, опекуны и защитники своего народа, и как хорошие пастыри своих подданных, назначаемые на должность по воле верховного правителя вселенной, было естественно, что монарх империи, в которой церковь стала самостоятельной, был наделен в официальной религии ролью представлять полномочия и ответственность по отношению к церкви.

Таким образом, в сиянии новой эры, Евсевий Кесарийский, опытный ученый и епископ, личный советник Константина и наставник в религиозных вопросах, обосновал взгляд, что новая политическая теория полномочий и ответственности нового христианского римского императора делает его божественно назначенным преемником старого языческого императора. Теория Евсевия собрала воедино различные элементы традиционных концепций правителя, на которых были построены общества в Риме и эллинистическом мире, а также и в более ранние времена. Христианский римский император правит на основании божественного выбора; Бог, находясь в невидимом облике, устраивает его земное продвижение. Император руководствуется сообщениями, передаваемыми ему свыше, и отвечает перед Богом за духовное благополучие своих подданных. Он был на самом деле Божьим наместником на земле, занимая в мирской жизни сферы, соответствующие тем, что занимает Бог на небесах.

Отсюда сила и власть императора находились превыше всего: они были божественны по своему происхождению и импульсу. Традиционно правитель был Воплощенным Законом, и его произнесенное слово представляло божественную силу, которой он правил. Это была огромная санкция, но, в то же время, огромная ответственность, так как император был ответственен перед Богом за свои поступки и за материальное и духовное процветание и безопасность государства.

Между инаугурацией Константина и началом VI века имела место преемственность императоров, людей всякого рода, приходивших на престол иногда в силу наследственной преемственности или назначения, чаще через избрание армией и Сенатом, который выжил в качестве номинального органа. Поскольку была установлена новая имперская власть, выросла расширенная форма традиционной имперской бюрократии, от которой зависела сложная административная жизнь государства. Древние функции муниципалитетов и провинций постепенно сократились, а центральное правительство становилось все более и более мощным. Неизбежными были продажность и коррупция, но бюрократическая машина работала так же хорошо, как и следовало ожидать в то время.

Доминирующей характеристикой бюрократии было то, что она являлась личным инструментом императора. Сам император контролировал и направлял работу через начальников отделов и руководителей ведомств в Константинополе, но и здесь их власть была ограничена, для некоторых случаев их привилегия заключалась в том, чтобы идти через голову вышестоящего должностного лица и иметь дело непосредственно с подчиненным. Вся гражданская служба была

организована по военному образцу, и чиновники носили униформу и знаки отличия своего разряда. Особый знак, или mappa, был знаком принадлежности к государственной службе, и символический портфель был в действительности вышит спереди туники чиновника, на месте, в котором реальный портфель находился бы в правой руке.

Будучи личным инструментом и прямым представителем императора, бюрократ-чиновник был воплощением абсолютной власти императора. Каждый чиновник, от великих преторианских префектов в Константинополе до самого последнего налогового служащего в деревне на краю пустыни в Египте, был прямым личным продолжением императорской власти. Благодаря своим должностным лицам, император, так сказать, везде присутствовал в своем государстве, а его чиновники служили его глазами и ушами. Каждый чиновник в Газе был прямым агентом императора.

Еще более конкретная символика роли государя также присутствовала повсеместно в форме императорских портретов. Это были официальные портреты, написанные на дереве, или скульптурные - в мраморе или бронзе, которые изготавливались в Константинополе сразу по вступлению нового императора и рассылались всем правительственным учреждениям по всей империи. По аналогии со статуями языческих богов классической эпохи, власть правителя мыслилась живущей в изображении. Клятвы приведения к присяге производились перед портретами, и судья сидел под портретом государя, приговор он объявлял, произнося его от имени императора. Каждая официальная сделка производилась в присутствии его портрета. Любой вид неуважения или оскорбления, нанесенного портрету, составлял *laesa maiestas*[5].

Такой была фигура императора, поскольку это давало знать о себе на протяжении всего государства. Какова была реакция на него народа империи, в частности, жителей Газы и Палестины?

Для того, чтобы понять, как чувствовали себя подданные, необходимо кое-что вспомнить об империи и ее росте.

Римская империя в первые годы VI в., на протяжении всей восточной части Средиземноморского бассейна, не имела однородного состояния, и была разделена по расовому, лингвистическому и культурному признаку. Рим стал ведущей мировой державой только после целого ряда других государств, достигших своего апогея и пришедших в упадок. Вавилония, Ассирия, Персия, Египет, Греция, Македония Александра Великого, эллинистические царства, Израиль - все это процветало до того, как Рим пришел к власти и занял их земли. Римляне не пытались уничтожить существующие культуры на землях, которые они занимали, и не было предпринято попыток ассимилировать коренное население, чтобы оно усвоило римскую культуру. Некоторые люди, в своих практических целях, латинизировались, но это были скорее исключения. Продолжая

---

[5] Акт государственной измены по закону «Об оскорблении величия».

говорить на своих языках и сохраняя свою цивилизацию, коренные народы неизбежно смотрели на римлян в качестве оккупационной власти, чуждой им во многих отношениях. Новый греко-римский мир процветал, но под ним находился старый мир, который мог сосуществовать со своими завоевателями только на условиях толерантности в лучшем случае, враждебности в худшем.

Пришествие христианства действительно обеспечило связи, которые собрали вместе, по крайней мере, некоторые части гетерогенных народов империи. Но остается недоказанной связь, которая вытеснила элементы разнообразия. Древние языки и расы, и инстинктивное недоверие к иноземцам, которые проявлялись в человечестве до появления христианства, оказались слишком сильны. Когда с утверждением христианства в начале IV века увеличились богословские исследования, возникли серьезные разногласия, и они быстро стали общественно значимым вопросом. Было легко использовать различия руками демагогов, чтобы выйти за пределы чисто религиозного интереса и поставить животрепещущие вопросы, связанные с латентной враждебностью и подавленным национализмом различных частей империи. Можно ненавидеть иноземца с еще большим усилием, если он представлял угрозу для чьих-то религиозных убеждений.

В первые годы VI века Газа, будучи в Палестине, находилась в центре этно-конфессиональной розни. Ситуация выросла из затянувшихся богословских дебатов по поводу природы Христа. Был ли Спаситель и человеческой, и божественной природы сразу, или был ли он, в первую очередь, человеком, или, прежде всего, божественной природы - это было делом самой насущной важности, ибо от него зависело представление о характере спасения, которое он предлагал. Если Христос объединил в Себе как человеческую природу, так и божественную природу, можно поверить, что Бог воплотился в человеческом облике, чтобы принести спасение человечеству в облике человека, что человечество может понять, с чем, в человеческом аспекте, люди могли чувствовать связь. Но если бы отрицалось, что один человек мог объединить в себе как человеческую, так и божественную природу, то многие люди чувствовали себя едиными в отрицании того спасения, которое было предложено по-иному.

То, что появилось из этой дискуссии в начале VI века, было двумя противоборствующими лагерями: один с центром в Константинополе, другой в Александрии и Антиохии. Имперская столица была представлена православными, которые поддерживали двойственную природу Христа. Но в Сирии, Палестине и Египте, старой обители семитского монотеизма, многие люди, чаявшие в ближайшем времени, наконец, стать большинством - считали, что православное определение двойственной природы Спасителя повлекло за собой уменьшение Его Божественности и представляет собой угрозу истинному пониманию природы воплощенного божества. Они назывались монофизитами, потому что они настаивали на единстве божественной природы во Христе; эти диссиденты из ортодоксальной церкви постоянно составляли энергичную оппозицию теологии имперской столицы, и когда однажды власти в Константинополе попытались

подавить их силой, произошли беспорядки и кровопролитие на улицах Александрии и Антиохии, и в других городах и населенных пунктах, где две теологии пришли в столкновение.

Конечно, борьба была неравной, в зависимости от судьбы лидеров по обе стороны, в том числе, и в Газе, как и во всех других крупных центрах, свидетелях этих перипетий собственно в церковной общине. В таком состоянии, как в Римской империи, многое могло зависеть от личных склонностей императора. В консервативной и традиционной атмосфере Константинополя императоры уже давно придерживались православия. Но большие изменения произошли, когда развитие политической жизни в столице вознесло на престол опытного чиновника казначейства Анастасия (491-518 гг.). Анастасий симпатизировал монофизитам, и во время его правления удача сопутствовала диссидентам. Имперской прерогативой было влиять на отбор кандидатов, когда епископский трон становился вакантным, и незадолго до этого епископства в Египте, Палестине и Сирии были заняты монофизитами. Имперская система, какой она была, однако, не могла постоянно поддерживать политику такого рода, и смерть Анастасия вознесла на престол православного Юстина I (518-527 гг.), которого вскоре сменил его энергичный православный племянник Юстиниан (527-565 гг.). С воцарением Юстина монофизитские епископы были смещены, отправлены в изгнание и заменены выбранными православными иерархами.

Если бы не было жалоб от некоторых кругов, что императоры иногда вмешивались во внутренние дела церкви, то можно было бы ответить, что долг императора состоит в том, чтобы следить за духовной жизнью своих подданных и убедиться, что они исповедуют Истинную Веру, которая одна могла обеспечить их спасение и благословенную жизнь после смерти. Религиозные разногласия угрожали не только духовной жизни, но и материальному благополучию и политической стабильности государства, и обязанностью императора было проводить в жизнь православную веру силой, если это было необходимо. Император был обязан по своей должности принять все необходимые меры для искоренения язычников, иудеев и самаритян, и все такие диссидентские группы начали испытывать реальные преследования при вступлении Юстиниана на престол. Единство и безопасность государства были восстановлены.

Таков был образ императора в сознании народа в Газе, православных и монофизитов. Это был единственный способ жизни, который любой из них знал, и таковы были неизбежные рамки жизни в имперском городе того времени. И это не было исключительно особенностью городской жизни. Во всяком случае, религиозная ангажированность была сильнее в сельской местности по причине векового консерватизма сельского населения, отсутствия его твердого контакта с городскими жителями.

V. Мир разума

«Нет, но на самом деле, мой дорогой Адамант, мы не станем возлагать на Стражей целый ряд обременительных обязанностей, как ты мог предположить. Будет достаточно легко, если они будут надзирать лишь за «одной большой вещью», как можно выразиться, хотя я бы предпочел назвать эту одну вещь, которой достаточно: образование и воспитание. Если звук образования сделал их разумными людьми, они легко увидят свой путь через все эти вещи».

Платон. Государство

Вряд ли можно сомневаться в том, что хорошо образованные и социально и экономически защищенные граждане Газы понимали, что интеллектуальные и культурные преимущества, которыми они пользовались, были вещами, которые не обязательно должны быть само собой разумеющимся. Скорее всего, они не думали о том, что их менее удачливые братья, необразованные бедняки, не были связаны с такими вопросами интеллекта и эмоций. Конечно, во многих случаях бедные даже не знали, что такие вещи существуют, или если они знали о них, то их понимание было действительно очень несовершенно. Наверное, не все маленькие люди Газы имели четкое представление о том, кто такой Понтий Пилат, и если они не знали, в чем заключался его знаменитый вопрос, то это было вряд ли чем-то, что касалось людей, для которых существовала лишь суровая борьба для поддержания жизни.

Но люди, которые имели образование и досуг, были очень обеспокоены такими вещами, и вопрос Пилата, или нечто подобное, сидел в их умах, сознательно или бессознательно.

Как же тогда культурные граждане Газы пришли к обладанию тем интеллектуальным багажом, которым они пользовались? Знали ли они в действительности, как представлены удивительные достижения их умственных способностей и редкостей?

В классические времена, до пришествия христианства, мыслители Греции - ученые, философы, поэты, драматурги, историки - проводили свою жизнь в изучении человека. Человек был центром вселенной. Софокл говорил от имени всех греческих интеллектуалов, когда он написал знаменитый стасим Антигоны:

«Много есть чудес на свете,
Человек – их всех чудесней.
Он зимою через море
Правит путь под бурным ветром
И плывет, переправляясь
По ревущим вкруг волнам.
Землю, древнюю богиню,
Что в веках неутомима,
Год за годом мучит он

И с конем своим на поле
Плугом борозды ведет.

Муж, на выдумки богатый,
Из веревок вьет он сети
И, сплетя, добычу ловит:
Птиц он ловит неразумных,
Рыб морских во влажной бездне,
И зверей в лесу дремучем,
Ловит он в дубравах темных,
И коней с косматой гривой
Укрощает он, и горных
Он быков неутомимых
Под свое ведет ярмо.

Мысли его – они ветра быстрее;
Речи своей научился он сам;
Грады он строит и стрел избегает,
Колких морозов и шумных дождей;
Все он умеет; от всякой напасти
Верное средство себе он нашел.
Знает лекарства он против болезней,
Но лишь почует он близость Аида,
Как понапрасну на помощь зовет»

Каждый образованный человек в Газе был знаком с этой великой партией хора. Каждый христианин знал, что этот древний гимн человеку был заменен Божественным Словом, которое учило, что человек был чадом Божьим. Тем не менее, история греческой интеллектуальной деятельности была в значительной степени историей изучения человека и всего с ним связанного, и если правда пришла с христианством, было все еще что-то, что можно было извлечь из изучения более ранних греческих мыслителей.

Через 600 лет после Рождества Христова человеческое знание в Газе и в других городах греко-римского мира продвинулись к точке, в которой смиренные и неопределенные начала поисков научного знания были почти забыты. Самые ранние философы и ученые в настоящее время, по большей части, только имена, но их работа началась с греческого ума на пути, который продолжается до сих пор.

Любопытство и интеллект греческого ума, представленные такими различными способами в таких городах, как Газа, Александрия, Антиохия и Константинополь, начали проявляться за семь веков и более до Рождества Христова. Что такое человек, и почему он существует? Что есть человек в природе, и что есть природа?

Основываясь на этих линиях систематического и рационального объяснения, впервые в истории человечества, греческие мыслители увидели свою задачу в двух аспектах.

Сначала они посвятили себя физическому миру. Какова природа материи? При отсутствии инструментов или лабораторий, ранним философам-ученым пришлось искать ответы на свои вопросы исключительно на основе наблюдения и рассуждения. Был предложен целый ряд ответов, и каждый содержал новую гипотезу, и показывал, что остальные не становились общепринятыми.

Полагая, что основные субстанции мира - это земля, воздух, огонь и вода, Фалес Милетский в начале VI в. до н.э., пришел к выводу, что вода была основным веществом, из которого возникли все материальные вещи, и к которому все они вернутся. Тогда было невозможно сделать физическую демонстрацию такой идеи. Реальное значение мысли Фалеса заключалось в том, что она представляет собой усилие, чтобы выяснить, действительно ли не было неких основных принципов, лежащих видимых изменений, которые мы можем видеть в мире. Есть ли, на самом деле, некое одно свойство или сила, которая дает единство и меру всему, что существует?

Другие философы стремились дать более убедительные ответы на вопрос Фалеса. Анаксимандр из Милета разработал теорию эволюции и адаптации к среде живых существ. Человек, например, происходит, в конечном счете, от рыбы. Гераклит Эфесский, который умер только за век до рождения Аристотеля, выдвинул две поразительные идеи. Во-первых, принципом существования или бытия, является изменение, «поток», то есть, постоянное движение, постоянное чередование изменений. Наиболее изменчивый из всех основных элементов - огонь, и поэтому всё должно состоять из огня, или развиваться из огня.

Вслед за идеей Гераклита быстро возникли гипотезы Левкиппа и Демокрита, отцов атомной теории. Тем не менее, работая без научных приборов или лабораторного оборудования, Левкипп и Демокрит пришли к выводу, что если бы можно было разделить физическую материю достаточно полно, то надо, в конце концов, дойти до единиц, которые были бы сами по себе неделимы. Эти частицы должны были бы назвать атомами, то есть буквально по-гречески – «то, что не может быть сокращено». Существует на самом деле, полагали авторы теории атомов, только один вид атомной субстанции, из которой формируется весь мир. Материал вещества состоит из атомов, которые постоянно находятся в движении.

Последним шагом в этой эволюции научной мысли стал Анаксагор, еще один философ с побережья Ионии, который первым из естествоиспытателей утвердился в Афинах. Он пришел к выводу, что материя была и несотворенной, и нерушимой, но должна быть движущей силой природы, силой, которая будет приходить в движение и изменение в процессах, которые необходимо соблюдать всем нам. Эта сила, как считал Анаксагор, была абстракцией, которую можно

назвать «ум». Разум задает вопросы, чтобы собрать всё вместе, чтобы создать мир, а потом контролирует созданный таким образом мир.

Здесь лежит важная веха в человеческой мысли, а именно - различие видимого и невидимого. Идея о том, что существует нематериальная сила, которая управляет видимым миром природы, была такой же неотъемлемой частью обычной умственной ситуации в Газе в начале VI века, что люди редко останавливались, чтобы осознать значение шага Анаксагора и были в состоянии его усвоить. Чем был бы греческий мир науки, философии и религии без него?

Таким образом, была установлена сцена для возвышения достижений Аристотеля. Будучи убежден, что умственные спекуляции сами по себе не могут привести к гарантированному знанию, Аристотель намеревался организовать все человеческое знание и мышление на основе эмпирического исследования. Он определил, что работа истинного ученого должна быть основана на интеграции тщательного наблюдения с острым рассуждением. Уникальная страсть Аристотеля к исследованию установила научный метод и научный стандарт, который никогда не был изменен после того. Огромный сборник материалов всех видов был сделан основой новой науки биологии. В то же время, логическое мышление было создано в качестве науки, формирования единственно возможного основания для гуманитарных исследований. Этот вопрос распространяется также на метафизику, этику и политику. Во всем этом не было особого дара Аристотеля, его вдохновлял здравый смысл, в сочетании с любовью к порядку и опрятности, которые установили рабочую программу научной мысли на все времена.

Каждый философ и каждый ученый, кто пришел после Аристотеля, был обязан Учителю, но дух Учителя стал настолько же неотъемлемой частью всей последующей мысли и исследований, что многие ученые и философы не знали о своем долге по отношению к своему предшественнику и просто принимали, без отражения, научный метод, который считал само собой разумеющимся все, что Аристотелю пришлось разработать и установить впервые.

Работы Аристотеля были все еще доступны для студента в начале VI века, и существовало много учебных комментариев для руководства читателя. В IV в. языческий учитель Фемистий имел счастливую мысль написать серию пересказов трактатов Аристотеля. Они были упрощенными версиями, призванными сделать более легкими и более широко доступными идеи мастера, которым было не всегда легко следовать, потому что они были зачастую тесно заполнены рассуждениями и подробными выводами в ходе анализов и исследований. Как и другие древние писатели, Аристотель был не в состоянии использовать сноски, и это создавало трудности в исследованиях на основе его сочинений.

Парафразы Фемистия оказали важную услугу в сохранении идей Аристотеля как части образовательной традиции, и собственные философские и этические сочинения Фемистия, высоко оцененные по стилю и содержания, были частично предназначены для распространения этических учений Аристотеля и Платона.

Если Аристотель представлял совершенство научного метода и апогей научной мысли, то Сократ и Платон представляли второе направление, принятое в греческий спекулятивной мысли. Аристотель и его предшественники провели исследование физического мира, насколько это может быть принято. Но в этом физическом мире находился человек. Здесь имелся увлекательный предмет для изучения и спекуляций, и не только увлекательный: действительно, что это за физический мир без человека?

Человек уже давно был темой сочинений поэтов и драматургов, начиная с Гомера. Драматические поэты сделали театр средой для изучения моральных проблем человека и изображения его судьбы во Вселенной. Аристотель, сам философ и религиозный человек, установил «нижнее», довольно простое и немного убогое, определение ученого человека: «Особенность человека, по сравнению с остальным миром животных, в том, что он один обладает восприятием добра и зла, праведного и неправедного, и других подобных качеств, и объединяет все это в едином восприятии этих вещей, которые создают семью и город». Таким образом, «человек, когда совершенствуется, является лучшим из животных, но если он будет изолирован от закона и справедливости, он является худшим из всех».

С научной точки зрения работы Аристотеля представляют собой одну концепцию природы человека. Другой концепцией была, вплоть до времени Аристотеля, разработанная Сократом и Платоном, который взялся сделать человека из мира мысли и эмоций объектом глубоких и более творческих спекуляций, чем то, на что решался любой предыдущий греческий мыслитель. Сократ не оставил философских трудов, но он жил и говорил на страницах Платона. Здесь, впервые, человеческая душа стала реальностью, и было показано, что она бессмертна. Уже было сказано, на самом деле, что Сократ «открыл душу». Достоинство и судьба человека стали разными вещами после работ Сократа и его ученика. Все это стало частью наследия Газы, как одного из городов христианской империи, ибо христианским мыслителям было ясно, что Платон во многом был приближен к христианской мысли. «Нашим Платоном» называли его христианские философы, и его труды были основой того, что изучали в школах Газы.

На протяжении всех его работ были страницы, которые показывали, как далеко Платон был в состоянии пойти, на основе только человеческих рассуждений, в реальном понимании человека и его души. Сократ и Кебет, например, показывают нам это, беседуя о судьбе души. Сократ говорил:

«Но то, что о душе, той, невидимой части нас, которая находится в таком месте, как в самой себе, благородная, чистая и невидимая - невидимый мир, как мы по праву называем его - и в присутствии доброго и мудрого Бога, куда, если Бог даст, моя душа должна в ближайшее время насовсем уйти? Будучи такого характера и природы, как она есть, наша душа рассеивается и уничтожается ли непосредственно всеми частями вместе с телом, как говорят люди? Отнюдь нет, мои дорогие Кебет и Симмий, но это намного больше: если она чиста, когда она

покидает тело – то это не приносит ничего организму вместе с ней, потому что он неохотно общался с ней в этой жизни, но избежать ее и заставить себя прийти к себе, потому что это его единственная цель - не что иное, как философствование в собственном смысле этого слова, и оно действительно научает умирать без сожаления. Или этого не следует изучать, чтобы умереть».

«Да, конечно, это будет так».

«Поэтому так расположенная душа отходит к тому, что существует само по себе, а именно - невидимое, божественное, бессмертное, и мудрое место, и когда она попадает туда, она стремится быть счастливой, потому что это избавит от обмана, и глупости, и страхов, и дикой страсти, и других зол, от которых страдает человеческая природа, и, как говорится, из тех, кто был посвящен в мистерии, она живет остальную часть времени с богами».

Где-то в этом же диалоге Сократ подытоживает свои мысли о смерти и потустороннем мире:

«Я бы неправильно не возмущался смертью, если бы не думал, что когда я умру, я приду к другим богам - и мудрым, и добрым, а также людям, которые умерли, и лучше, чем здешние люди. Уверяю тебя, что я надеюсь, что встречусь с хорошими людьми, но это я бы не стал положительно утверждать. То, что я попаду к богам, которые будут очень хорошие мастера, уверяю тебя, я должен утверждать, так сильно, как и всё обо всем этом. По этой причине я не до такой степени возмущаюсь смертью, но у меня есть хорошие надежды, что что-то ждет мертвых, и по старой традиции, что-то намного лучше для хороших, чем для нечестивых».

Так чт**о** было реальностью, а что правдой? Для Платона, вопрос, такой, какой, например, задал Пилат, привел к одному из величайших определенностей, которые может иметь человек, а именно - существование идеальной, абстрактной истины и знания, помимо несчастного настоящего мира, существующих вечно в чистом виде. Он был поставлен очень просто в одном из диалогов:

Сократ: «Мы должны попрощаться с физическими телами - и мной, и Горгием, и Филебом, достаточно прочно, и сделать торжественное исповедание веры для следующего эффекта».

Протарх: «Какого эффекта?»

Сократ: «Тот, кто наверняка и чист, и верен, и незапятнан, как мы его называем, обеспокоен тем, что есть все же без изменения или смешения внешних элементов, или с тем, что является наиболее сродни этому. Но все остальное надо считать средним и подчиненным».

Протарх: «Совершенно верно».

Сократ: «И из имен, которые крепятся к таким вещам, будет прекраснейшим приложить самое красивое к наиболее красивым вещам?»

Протарх: «Естественно».

Сократ: «И не возражаешь, что мудрость и имена мы ставим на первое место?»

Протарх: «Да».

Сократ: «Тогда эти имена будут справедливо прилагаться и точно передавать понятие реальности, как она есть».

Протарх: «Конечно».

И если бы существовала чистая форма знания, то должно быть и хорошее понимание условий для достижения этого. Сократ говорит снова:

«Если не представляется возможным, пока мы во плоти, иметь чистое знание чего-либо, есть только две альтернативы, либо знание невозможно вообще, или возможно только тогда, когда мы мертвы, потому что тогда душа будет сама по себе и из плоти, но не раньше. Таким образом, пока мы живы, мы должны, по-видимому, быть ближе к знаниям, если, насколько это возможно, мы не имеем никаких связей с плотью и не делимся ничем с ней, кроме того, что это абсолютно необходимо. Мы должны не быть инфицированы своей природе, но держать себя чистой от нее, пока сам Бог не освобождает нас. Чистота избавляет от мерзостей самой плоти, и если мы хотели бы быть с другим того же рода, то надо знать и испытать все, что непорочно, и которое, как я понимаю, правда, рукоположено на то, что не является чистым и не держит в руках, что является чистым».

Платон верил в существование божественной силы и в руководство этой власти. Он верил в молитву, в бессмертие души, и в будущую жизнь. Но все равно он чувствовал, что там, может быть, чего-то не хватает. Оратор в одном из диалогов показывает, что Платон считал, что есть еще что-то за пределами его досягаемости:

«О бессмертии души человек должен принять одно из трех. Он должен быть либо учащимся, как обстоит дело, или узнать себя, или, если это невозможно, он должен, по крайней мере, получить лучший ответ на этот вопрос, что человеческий разум может обеспечить и наиболее трудно опровергнуть. Установленный рисковать чем-то, как на плоту, он должен совершить путешествие жизни, если нельзя возможно путешествовать более безопасно и надежно на более твердой опоре какого-то слова Божия».

Платон не мог знать, что этот недостающий элемент был, но для христиан ответ очевиден. Для Платона высшим благом было правосудие, или более точно - «правда».

«Теперь я хотел бы определить для тебя без особых изысков только то, что я думаю, что есть праведность и неправедность. Я называю царствование страсти и страха, и удовольствия, и горя, и ревности, и желания в душе решительно неправдой, делает ли она какие-либо повреждения или нет. Но понятие «Лучший», любым способом, как город или какие-либо конкретные люди думают, чтобы закрепить его, я называю совершенно праведным, если оно преобладает в душе и регулирует всего человека, даже если были понесены некоторые потери. Действие на этих путях праведно, а часть человека, которая подлежит этому элементу управления, праведна, и есть лучшее, что имеется во всей человеческой жизни, хотя многие считают, что потерей будет несправедливость непреднамеренного рода».

Таким образом, города христианской империи в первые годы VI века жили в мире мысли, у которой было два источника: греческий и иудео-христианский. Интеллектуальное приключение, которое произошло с греческой традицией, было само по себе достижением, которое поставило человека в иную плоскость. Это показало силу человеческого интеллекта и возможности человеческого разума. Он показал, что может быть достигнуто путем человеческого разума в одиночку. Это обнаруживает характер личности в человеческом сообществе. Помимо этого лежал невидимый мир абстрактной истины, и видимое и невидимое сделались одним целым, которое регулируется определенными понятиями, называемыми «Бог» или «боги», но здесь Платон никогда не мог быть совершенно уверен, ведь он был верующим, монотеистом и многобожником, одновременно. Таким образом, в жизни и индивидуума, и общества была укоренена мысль, что греческие мыслители наиболее близки к откровению.

Тем не менее, это было огромным достижением, и каждый студент в школах Газы был обязан обращаться к нему.

Но что это за откровение?

Результат откровения не был достижением человеческого разума; это было намного больше, чем могло бы быть любое такое достижение. Воплощением божества в человеческой жизни изменилось направление человеческой мысли. Ранее, в классическом мире, мысли человека были сосредоточены на человеке. Теперь, в христианском мире, мысль человека должна была быть сосредоточена на Боге, ибо теперь появилась уверенность, что человек был значительным только по отношению к Богу. Вся интеллектуальная деятельность человека получила новое разрешение и новую цель.

Если Воплощение проявляет истинный характер человека, то подготовка к Воплощению ведет нас гораздо дальше назад, чем рождение Иисуса, и история христианской церкви начинается с книги Бытия. Правда, об этом уже было объявлено в повествовании о сотворении мира, которое было также первой главой христианских Писаний. Все Писания были пронизаны этим начальным провозглашением истины, а именно, что Бог был создателем всех вещей, и что Он создал человека по Его собственному образу и подобию. Христианское учение было посвящено разработке этой темы и демонстрации его смысла и его последствий.

Ветхий Завет можно понять как запись о верховенстве Бога, установленного в многообразии истин, что Элиху говорил Иову: «Бог больше, чем человек, ты что, вздумал состязаться с Ним?» Бог был признан Творцом неба и земли, всего видимого и невидимого, и, если человек, провозглашая свободу, отпал от Бога и затуманил образ божественного в себе, Христос принес примирение и искупление. И Христос еще трудился в мире, как признается Лука, когда он говорил в Книге Деяний и своем же более раннем Евангелии как о «трактате обо всем, что Иисус начал делал и учить».

Таким образом, человек узнал, что его спасение может быть достигнуто путем его солидарности с Христом, то есть, за ним надо расти в подобие Богу

(идея, которой учил Платон, в своих условиях). Как в Адаме все умерли, так и во Христе все оживут. Итак, если кто придет, чтобы быть «во Христе» - это есть новое творение - в самом человеке, и новый взгляд на его создание.

Различая, таким образом, свое Богосыновство и реализацию себя как сонаследника Христа, человек понял, что Дух Божий проявляется в человеке не только как жизнь, но и как мудрость, и понимание. Языческий поэт, которого апостол Павел цитирует в своем выступлении к мужам Афин на ареопаге, написал, что люди являются потомками Бога, но насколько больше означало «христианин», чем «язычник»!

Итак, христианин мог достичь ответа на вопрос Пилата. (Был ли это вопрос, который сам Пилат был бы в состоянии понять?) Каждый христианин, во все времена и во всех местах, приходил к этому ответу по-разному, но ответ был достаточно большой, чтобы он явился каждому человеку.

Но вопрос «Что есть истина?» подразумевает дополнительный вопрос: «Что является источником истины?» Это, почти так же, как и все остальное, лежало на дне оригинального конфликта между язычеством и христианством, когда христианство вышло из него первым в конфликте с иудаизмом и покинуло языческий мир. Правда, были времена, как и в мысли Платона и философов-стоиков, когда языческие идеи истины почти, казалось, соприкасались с христианством, но по вопросу об источнике они не могли состыковаться. Для греческих философов и деятелей науки источником истины был человеческий интеллект, а человеческий разум был способен справиться с любой проблемой, интеллектуальной или научной, на которую он натыкался.

Христианин знал, что он прошел за это, что он перешел от смерти в жизнь, но его концепция истины как некоей жизни в Боге и грядущей от Бога, позволяла ему увидеть языческие интеллектуальные достижения в истинном свете. Из первоначального отвращения к языческой философии, как только к «пустому обольщению», христианские мыслители увидели, что христианская истина была достаточно большой, чтобы прийти к языческим достижениям и включить их лучшие части в христианскую мысль. Климент Александрийский, Ориген и три великих каппадокийских отца - Василий Великий, Григорий Назианзин и Григорий Нисский, дали ясно понять, что суверенитет христианской мысли ни в коей мере не угрожает языческой философии и языческой литературе. Напротив, христианская традиция может быть обогащена лучшей мыслью языческих писателей. Христианский философ мог бы охватить все интеллектуальное наследие человечества.

Классические философы считали, что путь к истине лежит через знание, и с этим знанием, сопоставляя человека с истиной, что даст ему добродетель. Но добродетель для христиан была больше, чем для язычников, потому что для христиан это был подарок от Бога.

Итак, Газа, в земле Ветхого Завета, пришла к воплощению всех традиций, которые объединяются и составляют интеллектуальный мир того времени. В таком месте как Газа, греческая, иудейская и христианские темы могли объеди-

ниться. Когда граждане Газы подвели итоги состоянию своего разума, стало ясно, что, если достижения греческих мыслителей были замечены в свете христианского откровения, то истинные масштабы того, что случилось с интеллектом человека, можно понять. Интеллектуальная сила и блеск Греции заложили основу, на которой христианство могло сформировать свое послание в терминах, которые бы понятны языческому миру, прошедшие обучение в греческой традиции. Гражданин Газы, вместе со своими сотоварищами во всех других городах империи, мог воспринимать так, что все это было именно для него – иметь возможность насладиться лучшим из слов человека и Слова Божьего. Слова псалмопевца заняли место слов Софокла:

«Когда взираю я на небеса Твои –
даже дело Твоих перстов;
на луну и звезды, которые Ты поставил,
что такое человек, что Ты помнишь его?
и сын человеческий, что Ты посещаешь его?
Ты сотворил его униженного пред Ангелами,
чтобы короновать его славой и поклонением.
Ты сотворил ему иметь власть над делами рук Твоих;
и ты положил все, покорил под ноги Его:
Всех овец и волов; да и зверей полевых;
птиц небесных, и рыб морских;
и все, что ходит по путям морей.
О Господь, наш правитель,
как величественно имя Твое по всей вселенной!»

VI. Пойдем в школу

Греки ищут мудрости
I Послание к Коринфянам.

Если бы интеллектуальное наследие города христианской империи в начале VI в. было доступно только для знатных, то обычный ребенок вряд ли мог бы получить образование. На самом деле, было очевидно, что большинство людей в Ранней Византии были в состоянии научиться читать и писать.

Империя рассматривала образование как частное, индивидуальное дело, и государство не считалось ответственным за грамотность для ее подданных. Многие мыслители того времени вернулись к учению Аристотеля и других классических греческих мыслителей о том, что люди не были по природе созданы равными; что их природные возможности отличались; что некоторые родились, чтобы править, а другие родились, чтобы служить, и что последние непригодны для получения образования. Условия рабской жизни, и, как считалось,

извращенный ум и дух, делали человека неспособным к любому виду альтруистического мышления или интеллектуальной деятельности. Поэтому только определенные члены сообщества имели право на образование в первую очередь; более того, обязанностью человека и его семьи было обеспечить ему образование.

Некоторые монастыри занимались образованием сирот, попечение о которых было возложено на них, а соборы и крупные храмы имели школы для мальчиков. Время от времени туда делались общественные пожертвования для образования детей из бедных семей, но это было скорее исключением, чем правилом. Государство не чувствовало никаких обязательств в этом направлении, и если неграмотность существовала всегда наряду с возможностью получения навыков чтения и письма, то она считалась частью естественного порядка вещей и принималась всеми, как грамотными, так и неграмотными.

Если студенту приходилось обеспечивать себя самому, то учитель также должен был зависеть от своих собственных ресурсов. Когда университеты не присуждали ученых степеней, и не было никакого общественного контроля за квалификацией преподавателя, любой, кто хотел стать учителем, мог создавать для себя школу и учить тех пор, пока он мог привлечь учеников. Неизбежно возникали всевозможные учителя, предлагающие обучение, индивидуально и в частных школах, и родитель в поисках учителя для своего ребенка мог найти широкий спектр предложений, которые исходили от различных школ и преподавателей.

Успешный учитель мог стать богатым и брать талантливых, но бедных студентов по льготным ценам или иногда даже вообще освобождать от платы. Учитель, зарекомендовавший себя, продемонстрировавший свои способности, мог быть назначен муниципальными властями у себя в городе на кафедру риторики, где он бы получал жалованье, помимо частной оплаты. Если учителю очень везло, он мог быть назначен на кафедру в императорском университете в Константинополе, или он мог стать главой своей собственной частной школы в одном из сложившихся центров высшего образования: Афинах, Константинополе, Александрии, Газе. Но таких процветающих и выдающихся светил было мало, еще меньше было для них способных учеников. Менее удачливые из учителей проводили свою жизнь в узком кругу, рутине, среди темного населения города, с неперспективными учениками. Жизнь таких людей было очень трудна, и это нашло отражение в характере школы. В эпоху, когда жестокие физические наказания и пытки были признанной частью правовой системы, школьники должны были ощущать суровую физическую дисциплину. Жизнь учителя не всегда могла показаться привлекательной, но профессия продолжалась, как это было во все времена, и привлекала новые поколения.

Ребенок, начиная свое образование в такой системе, зависел не только от его собственной способности и умений, но и от возможностей его семьи, чтобы платить за хорошее образование, и, конечно, от наличия хорошего учителя или школы. Некоторые семьи могли позволить себе репетиторов, а это должны были

быть умные и хорошие люди, жившие в доме, и члены семьи их любили и уважали, так как только так они могли сформировать характер детей, а также дать академическое обучение. Довольно часто бабушки и старшие сестры учили маленьких детей читать и писать, используя буквы алфавита, вырезанные из дерева. Когда ребенок научался читать, он начинал изучать литературу, грамматику и арифметику, пока ему не исполнялось 12-14 лет. Также имела место физическая подготовка, в том числе танцы, музыка и игры под контролем взрослых. Было много запоминания отрывков из классической литературы, ибо считалось, что хорошо сформированный ум готовит человека к общественной деятельности, умению хорошо говорить и постоять за себя, правильно подобрав аргументы в своей речи. Запоминание всегда рассматривалось как лучший способ получить информацию и держать ее в голове; человек, зависящий от письменных записей или книг, может забыть написанное.

Когда ребенок, таким образом, научался читать и правильно использовать язык, далее следовал второй этап обучения, в котором начиналась работа в основном с риторикой, ее использованием в письменной форме, декламациях и дебатах. Учащийся должен был составить эссе, воображаемые речи и диалоги известных персонажей истории, наряду с формальными описаниями мест и эпизодов. Во всех таких упражнениях студент тщательно учился, чтобы изучить стиль и технику великих мастеров литературы. Цель этого обучения была не только литературная. Блестящий стиль был, конечно, признаком глубокого и опытного ума, и риторика была основой искусства убеждения. Но более важным было само участие в усвоении античного наследия. Великие писатели классического века, начиная с Гомера, посвятили себя изучению человеческого характера, и студент, который был обучен анализировать эти образы, мог сам извлечь пользу из их примеров. Акцент на риторику и литературную критику, возможно, на первый взгляд, кажется, непропорциональным, но эти навыки считались инструментами для более важного исследования общества и формирования моральных качеств. В классической Греции в центре внимания всей культуры был человек, и он мог быть лучше понят из сочинений великих исследователей человеческой природы - поэтов, драматургов, философов и историков. Подготовка юношей по такой линии считалась настолько успешной, что никакая другая система даже не рассматривалась всерьез.

Когда студент достигал возраста 16-17 лет, ему, возможно, приходилось прекращать обучение и идти работать, или, если он был в состоянии - пойти на более высокий уровень исследований. Завершив свое обучение в области литературы и риторики, он теперь добавлял изучение математики, которая должна была очистить ум и подготовить его к изучению философии. Естествознание изучалось как отрасль философии, и оно было спекулятивным и теоретическим, а не практическим. Наука должна была изучаться лишь ради ее практического применения. Человек был центром Вселенной, поэтому и мир, и человека изучали с точки зрения человека и человеческой жизни. Примером может служить один выдающийся, но не известный по имени, математик и архитектор из Кон-

стантинополя, живший в царствование Юстиниана, задумавший устройство, которое представляло собой, по сути, паровой двигатель: большой металлический сосуд, заполненный водой и покрытый кожей, в которую была вставлена трубка. Нагрев воды, полученной давлением пара, вызывал вибрации в конце трубы. Идея была, без сомнения, извлечена из сочинений эллинистического ученого Герона Александрийского, который во II в. описал принцип использования пара. Но устройство в Константинополе было построено как сложная механическая забава, и высокообразованная знать имперской столицы отмечала, что механик продемонстрировал правильность теории Аристотеля о происхождении землетрясений. Казалось, что в VI в., как и во II в., никому и в голову не может прийти, что паровой двигатель может иметь практическое применение.

Молодой человек, который был в состоянии получить высшее образование, мог найти то, что он хотел, у себя дома, но для наилучшего образования он должен был пойти в один из известных центров, в которых выросли сообщества ученых, которые в наши дни назвали бы университетами. Каждый из них имел свою особую академическую атмосферу, отличную от других. Как всегда в академическом мире, эта атмосфера зависела, в значительной степени, от личных качеств руководителей различных высших школ. Во всех звеньях классического образования важнейшей частью всего процесса были личные отношения между учителем и учеником. Знание того, что нужно передать, транслировалось на уровне непосредственного контакта одного человека с другим. Это влияние учителя на ученика не было чем-то дополнительным, имевшимся по возможности, оно было незаменимым. Оно было неразрывно связано с поисками знаний, на что древние греки смотрели как на почти священное. Без знания и идей не будет культуры. Письменное слово, которое сохраняется в книге, можно отложить в сторону, потерять, или неправильно понять, но внимательный студент никогда не мог забыть сказанное слово своего учителя.

Таким образом, молодой человек из Газы, ищущий места для получения высшего образования, часто выбирал определенный город или определенную школу из-за присутствия там конкретного учителя, чья слава привлекала его. Иногда молодой человек мог перейти от одного города в другой, стремясь услышать несколько известных учителей подряд.

Это был иногда достаточно трудный выбор, но еще труднее был выбор между двумя полюсами. Афины когда-то был одним полюсом образования. Второй полюс: Иерусалим. Разница между ними символизировала не просто разницу в принципах преподавания, но и общее отношение к жизни. В Газе, в начале VI в., напряженность между этими полюсами можно было увидеть и понять, возможно, более четко, чем где-либо и когда-либо прежде.

VII Христианский ученый

Тогда Он сказал им: поэтому всякий книжник, наученный Царствию Небесному, подобен человеку, который хозяин дома, и который выносит из сокровищницы своей новое и старое.

Евангелие от Матфея.

Если молодой человек из Газы желал изучать право, он мог пойти в одну из императорских юридических школ, в Константинополе и Берите (Бейрут), единственных учебных заведениях, в которых обучение юристов было разрешено правительством. Если молодой человек желал вести литературные и риторические исследования с целью сделать карьеру в гражданской администрации, или в качестве учителя, или если он хотел изучать философию в качестве последнего шага в широком гуманитарном образовании (artes liberales), в его распоряжении имелось несколько отличных возможностей. Старейшим «университетским городом» империи были Афины, еще жившие в лучах своего древнего величия, где имелись школы, которые были прямыми наследниками знаменитых академий Платона, Аристотеля и эллинистических философов.

Кроме того, молодой человек мог отправиться в один из более поздних центров: Константинополь, Газу или Александрию. Каждый из этих городов предлагал те же самые методы обучения и передовых исследований в области гуманитарных наук, но с разными акцентами и специальностями, по которым они стали известны.

Константинополь был центром блестящей группой литераторов, чья работа была воодушевлена императором Юстинианом. Там также находился императорский университет, основанный Феодосием II в 426 г., с аудиториями в Капитолии. В его штат были включены десять профессоров латинской грамматики и филологии и три профессора латинской литературы и риторики. В греческой части также имелось десять профессоров грамматики и филологии, но пять профессоров греческой литературы и риторики. Столица, естественно, привлекала молодых людей, которые имели в виду карьеру на государственной службе.

Александрия, которая была старше Константинополя, имела несколько иную традицию. Известная в эллинистический период своим Мусейоном, основанным Птолемеем II, Александрия всегда испытывала особый интерес к математике и естественным наукам, и в то время философы и литераторы всегда были активными в преподавании и исследованиях, Александрия была местом, в которое шел молодой человек с научными интересами.

В интеллектуальных и художественных вопросах Газа традиционно смотрела на Александрию. Академически палестинский город был в некотором смысле филиалом египетского мегаполиса. Многие из молодых людей Газы, готовясь к академической карьере, уходили в Александрию, чтобы завершить свои исследования, а затем возвращались в Газу, чтобы начать свою карьеру.

Но уже наступало время, когда интеллектуальные круги Газы начали опережать свою альма-матер. Ряд выдающихся литераторов, начиная с последней части V века, сделал Газу самым видным центром передовых литературных исследований тех дней.

Одним из самых известных из этих литераторов, чья карьера типична, был Прокопий Газский (не путать с Прокопием Кесарийским, который был, вероятно, одним из его учеников). Даты жизни Прокопия не известны с уверенностью, но он наиболее активно работал в царствование Анастасия (491-518). Он учился в Александрии, и в одном из своих писем он называет этот город «общей матерью литературоведения». Начав свою карьеру в качестве преподавателя риторики в необычно раннем возрасте, он добился такого успеха, что Берит, Антиохия, Тир и Кесария, столица Палестины, неоднократно пытались заполучить его услуги, но он всегда предпочитал оставаться в Газе.

Мы знаем, что Прокопий писал на разные темы, как языческие, так и христианские. В классической манере он сочинил панегирик императору Анастасию (каждый литератор должен был уметь сочинять такие тексты) и формальный плач на землетрясение, которое произошло в Антиохии. Одно из его самых замечательных сочинений - сложное и стилизованное описание часов в Газе, которые в то время были редкостью и стояли только в общественных местах. Другой характерный отрывок представляет собой описание двух картин в Газе, изображающих сцены из истории Федры и Ипполита по Еврипиду.

Во всем этом Прокопий был преемником длинной линии греческих писателей, посвятивших себя изучению греческой прозы и поэзии в качестве инструмента высокого литературного искусства. Но Прокопий был в то же время набожным христианином. Наряду с его классическими произведениями он создал серию богословских сочинений. В тот период большая часть религиозной мысли воплощалась в комментариях на книги Библии, и Прокопий следовал обычаю своего времени, написав важный комментарий к Книге Исайи. Его выдающимся произведением в этой серии, как представляется, был комментарий на Октатевх, который позже историк литературы охарактеризует как, возможно, слишком обильный, потому что Прокопий позаботился привести все мнения всех авторитетов. Он также прокомментировал Книги Царств, Паралипоменон, Притчи и Песни Песней Соломона. Каждый богословский писатель в те дни полемизировал, и Прокопий, как и другие, использовал свои комментарии для атак на его богословских оппонентов. Он также составил опровержение философского учения его старшего современника, известного неоплатоника Прокла.

Прокопий был в свое время самым выдающимся литератором в Газе, и его слава переходит к одному из его учеников, Хорикию, расцвет деятельности которого приходится на 520-530 гг. Как и его учитель, Хорикий писал в классическом стиле как для языческих, так и христианских подданных. Его сочинения, наиболее известные сегодня - это описания церквей св. Сергия и св. Стефана в Газе, которые входят как часть в два панегирика Хорикия в честь своего друга епископа Маркиана, который был его однокурсником во времена ученичества у

Прокопия. В блеске своей риторики Хорикий, как считалось, превзошел своего учителя, и его работа получила высокую оценку Фотия Константинопольского, ученого и критика IX века:

«Он [Хорикий] является любителем ясности и чистоты стиля, и если он разглагольствует, чтобы приносить какую-либо пользу, ясность его мыслей никоим образом не нарушается, так как расширение неплохо приурочено и никогда не достигает длины полного периода. В его сочинениях сочетаются характер и искренность, и, в то же время, он не оставляет без внимания привитие нравственных уроков. Как правило, он использует тщательно подобранные слова, хотя и не всегда в их собственном смысле; ибо иногда, в связи с его неограниченным использованием образного языка, он впадает в холодность, а иногда уносится в поэтические дали. Но он в своих лучших проявлениях хорош в описаниях и панегириках. Он является сторонником истинной религии и отношениях обрядов и святых мест христиан… Многие его сочинения различных видов находятся в обращении; одни встречаются с фиктивными, хвалебными и спорными речами, монодиями, брачными песнями и многими другими».

Единственный раз Фотий критикует Хорикия за то, что он вводил греческие мифы и истории в свои труды, даже когда речь идет о священных предметах. Но такие интерполяции, неодобряемые во времена Фотия, считались элегантными в дни Хорикия. Хорикий любил цитировать великих классических мастеров, а индекс в современном издании его сохранившихся работ показывает, что в 544 печатных страницах греческого текста он цитирует Эсхина 29 раз, Аристофана 47 раз, Демосфена 142 раз, Гомера 274 раз и Либания 493 раз. Как характерно для его эпохи, он цитирует Платона 356 раз, но Аристотеля только два раза.

Вокруг имен Прокопия и Хорикия сгруппированы те ученые и литературные деятели, которые, не сильно от них отличаясь, поучительны для интересов и деятельности ученого мира Газы. Один из них, Иоанн Газский, сочинил в гекзаметрах описание крупной живописи в общественной бане, аллегорическое представление о мире и силах природы, которые были представлены олицетворениями в антропоморфном виде, например, Мудрость, Добродетель, Луна, четыре ветра, Земля, и ее дети-плоды, Европа, Азия, море, зима, и дожди. Описание этой обширной и сложной картины начиналось с христианского введения, а в середине поэмы автор описывает картину с воздвижением Креста, особенность, которая в данном контексте кажется такой необычной, что было предложено, что этот фрагмент был добавлен к первоначально языческой живописи.

Список других авторов Газы представляет разнообразный каталог работ. Зосим Газский, представитель поколения, предыдущего Прокопию, был известен своими комментариями на классических ораторов Лисия и Демосфена. Примерно в то же время ритор Эней Газский написал любопытную работу под названием «Феофраст», в которой философ с таким именем, ученик и преемник Аристотеля, изображен преодолеваемым путем христианских аргументов, касающихся бессмертия и воскресения. То, что автор выбрал в качестве своего героя

персонаж, который жил за три столетия до времен Христа, вероятно, расценивалось как знак оригинальности. Работа показывает, что писатель был знаком с трудами Платона, Плотина и Григория Нисского. Епископ Захария Митиленский, который происходил из Газы и сочинил известную церковную историю на сирийском (который был очень вероятно, его собственный родной язык), также написал диалог под названием «Аммоний» в подражание «Феофрасту» Энея. В условиях, напоминающих платоновского Федра, происходит обсуждение между юристом и неоплатоническим философом Аммонием проблемы вечности мира.

Одной из самых характерных фигур эпохи являлся Тимофей Газский, который был учеником в Александрии Египетской ученого Гораполлона. Тимофей писал как трактат о животных, так и работы по синтаксису, иллюстрирующие литературные персонажи науки и образования в этот период.

Среди писателей, прошедших подготовку в школах Газы, одним из самых известных был Прокопий Кесарийский, который стал известным историком царствования Юстиниана. Стиль Прокопия показывает, что Фукидид, должно быть, был любимым образцом в классах Газы, и что также ученики должны были внимательно прочитать и Геродота.

Как нужно расценивать этот внезапный расцвет в школах Газы в начале VI века? Известно, что в Газе всегда велось адекватное обучение в литературных и риторических исследованиях, но что объясняет внезапное появление людей исключительных талантов, таких как Прокопий Газский и Хорикий?

Так как большая часть древних литературных свидетельств теряется, то мы не можем быть уверены в ответе. Нас, однако, можно оправдать, полагая, что сама физическая обстановка в городе что-то делала для появления этих прекрасных сочинений. Вся атмосфера в Газе была благоприятной, чтобы стимулировать литературное творчество. Александрия и Константинополь смогли привлечь и удержать уважаемых профессоров, но ни один - оживленный морской торговый порт, ни другой - имперская столица и деловой центр империи, не мог дать те условия, которые Газа предлагала для студентов и преподавателей. Красивые классические здания и ровный климат сделали Газу в высшей степени приятным местом жительства для академического народа. Фестивали и ярмарки, с их литературными вечерами и конкурсами, привлекали посетителей со всего греко-римского мира, который предоставлял благодарных зрителей для декламаций профессоров и их учеников. Кроме деловой жизни города, здесь не было отвлечений, наподобие таких, с которыми можно было бы столкнуться в Александрии или Константинополе. Когда появлялся человек исключительных дарований, например, Прокопий Газский, то достопримечательности родного места перевесили в нем, чтобы противостоять соблазнам других городов. Несомненно, эта привлекательность также сыграла свою роль в привлечении студентов в Газу.

Но, если рассматривать такие факторы, как климат и физическая обстановка, то, казалось бы, где как не в Афинах, они должны были работать сильнее, чем в Газе, ведь палестинский город никогда не мог предложить студенту бога-

тые традиции и почти священные ассоциации, которые до сих пор цеплялись за имя Афин.

Как могло получиться, что, когда Газа наслаждалась успехами Прокопия и Хорикия, Афины не дали фигуру сопоставимого масштаба? В самом деле, в прошлом выдающееся имя, связанное с Афинами, дало в то время лишь неоплатоника Прокла, который умер в 485 г.

Ответ может быть найден в той ситуации, которая была создана знаменитым декретом Юстиниана 529 г. Имея преимущество в подготовительный период, в течение которого он был главным помощником и советником своего дяди, Юстина (518-527 гг.), Юстиниан, когда он пришел к власти после смерти дяди, имел некоторые четко определенные понятия о том, чего он хотел бы достичь. Одной из первых проблем, выносимых на повестку дня, было полное объединение веры и культуры. Это уже давно представляло трудность для христианских мыслителей, а также и для их государей. Даже после обращения в христианство императора Константина Великого было ясно, что вся империя не собиралась обращаться в христианство сразу. Интеллектуальные круги, где классическая традиция была хорошо укоренились, были самыми упорными в противостоянии дарам, предлагаемым христианством, и, хотя некоторые христианские мыслители, такие как Ориген и каппадокийские отцы, показали, что христианство было способно поглощать языческую традицию и превращать ее в собственные формы, там продолжало выживать ядро языческих интеллектуалов, которые не могли быть побеждены христианством. Если достаточное количество людей еще тяготело к язычеству, церковь не могла смотреть на себя как на полностью торжествующую.

Эта ситуация, как виделось Юстиниану, была важна для будущего образования. Было убедительно показано, что лучшее литературное образование должно было воспользоваться великими произведениями классических мастеров. Но если эти писания не изучали, или изучали в рамках христианской истины, то не было никакого значения в их использовании. Они на самом деле могли быть опасны, если изучались без ссылки на христианский образ жизни.

Афины и Газа точно иллюстрируют точку зрения Юстиниана. Оба города были центрами преподавания классической риторики и философии и использовали классических авторов как литературные образцы. Но есть разница, и она имела крайне важное значение. Профессора в Афинах были язычниками, в то время как профессора Газы были христианами. В Афинах учителя жили в древней интеллектуальной святыне, преподавали древних авторов и изучали их в старой традиции. Для этих учителей жизнь могла казаться неизменной с эллинистического времени. Преподаватели в Газе представляют собой новый тип - христианского ученого. Они учили классических авторов, потому что верили в ценность этого материала, но они сами были христианами, и в своих указаниях они пробовали показать, что классические шедевры должны быть установлены в более широких рамках христианской истины, и что, если они были приняты по сравнению с этой точкой зрения, они могли бы внести надлежащий вклад в хри-

стианское образование. Искренность мировоззрения профессоров Газы была продемонстрирована их сочинениями, написанными как для классических, так и для христианских подданных одновременно, и их понимание ценности классики служило мерилом успеха в их классических трудах.

Любой правитель не мог не быть сосредоточен на культурном и религиозном объединении своей империи, и знаменитый указ Юстиниан от 529 г. находится в этом контексте. Этот указ (как и некоторые другие подобные указы последующих эпох) не всегда понимался правильно последующими поколениями, и вполне возможно, что он был подвергнут критике уже в то время, когда он был издан. Юстиниан не был намерен положить конец преподаванию классической философии в Афинах. Конечно, классическая философия по-прежнему изучалась в Константинополе, в Газе и Александрии. Юстиниан же запретил было изучение классической философии преподавателями, которые не были сами христианами. Это действие было вполне логично для языческих профессоров, их преподавание классической философии могло привести к повреждению умов неопытных и некритических студентов, и это представляло собой угрозу для стабильности государства. Не сами Афины в действительности стали анахронизмом, будучи уже не в состоянии играть свою истинную роль в высшем образовании новой христианской Римской империи. Афины неоплатоников были призраком, и уцелевший сегмент классического мира стал узником собственной традиции. Константинополь, Газа и Александрия, наследники старых традиций, стали вождями новой эпохи.

VIII. Дом Небес

Вспомни, Господи, тех, кто приносит жертвы и выполняет справедливые работы в твоих святых церквах.

Литургия св. Иоанна Златоуста.

Чистый воздух и яркое солнце были идеальным местом для архитектуры классической Греции, и каждый город Средиземноморья видел в его зданиях принципы и вкусы, давно разработанные на берегу Эгейского моря. Римляне, следовавшие за греками, развили собственное выражение в строительстве, более массивном, более богатом украшениями, чем светлый греческий стиль. И земли на востоке империи способствовали вкусу для взаимодействия солнечного света и тени на резных архитектурных украшениях. Принятый тип здания, в основе которого лежал знакомый стиль греко-римского мира, был хорошо приспособлен к климату и к потребностям людей, для которых здания были разработаны, чтобы служить им.

Наследница всей этой традиции, Газа в начале VI века имела оформленные архитектурные композиции и постройки, которые стали частью жизни лю-

бого такого города. Его украшенные колоннами улицы, общественные бани, административные здания, библиотека, театр и ипподром напоминали классические греко-римские формы.

Но в мире в начале VI века появился и новый архитектурный фактор: христианская церковь. Так же, как языческий город находился во власти своих храмов старых богов, христианский город был во власти своих церквей. В некоторых городах некоторые из старых храмов были сохранены как музеи или были преобразованы в церкви. Однако в Газе храмы были уничтожены во времена знаменитого епископа Порфирия, и церкви заняли свое место наряду с традиционными общественными зданиями.

История церковного зодчества была историей самой церкви. Ранние ученики встречались «от дома к дому», творили преломление хлеба, молились, и осуществляли учение, как повествуется в книге Деяний. По мере роста церкви, некоторые из частных домов, в которых встречались маленькие группы христиан, были восстановлены и превращены в места встреч, специально адаптированных для поклонения и обучения.

С самого начала церковь, когда она смогла строить публично и в более широком масштабе, начала разрабатывать свой собственный архитектурный стиль. Сначала он принял вид римской базилики, продольного трехнефного здания с апсидой на одном конце, предназначенного римлянами для судебных и коммерческих целей. Этот план мог быть адаптирован к потребностям христианского богослужения, и сюда помещаются открытые собрания церкви в достойной обстановке, которая несла коннотацию власти, как для христиан и для язычников, которые все еще находились вне церкви.

План базилики всегда продолжал использоваться, но время шло, и христианское духовенство и христианские архитекторы начали разрабатывать новые планы, которые казались более четко выражающими дух церковного богослужения и были также более естественно адаптированы к сложностям церковного церемониала. В это время развивается и богослужение, особенно Божественная литургия, или Святое Причастие, отливаясь в более зрелые и авторитетные формы, и архитекторы стремились воздвигнуть постройки, которые ответили бы на новые выражения церковного богослужения и новые возможности для графического оформления, важные как для духовной жизни, так и для проповеднического служения церкви.

Новые стили, которые будут использоваться, наряду с базиликой, частично развились из самой базилики, отчасти на основе других концепций. Важный шаг был сделан, когда две пересекающиеся балки были добавлены к апсидальному концу базилики, обеспечивая тем самым символический план наземного креста. Был добавлен купол, находящийся на четырех опорах над их центральным перекрестьем, обеспечивая символы полушарий неба, которые могли быть украшены сценами из жизни Христа и Апостолов, пророков и святых.

Архитекторы разработали варианты поперечного плана - иногда продолговатой формы с удлиненным нефом, иногда квадратной формы со всеми сторо-

нами равной длины. В некоторых позднейших церквях эта последняя форма была закреплена в квадратном виде.

Другими крупными нововведениями были: восьмиугольный план и круглый план. Ранее они были известны в прототипе, построенном Константином Великим в Антиохии в Сирии. Обе - восьмиугольная и круглая - формы давали новые возможности для элегантной отделки и для эффекта легкости и единства, в интерьере которых предусматривалось пространство для священников и верных прихожан, которое было одновременно и более просторным и более единым. Не в последнюю очередь из преимуществ нового плана выделялся великий купол, который в настоящее время может покрыть и доминировать все внутреннее пространство, выступающее и как великолепное окружение для образа Христа и, через окна в его основе, в качестве источника солнечного света, который проникал во всю внутреннюю часть здания.

Архитекторы, которые задумали и планировали эти церкви, не были специалистами в церковной архитектуре, как в более поздние века. Любой архитектор, который взялся проектировать любое здание, призывался к смирению, хотя некоторые, несомненно, предпочитали церкви светским зданиям. В самом деле, некоторые архитекторы, в глубоко религиозном мире тех дней, непременно считали, что самая большая слава их профессии заключалась в строительстве церквей. Помимо того, что они были менее специализированы, чем их более поздние преемники, архитекторы, вместе с тем, были значительно разностороннее и имели более индивидуальный запас знаний и умений, а их подготовка осуществлялась по различным академическим направлениям. Архитекторы, которые построили храмы в Газе, знали и больше, и меньше, чем их коллеги из более поздних эпох.

Это находилось в соответствии с современной концепцией науки и изобразительного искусства. В классическом понимании природы человеческого знания и его значения для человека, философия и теология рассматривались как высшие формы интеллектуальной деятельности. Эти исследования ментальной и духовной жизни человека и природы Божественной Силы были, конечно, как считалось, наиболее важными темами, которыми человечество могло занять себя. Естественным следствием этого было то, что наука и все остальные нефилософские и небогословские предметы занимали более низкое место в интеллектуальном мире и в общей оценке людей. Были, конечно, исследования в области профессий, которые были полезны, например, архитектуры, медицины, математики, но они не затрагивали непосредственно самые высокие уголки человеческой мысли.

В то же время, существовала древняя традиция, с этим связанная, которая внесла большой вклад в ее сохранение. Эта традиция утверждала, что гражданин не должен ничего делать руками (война, легкая атлетика и спорт, как «благородные» виды деятельности, не были исключением). Самое высокое занятие для гражданина - интеллектуальное и философское осмысление. Действительно,

считалось, что досуг и свобода от материальных забот были существенными условиями для лучшего развития сил разума.

Если для рабочего человека исключалась какая-либо возможность высшей жизни ума, то создавалась неопределенность в отношении некоторых профессий, в которых, очевидно, сочетались как интеллектуальный, так и ручной труд. Врач, архитектор и инженер зависели от интеллектуального багажа и использования воображения, а также по необходимости применяли определенный объем практической деятельности.

Еще большее разнообразие деятельности обнаруживается в работе художников-живописцев, скульпторов, мозаичистов, музыкантов. Возможно, серебряных и золотых дел мастеров можно считать здесь достойными упоминания. Такие люди были более чем ремесленники, но они не могли вполне быть допущены на тот же уровень, как гражданин-интеллектуал, или такой интеллектуал, как врач, который занимается практической деятельностью.

Было, очевидно, необходимо, разместить все эти виды деятельности в рамках социальной структуры. Это было сделано путем расширения принципа различия между «теоретическим» и «практическим». Не было никаких сомнений, что существует разница между, скажем, философом как «теоретиком», и скульптором как «практиком». Этот принцип просто применялся к деятельности, которая, казалось, имеет обе природы, и считалось, что определенные отрасли знания были разделены на теоретические и практические области. Например, существовал теоретический аспект медицины, и гражданин мог и должен был включить его в свою общую программу образования, но этот вид медицинских знаний отличался от практического аспекта медицины, а именно при лечении больных. Этот практический аспект нужно было оставить практикующему врачу, поэтому гражданин не мог участвовать в реальной практике медицинского искусства. В области, которая позже стала называться «изобразительным искусством», можно было иметь экспертные знания живописи или скульптуры, то есть, «теоретические» знания, не вступая в фактический труд живописи или скульптуры.

Так было и с наукой и ремеслом строительства. Люди древнего мира были гораздо менее сознательными, чем их более поздние собратья по «специальностям» и подразделениям между учебными предметами. Ментальных разделений не существовало. Аристотель, например, был биолог, и ему никогда бы не пришло в голову, чтобы ограничить себя лишь как ботаника, зоолога, физиолога или анатома. Точно так же, древний строитель не получал специальность архитектора, или специалиста по материалам, или инженера-строителя. Застройщик должен был быть компетентным во всем, относящемся к строительной деятельности. Действительно, строитель должен был быть обучен тому, что позже назвали бы наукой механики. «Механика» на самом деле уже была актуальным термином, используемым у Паппа Александрийского в его руководстве по математике - широко применявшемся сборнике, написанном в начале IV века:

«Наука о механике имеет много важных применений в практической жизни, и проводится философами, чтобы быть достойными самого высокого уважения, и усердно изучается математиками, потому что занимает почти первое место в борьбе с природой материальных элементов мироздания. Речь идет, как правило, о покое и движении тел, и их движении в пространстве..., с помощью теорем, соответствующих предмету… Механику можно разделить на теоретическую и практическую части. Теоретическая часть состоит из геометрии, арифметики, астрономии и физики, в руководстве по работе с металлами, строительных работах, столярном деле и искусстве живописи, а также ручном выполнении этих вещей. Человек, который прошел подготовку с юности в указанных науках, а также практикуется в вышеуказанных искусствах, и, кроме того имеет универсальный ум, будет лучшим строителем и изобретателем механических устройств».

Это было серьезное обучение и, несомненно, не каждый начинающий строитель или «механик» мог освоить все области, перечисленные Паппом. Но стандарт знаний и компетенций, которые здесь подразумевались, был очень высоким, и универсальность обучающегося была увеличена тем фактом, что после завершения очередного этапа академической подготовки, студент мог привнести новые штрихи в свое обучение, выступая в качестве ученика у более старшего практикующего. Здесь он имел возможность наблюдать за решением проблем на виду у опытного товарища. Он мог также быть свидетелем рождения новых идей и создания новых методов и новых стилей. Активный и интеллектуальный ученик мог узнать гораздо больше от связи с вдохновенным практиком, нежели он мог бы взять от всего «теоретического» обучения.

Такова была ожидаемая подготовка молодого человека из Газы, которую следовало пройти, если он надеялся стать «строителем». Универсальность самых опытных строителей, их склад ума, которые следовало усвоить, чтобы опереться на архитектурные проблемы и идеи, можно проиллюстрировать карьерами Анфимия и Исидора, двух наиболее выдающихся строителей и инженеров начала VI века. Они известны своей работой по строительству большой новой церкви Юстиниана - святой Софии, Премудрости Божией, в Константинополе: подвиг, который сделал имена этих архитекторов бессмертными. Но св. Софией представлена только часть их свершений. Они были приглашены императором Юстинианом для архитектурных и инженерных проектов по всей империи. Наиболее показательной в их концепции своего призвания является их деятельность в тех областях, в которых архитектор поздних эпох обычно не мог найти себя. Исидор был на самом деле профессором геометрии или механики. Он пересмотрел текст Архимеда, величайшего математика древности, и стал экспертом по продвинутым проблемам стереометрии в двух книгах (одна из них написана одним из его учеников), которые были добавлены в качестве дополнения к тринадцати книгам Евклида. Исидор написал комментарий на трактат «О сводах» Герона Александрийского, и здесь он описывает специальный компас, который он изобрел для вычерчивания параболы.

Коллега Исидора Анфимий был в равной мере почитаем как математик. Он сочинил трактат «О зеркалах зданий», который является важным документом в истории конических сечений. Он также написал работу «О замечательных механических устройствах», которая, к сожалению, была утрачена. В трудах Анфимия мы имеем, как кажется, первое упоминание о построении эллипса с помощью струны, натягиваемой с фокусов. Один из его коллег, Евтокий, посвятил Анфимию свои комментарии на «Конические сечения» Аполлодора.

Для таких людей, как Анфимий и Исидор, а также для тех, чьи имена потеряны, и которые строили храмы в Газе в начале VI века, проектирование и строительство новой церкви было отнюдь не рутинным делом. Там не было никаких руководств, никаких фотографий, никаких профессиональных журналов, как было в более поздние времена. Для того, чтобы увидеть работу других строителей и в других случаях, строителю приходилось ездить и исследовать здания на месте. Было намного меньше стандартизации или однородности планов, чем в более поздние века, и гораздо меньше копирования существующих памятников. Каждый новый храм был новой возможностью и новым вызовом, и в религиозно-настроенных обществах того времени строительство церквей было архитектурной областью, в которой инновации и воображение нашли свое наибольшее выражение. Другие здания, частные и общественные, пребывали в традиционном стиле, в котором было немного возможностей или стимулов для новых конструкций и украшений. Лишь церкви стимулировали и объединяли все усилия строителей. Даже если новая церковь строилась в целом по образцу другой, тем не менее, это было по своей природе уникальное здание, со своими индивидуальными особенностями.

Церкви Газы погибли, но литература, «прочнее бронзы», сохранила сведения о жизни храмов, в которых население Газы собиралось в первые годы VI века.

Одним из них была церковь Сергия, посвященная губернатору Палестины Стефану, при содействии Маркиана, епископа Газы. Преподобный Сергий был известным ранним мучеником в Месопотамии - свидетелем веры в преследованиях при императоре Диоклетиане - которому были посвящены многие церкви по всей империи.

Церковь в Газе была крестообразная в плане, с куполом над пересечением рукавов креста. Хорикий, известный ритор и профессор, включил описание этой церкви в панегирик в адрес епископа Маркиана:

«Направьте свой путь к северной части города, проходя через рынок, и поверните налево. Встаньте у колоннады на рынке, которая находится за пределами паперти. Вы не сможете определиться, чтобы насытить себя видом на вход, или направить свой путь сразу к удовольствиям, которые, кажется, обещает интерьер.

Над колоннадой, обегающей вокруг рынка, возвышаются четыре колонны из мрамора из Кариста на Эвбее, заметные из-за их размера и их замечательных расцветок. Две центральные несут каменную арку, украшенную узором из ко-

лец, вырезанных в высоком рельефе. Ключевой камень несет крест, символ страстей Спасителя, образованный кольцами в месте их соединения. Крыша входа состоит из четырех арок, образующих квадрат в плане, с полукуполом с обеих сторон над крыльями колоннады.

Поднимаясь по лестнице, вы попадаете в атриум с четырьмя равными сторонами, каждая из которых образована крытым портиком, тщательно разработанным, чтобы быть в надлежащей пропорции с открытой площадкой. В капителях колонны соединены деревянными балками, сохраненными на два входа, где лучи опущены, потому что в этих точках столбцы несут арки. Каждый портик в центре имеет полукруглую нишу и открыт для бризов, и совет всегда заседает в приятном месте. В одном из портиков есть место, в котором обычно епископ проводит свои официальные приемы. При повороте в сторону входа в самой церкви, ветер тихо проникает под одежду и освежает ваше тело.

Когда вы войдете в церковь с ее западного конца, разнообразие красот, которые вы будете созерцать, заставит вас пошатнуться. Опасаясь, чтобы не оставить чего-то без внимания, вы не позволите вашему взгляду отдохнуть на чем-либо отдельном.

К северу расположен баптистерий, в окружении колонн, предназначенный для посвящения в христианскую жизнь. Его пол украшен пестрыми мозаиками.

Теперь вы видите два боковых прохода церкви, один на севере, один на юге. Наружные стены облицованы мраморными плитами, аккуратно вырезанными и установленными таким образом, что природные жилы образуют орнаменты, конкурируя с произведениями художников.

В центре церкви есть столбы, поддерживающие восемь арок, симметрично стоящих друг перед другом. В восточной стене, к восходу солнца, стоит апсида, с полуцилиндрическим углублением с обкладкой, в котором епископ имеет свое место во время служб. На двух сторонах - небольшие апсиды, аналогичные по конструкции.

В полушарии, которое венчает центральную апсиду, помещается мозаика с золотым и серебряным фоном, показывая Матерь Спасителя, укладывающую ребенка, который только что родился, на груди. Много благочестивых людей показано по обе стороны от сцены. Справа - человек, правитель во всех отношениях, кто достоин быть причисленным к святым и нести имя начальника дьяконов, которые служили Богу, прежде всего потому, с епископом, чтобы разделить его труды; он предоставил городу эту святыню, зная, что подаренное здание принесет городу достоинство, в то время как здание церкви приносит ему не только красоту, но благочестие. Мы видим его любезно просящим покровителя церкви, преподобного Сергия, принять дар, и с нежным взглядом святой принимает предложение, и, положив руку на плечо губернатора, он собирается установить его рядом с Богородицей и ее сыном Спасителем.

В двух небольших апсидах по бокам мы видим мозаики, показывающие деревья и виноградники, на которых можно почти почувствовать, как ветер дует

сквозь ветви. Художник также показал кувшин холодной воды, соответствующий прохладе внутри церкви. Кроме этого, он показал стаю птиц и куропаток.

На следующих парусах центрального купола подобные украшения создают мозаики, показывающие груши, гранаты и яблони с яркими плодами. На изображениях они цветут в любое время года и не нуждаются в воде. Орлы с распростертыми крыльями садятся на деревья или летают в воздухе.

Когда глаз поднимается к крыше церкви, он видит, как центральные колонны поддерживают площадь, которая, в свою очередь, несет восьмиугольник над ним, и на этот сам по себе полусферический купол опирается. Здесь украшения все в золоте, орлы устанавливаются на золотом фоне, и золотые цветы около арок, смешанные в некоторых местах с синим, каждый цвет отделяется от другого».

Через риторическое описание Хорикия (здесь оно сокращено и частично перефразировано) можно почувствовать очень явственно тишину, легкость и прохладную воздушность, и ощущение простора, которые были так характерны для греческих церквей. Повсеместно во всем здании стоял нежный аромат фимиама, который стал частью тихого и спокойного интерьера.

Мозаики, наряду с самой церковью, давно погибли, но мы можем получить некоторое представление об их стиле и красоте из сохранившихся мозаик в «Куполе Скалы» - мечети Омара в Иерусалиме, которые были сделаны около века позже, чем в Газе.

Хорикий далее описывает алтарь, «священный стол», который был сделан из чистого серебра, с серебряными ножками. Став совершенно отполированным за долгие времена, этот алтарь добавил свой особый цвет в богатом фоне мрамора, мозаики и позолоты. «Богатство, - пишет Хорикий, - которое проистекает от поклонения святым, становится все более широким текущим потоком для того, кто им обладает».

Стены, арки, и купол - были все украшены мозаиками, которые служили не только для украшения церкви, но и учили истории Ветхого и Нового Заветов собрание верующих, многие из которых либо были неграмотными или, если бы они могли читать вообще, читали лишь медленно и, очень вероятно, не владели Библией.

Церковь содержала столько изображений, что Хорикий чувствовал, что не сможет описать все их в его прославлении епископа. Поэтому он опустил те, что расположены на нижних стенах, и продолжил вести глаз зрителя на крышу. Драматические описания Хорикия делают мозаики снова живыми в мысленном взоре.

Здесь Хорикий начинает с хорошо известных и любимых сцен Благовещения, созданных в церковном убранстве, как традиционное открытие цикла картин жизни Христа.

«Вот крылатый ангел [пишет Хорикий] сходит с небес, в воображении художника. Он подходит к Богородице, еще не матери, и находит ее занимающейся прядением, такое занятие подходит для ее достоинства. Он приветствует

ее с доброй вестью. Труженица, пораженная странным взглядом, быстро оборачивается, и в страхе чуть не выронила пурпур из рук. Ее невинность наполняет ее тревогой, и она порывается усомниться в приветствии ангела».

«В следующей картине [продолжает Хорикий] мы видим осла, корову, ясли, ребенка и спящую деву, ее левая рука под локтем, и ее щеки опираются на ее правую руку. Она родила ребенка, без необходимого союза с мужчиной. Ее лицо не показывает бледности, как у только что родившей в первый раз, будучи избранной для чудесного материнства, она была избавлена от природной боли».

Рядом описаны пастухи в поле.

«Крик с небес побудил их покинуть своих овец, которые пасутся в поле и о весне. Они оставили собаку охранять стадо, и они стоят, глядя на небо, каждый в свободной позе. Большинство из них отложили в сторону свои посохи, но один человек поддерживает свою левую руку на сгибе, ударяя правой рукой, в знак удивления. Ангел пришел, чтобы встретить их и показать им направление, в котором ребенок должен быть найден. Животные, глупые существа, не обращают внимания на вид, но прячут свои носы в траве или пьют из родника. Но собака, не приветствуя незнакомцев, смотрит пристально на непривычное зрелище. Звезда, которая ведет к пастухам, слабо отражается весной, волнуются воды, возбуждая овец».

Следующая сцена показывает старого священника Симеона, радующегося тому, как мать приносит ребенка в храм. Далее зритель будет созерцать брачный пир в Кане. Спаситель показан превращающим воду в вино. Один из слуг берет кувшин воды и наполняет сосуды для хранения, а другой заполняет чаши и идет вокруг, чтобы гостям, в свою очередь, разлить, начиная с собственного места. Вино, кажется, очень тонкого аромата, как можно видеть по горящим щекам человека, который только что выпил немного его. «Все это [заключает Хорикий] является примером любви Спасителя к человечеству».

Другие чудеса показаны в свою очередь - исцеление свекрови Петра, исцеление человека с иссохшей рукой, спасение слуги центуриона. Воскрешение сына вдовы из Наина описывается довольно подробно.

«Молодого человека в настоящее время несут в гробницу, и плачущие женщины сопровождают его. Собравшиеся вместе, они частично скрывают друг друга, но, когда вы смотрите на них, вы чувствуете, что, если бы они были отделены друг от друга, то каждый из них был бы показан во весь рост. Возможно, прежде чем случилось чудо, они стояли отдельно, но, когда Спаситель возвратил мальчика к жизни, они побежали смотреть, и собрались».

Следующая сцена показывает женщину, которая была грешницей, помазывающая стопы Господа. Хорикий говорит о ее мягких одеждах и золотых украшениях.

Другие сцены изображают Иисуса, идущего по воде и спасающего Петра, исцеление бесноватого, женщину с кровотечением и воскрешение Лазаря («женщина не страдает, ее радость спокойна, ибо женщины имеют обыкновение кричать очень легко в присутствии неожиданного»).

Наконец художник написал Страсти и прославление Христа, заканчивая Вознесением. Таким образом, Хорикий заключает, были исполнены предсказания пророков, которые (согласно традиционной иконографии) изображены рядом с куполом.

Еще одна церковь, сохранившаяся для нас под пером Хорикия - базилика св. Стефана, которая располагалась за пределами города. Это была трехнефная базилика, с галереями над боковыми проходами. Хорикий, как мы видим, выбрал для описания два различных типа церквей. Храм св. Сергия стоял на краю рыночной площади, одного из самых оживленных мест в переполненном жизнью городе. В церкви св. Стефана Хорикий показывает нам еще один характерный тип греческой церкви, построенной на открытой местности, за пределами городских стен, стоявшей в своем собственном тихом огороженном месте, в окружении деревьев и садов. Такое место было посвящено миру и созерцанию.

Чтобы добраться до церкви, Хорикий проводит своего читателя до восточных ворот города, открывая путь на Беэр-Шебу и на Восток. Город строился на возвышении, поэтому дорога спускалась вниз после выхода за ворота. Церковь явно оставалась в поле зрения на расстоянии, и прогулка оказывалась более приятной под крытой каменной колоннадой, которая была построена по дороге из города к церкви, обеспечивая защиту от палящего солнца летом и от дождя зимой.

Подходя ближе к церкви, посетитель мог рассмотреть ее на досуге, так как она была построена на возвышении. Со стороны дороги монументальные ворота с церковью поражали посетителя полетом мраморных ступеней, ведущих к красивым колоннам крыльца и квадратному атриуму, образованному четырьмя богато украшенными портиками. Здесь посетитель мог сделать паузу, чтобы насладиться бризом, который делал тенистые портики местом отдыха.

Церковь была построена из плотных квадров и не имела много орнамента на внешних стенах, только розу на восточной стороне атриума; вход находился в окружении двух башен, напоминающих сторожевые. Колонны атриума были замечательны, происходили из одного и того же карьера, и все были блестящего белого цвета. С одной стороны церкви колонны были в два раза выше тех, что с других трех сторон – они добавляли достоинства ко входу в здание. В летнее время портики атриума служили в основном для освежения посетителей, но в зимнее время, на одном из ежегодных праздников св. Стефана, который отмечается 26 декабря, они служили для приведения верующих в церковь в сухой обуви, если случалось, что падал дождь. Другой ежегодный праздник в честь мученика приходился на 2 августа.

Портик с правой стороны вел к жилищу священников и других служителей, связанных с церковью. С противоположной стороны портик открывался в сад, предназначенный для общественной приемной епископа, это место делалось приятным благодаря дуновению ветра, виноградникам и цветам, которые были там посажены, а также фонтану чистой воды, который сохранял сад прохладным и свежим. Здесь, как пишет Хорикий, епископ, говоря «голосом слаще

Нестора», стоял с чистым сердцем и улыбкой на лице, приветствуя тех, кто пришел к нему.

Восточная колоннада, со стороны, обращенной к церкви, была вымощена мозаикой, такой популярной в это время, показывающей существа и продукты, произведенные на море и на суше. Фрукты, зерновые, овощи, птицы, рыбы, моллюски и ракообразные - все изображались в декоративных узорах, которые иллюстрировали щедроты, данные человеку Богом. Мозаичисты, с их непревзойденным мастерством, смогли изобразить каждое растение, каждую птицу и каждую рыбу с наиболее точной детализацией и обеспечением максимально жизненной реалистичной атмосферы. В таком городе, как Газа, морепродукты служили одним из главных элементов в рационе питания, и зритель будет ценить мастерство и восхищаться художниками, изображавшими существа, которые следовали морскими путями.

Войдя в церковь, посетитель сразу замечал союз гармонии и вкуса, которые задавались планом здания и его строительством. Пропорции нефа и боковых проходов и их гармония с высотой крыши делали размер всего интерьера совершенным. Эта элегантность дизайна сочеталась с великолепием мраморных облицовок, многочисленными цветами, которые, как мог видеть наметанный глаз, происходили из всех известных регионов добычи мрамора. Они предоставляли цвет и богатство всему зданию.

Все через описание Хорикия мы можем чувствовать легкость и воздушность церкви. Боковые проходы были двухэтажными, верхний этаж, с обеих сторон, был зарезервирован для женщин, которым, по обычаю, не разрешалось общаться с людьми во время службы. Окна вдоль проходов пропускали солнечный свет и бризы в церковь в щедром количестве.

Стены боковых проходов были украшены сценами Нила, любимой темой для украшений обеих церквей и частных домов. Эта тема уже возникла в реалистической школе эллинистической живописи, и она оставалась любимой художниками и в дальнейшем, несмотря на разнообразие сцен и трактовок, которые предлагались предметом. В церкви в Газе, пишет Хорикий, сама река не была показана, но на ее присутствие было указано с помощью ее символических атрибутов и сценами лугов вдоль ее берегов, наполненных всеми различными птицами, которые были приучены жить на лугах и купаться в потоке. Здесь еще раз мозаичные художники могли найти полный простор для своего мастерства в изображении природы.

В восточной части, перед святилищем, стояли четыре порфировые колонны богатого пурпурного оттенка, который был зарезервирован для императорских одежд. Святилище было окаймлено полукруглой апсидой, над которой вырос купол. В куполе была помещена мозаика, показывающая донатора церкви, справа, имеющего в руках модель здания, с Иоанном Предтечей слева.

Хорикий использует все свое мастерство в описании мраморных изделий в апсиде:

«Нижняя часть стены блестит мрамором всех видов. Среди них один конкретный камень, нарезанный во многих формах, окружает окно, широкое и высокое в пропорции, которое находится в середине нижней части стены. Только из этого камня делается облицовка по обе стороны вдоль краев окна, которое она полностью окружает, и украшающая две стены по обе стороны; она не остановится, пока не поднимется с обеих сторон и достигает пояска, опираясь на стекла, которые сами по себе из того же камня. Таким образом, полосы мрамора скрывают стену в хорошо пригнанном положении, и так хорошо оснащены, что вы бы предположили, что они сработаны самой природой, и они так пестры в своих естественных цветах, что они не уступают человеческой живописи. В самом деле, если ученики живописцев, чья задача заключается в выборе и копировании естественных вещей в их существовании, нуждаются в материале для колонн, который нужно воспроизвести, или в прекрасных камнях, то я видел много таких чудесно окрашенных вещей - они найдут здесь много прекрасных образцов».

Литературной кульминацией текста Хорикия является описание деревянного купола, который он дает в терминах усеченного конуса. Роза в восточной части церкви, над апсидой, выполнена в стиле церкви Рождества в Вифлееме. Здесь Хорикий использует все свое литературное мастерство, а также свое знание геометрии, для создания силового круга, что должно было принести большое восхищение его аудитории:

«На одном из поясов апсиды – одной из высших, я имею в виду, - лежит новая форма. Геометрическая терминология, как я понимаю, называет это полуконусом, происхождение термина объясняется следующим образом: вы, возможно, видели в вашей стране сосновое дерево, и если оно было первоначально девушкой - как рассказывают эту историю, то Борей, пораженный любовной ревностью, собирался убить ее, когда Земля, глубоко жалея ее положение, создала дерево с таким же именем, как у девушки. Я не верю людям, которые говорят это, и не хочу привязывать сюда этот миф, но использую его только, чтобы сказать, что сосна несет плод, который называется конусом. Таково происхождение термина применительно к форме. Точно так же я могу дать вам описание графического изображения. Но если вы хотите услышать полное описание, то это выглядит так. Плотник, вырезающий круги, или каркас в рамках, пять в ряд, из материала своего ремесла, дерева, разрезает каждый из них в равной степени на две части, и присоединяет девять из этих срезов [или секторов кругов] друг с другом своими концами, а также присоединяет к ним на их серединах, [то есть, место, где они были сокращены в равной степени в двух] в поясе, который, как я только сейчас сказал, был самым высоким ярусом в церкви, устанавливает на них панели из дерева, которые он прикрепляет к сосновым конусам нужной формы, в количестве, равном ребрам, которые начинаются в широкой части снизу и постепенно сужаются и поднимаются к крайней точке, таким образом, чтобы соответствовать вогнутости к стене, и сближает все сегменты в один, и сгибая их аккуратно в постепенной кривой, он производит са-

мое приятное зрелище. Но в то время я сократил пять кругов пополам и описал функцию только девяти секторов, и я понимаю, что вы, вероятно, ищете оставшуюся часть круга. Эта часть - то самое, что делится поровну на две четверти разделов, и одна его часть размещается на одной стороне девяти [т.е. купола], а другая часть с другой стороны апсидального свода. Материал же, дерево, формируется с обеих сторон, каждый выдолбленный спереди фрагмент вносит свой вклад в красоту образа, который изображен там, в середине, о Владыке всего сущего. И золото, и цвета делают всю работу блестящей».

Здесь Хорикий настолько верен своей геометрической трактовке, что не описывает подробно мозаику Христа Пантократора как «Правителя всех вещей», которая заполняет купол и формирует фокус и кульминационный момент оформления церкви. Этот образ, как центр художественного оформления каждой греческой церкви, показывает Христа с взглядом, падающим на молящихся внизу. Глаза, казалось, отвечают глазам всех, кто посмотрел на изображение. Было, действительно, невозможно избежать этого взгляда. Рисунок был разработан таким образом, что он казался огромным по размеру, заполняя весь купол. Зритель вспоминал слова псалмопевца:

«Господь во святом храме;
сидение Господа на небесах.
Его глаза рассматривают бедных,
и его веки судят сынов человеческих».

***

«Вот, око Господне над боящимися Его,
и на тех, что уповают на милость Его».

Как для молящихся во время службы, так и для одиночных посетителей, Христос всегда присутствует как реальность, следя за людьми, и каждый, кто видел величественный образ в куполе, помнил, что он живет в очах Господних. Так было и в каждой церкви греческого мира.

Покидая Газу из уединенной церкви рядом с пыльной дорогой, в окружении высоких, темных кипарисов, посетитель, похоже, попадал на экскурсию в мир иной, который представляла церковь. Для Хорикия и его друзей визит к пустой, тихой церкви приносил отдых и красоту, созерцание и освежение. В такое время церковные дела могли быть оставлены позади, и посетитель знать, что это был невидимый мир, который был реальным.

IX. Распорядители тайн

Господи, возлюбил я обитель дома Твоего, и место жилища славы Твоей.
Псалом XXVI.

Для христиан здание церкви было центром поклонения, видимым жилищем Бога и местом сбора христианской общины для службы, молитвы и благочестия. Церковь была необходима для жизни христианской общины, и христианин думал, что он понимал, что церковь предназначена для его личной религиозной жизни.

Но разве христианин Газы в первые годы VI века действительно понимал все, что церкви в городе означали для него? К этому времени не было языческих храмов, которые оставались бы в городе, и никаких языческих обрядов и богослужений. Можно ли было понять все, что христианство означало, если не оценить то, что христианство заменило собой?

Там было, во-первых, много видов языческих культов и мистических религий, и много разновидностей философий, которые для некоторых язычников служили вместо религии. К олимпийским богам и богиням Гомера и ранних греков там были добавлены восточные божества, которые иногда соответствовали греческим богам и были отождествлены с ними или сохранили свои родные имена и культы. Митра, Астарта, Исида, Баал, Марна могли, особенно в Палестине, жить бок о бок с Зевсом, Афродитой, Аполлоном, Посейдоном и другими божествами классической Греции. В языческом городе, до дней утверждения христианства, поклоняющийся мог идти от храма к храму, чтобы искать удовлетворения своих религиозных устремлений в надежде получить что-то от того или иного бога, в обмен на то, чтобы что-то сделать или предложить богу. Также поклоняющийся мог просто выполнить церемониальный долг в виде формального поклонения, мудро полагая, что всё это нужно сохранять. Молитва, сжигание благовоний, жертва предложениями еды, посвящение обета жертвы, шествия, фестивали, мистические посвящения, ритуальный сон в храмах, в некоторых случаях - ритуал храмовой проституции – языческие культы и языческие философии предлагали много вещей для многих людей. Человек мог отказаться от одного культа и предаться другому, или отказаться от одной философской системы ради другой, как он хотел. Он мог получить то, что мог, от своей религии. Сторонний наблюдатель заметил бы, что никакому из этих культов или философских систем когда-либо не удавалось навязать себя большинству людей или вытеснить другие культы и системы.

Здесь, конечно, лежал один из секретов торжества христианства. Христианство предложило то, что языческие культы не могли, и, как правило, люди признали это, когда они пришли к пониманию христианства должным образом. Языческие культы строились на другой основе; и, как и сами культы, храмы не обладали тем же религиозным значением. Эллинистические цари и римские императоры пытались, с помощью национального культа обожествленного правителя, создать единый религиозный фокус для своих подданных, но в лучшем случае это могла быть только внешняя церемония. Храм обожествленного императора и храм богини Ромы могли занять почетное место среди других святынь, но вряд ли можно было ожидать, чтобы они ответили на все религиозные потребности людей. Тем не менее, это было хорошо для обеспечения упорядо-

ченного соблюдения общественных обрядов. Платон выразил чувства интеллектуалов и государственных деятелей, когда в одном из пассажей в «Государстве» он описал традиционные культы с точки зрения «основания храмов и жертвоприношений и других культов богов, полубогов и героев; а затем погребения умерших и обряды, которые необходимо было выполнить для тех, кто уходил в другой мир, чтобы обеспечить их благосклонность».

Все такие культы неизбежно были подвержены злоупотреблениям. Жрецы были иногда продажными и аморальными. Были храмы, оборудованные секретными механизмами для выполнения «чудес» во время обрядов. Среди простых крестьян существовали грубейшие суеверия и весенние обряды, предназначенные для обеспечения плодородия сельскохозяйственных культур и скота, становившиеся радостным событием и поводом для сексуальных «обрядов» среди сельских жителей.

Но, как писал Платон, человек является наиболее богобоязненным из всех живых существ, и это был другой конец шкалы: среди религиозных душ было много пришедших к убеждению о существовании и деятельности какой-либо одной божественной силы, которая правила вселенной. Эта вера была выражена по-разному, каждый человек должен был прийти к ней сам. Можно было бы назвать ее властью Разума, или Божественным, или «Богом», или другим именем, которое представляется целесообразным. Одним из самых известных проявлений такой веры был Гимн Зевсу Клеанфа, философа III в. до н.э.:

Ты, из бессмертных славнейший, всесильный и многоименный,
Зевс, произведший природу и правящий всем по закону!
Зевсу привет мой! Тебя всем смертным хвалить подобает,
Мы — порожденье твое, и все твой образ мы носим,
Смертные все, что живем на земле и ее попираем.
Вот почему твою мощь восхваляю и петь буду вечно.
Все мироздание это, что землю обходит кругами,
Движется волей твоей, тебе повинуясь охотно.
Держишь в своих ты руках, никогда пораженья не знавших,
Молнии блеск огневой, ослепительный, вечноживущий,
Молнии той, чей удар в смятенье ввергает природу;
Этим огнем направляешь по миру ты разум всеобщий,
Всюду проносится он, меж светил великих и малых.
Ты повелитель всего, над всем величайший владыка.
Нет ничего на земле, что помимо тебя бы возникло,
Нет ни в эфире небесном, ни в моря глубокой пучине,
Кроме того, что безумцы в своем безрассудстве свершают.
Ты же умеешь, однако, соделать нечетное четным,
Дать безобразному вид, у тебя и немилое мило.
Ты согласуешь в единстве дурное совместно с хорошим,
Так что рождается разум, всеобщий и вечноживущий,

Разум, чья сила страшна одним лишь дурным среди смертных;
В зависти злобной они стремятся к владениям добрых,
Общий священный закон не видят, ему не внимают;
Если б ему покорились, то жили бы честно, разумно.
Ныне ж пылают одни необузданной жаждою славы;
Эти стремятся лукаво к наживе бесчестной, иные
Преданы только распутству и, тело свое ублажая,
Ищут одних наслаждений, взамен же страданье находят.
Ты же, о Зевс, всех даров властелин, темнокудрый, громовый,
Дай человеку свободу от власти прискорбной незнанья;
Ты изгони из души неразумье и путь укажи нам
К мудрости вечной, с которой ты правишь над всем справедливо,
Честь от тебя восприяв, и тебе будем честь воздавать мы,
Вечно твои воспевая деянья, как смертному должно.
Нет награжденья прекрасней для смертных и нет для бессмертных,
Кроме как общий закон восхвалять и чтить справедливость.

В терминах греческого религиозного опыта и греческих привычек визуализации и выражения, это благородное понятие природы Зевса нашло свое видимое воплощение в храме и культовой статуе – храм был действительно, в первую очередь, местом для культовой статуи. Классическим достижением в визуализации образа Зевса была колоссальная хризоэлефантинная статуя знаменитого скульптора Фидия в храме Зевса в Олимпии. Павсаний-путешественник описал впечатление, производимое им на зрителя:

«Бог сидит на троне; его фигура сделана из золота и слоновой кости; на его голове венок как будто бы из ветки маслины. В правой руке он держит Нику (Победу), тоже сделанную из золота и слоновой кости; у нее повязка и венок на голове. В левой руке бога скипетр, изящно расцвеченный различными металлами, а птица, сидящая на скипетре, - это орел. Из золота же у бога его обувь и плащ; на этом плаще изображены животные, а из цветов - полевые лилии. Трон украшен золотом, драгоценными камнями, эбеновым (черным) деревом и слоновой костью… Я знаю цифры измерения статуи Зевса в Олимпии и в вышину, и в ширину; но восхвалять измерявших я не буду, так как указанные у них размеры совершенно не соответствуют тому впечатлению, которое статуя эта производит на зрителя»[6].

Фигура бога была действительно велика - 40 футов - и была установлена на высокой базе в 12 футов, так, что голова статуи почти касалась крыши храма. Зритель, увидев ее, был охвачен чувством, что никакое земное жилище не могло быть заполнено такой сакральностью.

Гимн Клеанфа и статуя Фидия показывают, чт**о** бог и его храм могли означать для религиозно-настроенных греков. Но языческий поклонник никогда

---

[6] Paus. VI, XI, 1-4.

не мог забыть, что вокруг фигуры Зевса - как вокруг всех других богов - группировалась известная коллекция легенд о частной жизни отца богов и его семьи. Эти эпизоды были подробно изложены в весьма очеловеченном плане, включая примеры слабости величественного божества из-за женских чар и его замечательной изобретательности в превращении себя в новые обличья, которые позволили ему посещать земных женщин и заставать их врасплох. Св. Августин в «Граде Божьем» процитировал известное высказывание уважаемого римского государственного деятеля Кв. Муция Сцеволы о том, что было три класса божеств: одни переданы нам поэтами, другие привнесены философами, третьи оформлены государственными деятелями.

Таким образом, хотя языческий храм был символом, местом обитания бога и результатом человеческих усилий, чтобы реализовать, в монументальной форме, величие и силу бога, языческий храм ныне остается практически лишь памятником и символом. Его подлинный смысл может быть понят только в ходе поклонения богам, происходившего в нем, и это поклонение могло происходить на всех уровнях, от приветствия Клеанфа верховному божеству до оргиастических акций восточных культов. Храм, как храм, никогда не может быть больше, чем местом поклонения, ритуала; и оба они – и храм, и богослужение, были сотворены человеком. Как религиозные проявления, они могли зайти так далеко, как человек, в его независимой, невооруженной религиозной мысли, мог бы пойти, но они не могли идти дальше. Люди могли проявлять свои лучшие таланты в строительстве храмов, резьбе статуй и написании музыки и песнопений, но все это было лишь придумано человеком и только в контексте представлений о том, как человек мыслил себе богов.

Церковное здание, считающееся просто религиозной святыней, существовало на иной основе. Это было, как храм, место поклонения, обитель божества, место сбора верующих. Языческий храм и церковь, каждый по-своему, служили центрами религиозной жизни. Но между ними существовала огромная разница. В церкви имел место другой вид божества, открывавшийся людям в различных видах, и которому поклонялись люди, стоявшие в другом отношении к божеству. Много раз язычники представляли свое поклонение так, что божество как бы дает им что-то взамен - взаимную выгоду. Христианское богослужение осуществлялось совместно Богом и Его народом и происходило на условиях, которые никогда не соблюдались в язычестве, даже в его высших формах.

Это было потому, что церковь представляла веру, продолжавшуюся из поколения в поколение и, вновь в каждом поколении, веру в существование любящего Бога, Творца всего видимого и невидимого, который воплотился на земле, и пришел к людям как Спаситель и Искупитель. Ничего из того, что могло предложить язычество, не могло сравниться с воплощением и спасением через искупительную жизнь Христа. Ничто в язычестве не могло соответствовать Ветхому и Новому Заветам. Действительно, языческая религия не была религией книги, какими были иудаизм и христианство. Зевс Олимпийский мог быть, по известной фразе Гомера, «отцом богов и людей», но даже великий Зевс не при-

шел к людям через самораскрытие Бога, который был создателем всего человечества. Зевс не был создателем богов или людей, и олимпийская иерархия появилась на свет после первоначального акта творения. Зевс был pater familias («отец семейства») непокорной семьи, которую он не всегда мог держать под контролем. Он был далек от того, чтобы быть любящим отцом, к которому его дети могли иметь непосредственный доступ в молитве.

Здесь лежали «секрет», «тайна», воплощенные в храмах Газы. Если христианский путь жил и возрастал в течение пятисот лет христианской истории, то это означало, что каждое новое поколение чувствовало свое обращение, буквально «преображение» по отношению к Богу. И так каждое поколение находило Его в церквях - используя старые или построенные вновь - продолжая жизнь традиции, которая была изложена в Писании и в апостольской преемственности священства.

Церковь стояла и как дом Божий, и как материальное воплощение традиции и веры. В своей традиционной схеме изобразительного украшения она сохранилась в визуальной форме как память о Спасителе и о множестве свидетелей. Но это не был памятник, отделенный от своего народа; это не был просто архитектурный шедевр. Церковь и люди шли вместе двумя способами, и каждый был отдельным и уникальным.

Во-первых, люди, которые поклонялись Богу в церкви, учили, что они сами могут позволить себе «быть построены, как живые камни, в духовном храме», храме, в котором Сам Христос был краеугольным камнем. Христос был единственным истинным фундаментом, на котором христианин мог построить что-либо. Церковь была символом сплоченности, единства и силы народа Христова. Отдельный христианин был на самом деле храмом живого Бога и Святого Духа, для которого церковь может служить образцом своего статуса.

Но есть другой способ, хорошо соотносящий верующего и здание в уникальной ассоциации. Это было традиционное поклонение Вселенской Церкви, которое пришло, чтобы найти свое высокое и самое значительное выражение в Евхаристии или Причащении, известном в греко-говорящих землях, как Божественная Литургия.

Начатая по воле Христа, как память о Тайной Вечере («Сие творите в Мое воспоминание»), Литургия стала, неизбежно, службой, в которой Христос и Его верные встретились; Христос принес Себя в жертву, а верующие обменивались в этом приношении жертвой, тем самым, реализуя свою истинную природу.

С самого начала, в качестве преосуществления Тайной Вечери, Литургия была разработана на основе роста христианского опыта и углубления понимания его духовного смысла. К началу VI века она достигла существующих форм, которые она потом пронесла на протяжении всей истории греческого христианского Востока через всю византийскую эпоху. В этой форме Литургия была не просто репетицией Тайной Вечери и повторением акта общения, но благоговейным обзором рождения, жизни и трудов Христа, Его смерти и Воскресения. Все эти вещи давали смысл акту общения, и его повторению и призыву в этой (реаль-

ной) жизни, так что поклоняющиеся пришли к пониманию акта общения и его значения для себя.

Более того, поклоняющийся также мог понять собственное значение для Бога и для сообщества своих товарищей. Общение не было единичным актом, в результате действий какой-то одиночной личности. Это было действие одновременно как частных лиц, так и корпоративных, в котором молящиеся, получая хлеб и вино как Тело и Кровь Спасителя, соединялись с Ним и друг с другом в мистическом Теле Христовом, которое было благословлено сообществом всех верующих людей. Здесь соединившиеся с Ним, оглядевшись, стоя в толпе, увидели бы еще одно проявление универсального характера литургии.

Служба была единой для богатых и бедных, для тех, кто были сильны в этом мире, и для смиренных. К Евхаристии приходили все в Газе, от самого богатого человека в городе до прачки, от имперского губернатора до оптового поставщика фруктов, от уважаемых профессоров Хорикия и Прокопия до неграмотных рыбаков. Всё это, как они стояли вместе в церкви - мужчины и женщины отдельно, дети и старики, епископ, священники, диаконы, прислужники, певцы, привратники - все они были детьми Божьими, имевшими доступ к тем же Телу и Крови.

Поклоняющиеся знали, что богатство здания, с его евхаристическими сосудами, драгоценными металлами, и епископами со священниками в сложных и дорогих одеяниях, казалось, не соответствуют известной бедности многих прихожан. Это был царский дом, в который пришел Царь Славы. Вдовы, которые могли бы пожертвовать лишь малую монетку, не должны завидовать или быть недовольными, потому что они знали, что Бог был как можно ближе к ним, как будто Он богат, если иногда не еще ближе. Богатые семьи города, которые давали много денег для этих церквей и их украшения, очень хорошо знали о бедных и знали, что бедные не возмущаются деньгами, которые выделяются на строительство церквей вместо них. Этого следовало ожидать от богатых; и перед сияющим серебром алтарем церкви св. Сергия в Газе - и перед каждым алтарем по всей империи - все были равны.

Пока их взгляд блуждал с их товарищей на стены, арки, и купола, поклоняющиеся помнили, как в немых картинах, что их союз был не только со своими современниками, их соседями, которых они могли видеть. Литургия в своих словах и учении, смотрела и вперед, и назад одновременно - назад к действию Бога в истории, к земному служению Христа, а в свидетельствах церкви в своей истории – к ожиданию роста и совершенствования Тела Христова. Таким образом, участвующие в общении принимали участие в тайне и получали Тело и Кровь, которые были предложены им, и чувствовали себя один на один со всем множеством свидетелей, и тех, кто ушел до них, и те, кто придет после них. Литургия служила тому, чтобы объединить два мира - видимый нынешний мир и невидимый мир, который был истинным.

Как обрамление для этого союза и этой реализации, здание церкви стояло, как уникальная и незаменимая физическая структура. Церковь была не только

красивой архитектурной композицией или местом, которое нужно было посетить в святые дни. Это было место, в котором христианин мог осознавать свою истинную сущность, чтобы получить силу, с которой он мог выйти на свои труды в мире. В материальном мире можно было жить в доме Господнем навечно.

Был еще один способ, которым христиане знакомились с традицией классических культов, так как церковь отличалась от храма. Это было одно из самых важных дополнений к поклонению. Ни одна церковь не содержала ничего похожего на культовую статую, например, как Фидиев Зевс. Плоские изображения в церкви не заполняли внутреннее пространство и не доминировали в нем, как делала культовая статуя. Каждая церковь содержала поразительную картину Сына в Его человеческом облике, кроме Отца, которого никогда не представляли визуально. Никто не видел Бога, но тот, кто видел Христа, видел и Отца. Св. Павел, обращаясь к народу Афин, который привык к поклонению в храмах, с их статуями, заявил очень просто, этот аспект разницы между храмом и церковью:

«Бог, который создал мир и все в нем, и кто, будучи Господом неба и земли, не живет в храмах, сделанных людьми. Это не потому, что ему не хватает всего, что он принимает от служения из человеческих рук, ибо он сам универсальный даритель жизни, и дыхания, и всего остального. Он создал каждую расу людей из одной массы, которая населяет всю земную поверхность. Он установил эпохи своей истории и пределы их территории. Они искали Бога, и, может быть, смогли осязать и найти его; хотя на самом деле он находится недалеко от каждого из нас, так как в нем мы живем и движемся, в нем мы существуем; как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: «мы Его и род» [Здесь Павел процитировал слова, в которых классические поэты Клеанф и Арат охарактеризовали Зевса; фраза, весьма вероятно, стала пресловутой]. Как потомство Бога, мы не должны думать, что Божество подобно изображению в золоте или серебре, или камне, формах человеческого мастерства и красоты».

Христианский Бог был всем, чем был Зевс, но и бесконечно более; и храмы Божии были бесконечно больше, чем храмы Зевса.

Текст и символизм предназначали Евхаристию быть всеобщим признанием и провозглашением Бога, которого проповедовал св. Павел. В этом ритуале здание и литургия были тесно связаны.

Для наблюдателя христианский ритуал мог казаться имеющим много общего с древними языческими церемониями. Шествия духовенства и прислужников, несущих приношения, зажженные свечи при дневном свете, ладан, сжигаемый в переносных кадильницах, переносимых священниками, музыка высококвалифицированных хоров – всё это имело свои аналоги в языческом культе, где публичное действо играло важную роль. Действительно, христианское богослужение было в некоторых отношениях даже более сложным, чем языческие торжества. Божественная литургия, в полностью развитой форме, требовала более двух часов, а иногда длилась и три, по случаю более чем одной проповеди.

Но это высокое развитие обряда не было показной роскошью, как это могло внешне показаться. Великолепная литургия не была предназначена слу-

жить в качестве шоу или публичного спектакля. Богатство обряда, попросту говоря, считалось целесообразным – было действительно необходимо – так как - что может быть более торжественным и величественным, чем поклонение создателю всех вещей и всех людей? Акт общения был самым удивительным моментом в жизни христианина, а фон должен быть пригоден для присутствия Бога в сопровождении ангелов своих, как слова Херувимской песни.

Длинный, статный текст литургии, разработанный в течение жизни многих поколений христиан, стремившихся воплотить свою веру и поклонение в приемлемой форме, переплетаются во всем с текстами Священного Писания. Соответствующие псалмы пелись в нескольких местах службы, и каждый день был пригоден для чтения из Евангелий и Посланий. На протяжении службы звучали гимны, молитвы, и ектении, с декламации Символа веры. Некоторые молитвы из уст священника были краткими, с ответами диакона и хора; другие были более разработанными. Весь текст литургии был на самом деле суммой всех разнообразных аспектов молитвенной практики покаяния, заступничества, благодарения, обожания. Потребности всей общины верных, как духовные, так и мирские, запоминались. От заключенных и путешественников до императорской семьи, все христиане поминались и имелись в виду, в том числе, те, кто покинул этот мир. Это видение христианской общины подводило итоги в одной из заключительных молитв литургии:

«О, Господи, ты благословляешь тех, кто благословляют тебя, и освящаешь тех, кто уповает на Тебя, спаси народ Твой, и благослови наследие Твое; защити все тело Церкви Твоей, и освяти любящих красоту дома Твоего. Ты наделил их своей Божественной силой, и не отвергни нас, кто поставил нашу надежду на Тебя. Податель мира в мир твой, церкви твои, священникам, нашим правителям, войску и всему народу Твоему. Для всякого благого дара и всякий дар совершенный нисходит свыше, и сходит с Тобою, Отцом света; и к Тебе славу воссылаем, и благодарность, и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков».

Молитвы были не только связаны с сообществом, они содержали в себе средство для созерцания природы Бога. Многие поколения христиан медитировали о тайне божественной природы, и это было частью цели литургии - держать перед умами верующих многообразные аспекты этой тайны. Незадолго до причащения верующих молитва читается священником, излагающим то, что человек пришел, чтобы понять природу Бога и Его суверенное правило:

«Достойно и праведно славить Тебя, чтобы прославлять Тебя, чтобы благословить Тебя, чтобы славить Тебя, поклоняться тебе, во всех местах твоего владычества, ибо ты, Боже, невыразимый, непонятный, невидимый, немыслимый, существующий всегда, как Ты существуешь, Ты и Твой Единородный Сын, и твой Святой Дух. Ты вывел нас из небытия в бытие, и когда мы отпали, смог поднять нас снова, и ты не прекратишься, доколе не сделаешь все, чтобы привести нас на небеса, и возлагаешь на нас прибытие царства Твоего. За все это мы благодарим Тебя и твоего единородного Сына и Духа Твоего Святаго, за все

вещи, которые мы знаем и не знаем, для зримого и незримого преимущества, которым мы наслаждаемся. Мы оказываем, благодаря Тебе, также те услуги, которые Ты соизволишь получить из наших рук, хотя ты некогда, в окружении тысяч архангелов и десятков тысяч ангелов, Херувимов и Серафимов, шестикрылых, исполненных очей и парящих в воздухе на своих крыльях...»

Именно с этими мыслями люди приходили к общению с Ним. Здесь священник молился Христу, чтобы даровать Его Тело и Кровь:

«Послушай, О Господи Иисусе Христе Боже наш, и от лица Твоего святое жилище и от престола славы Твоего Царства прииди и освяти нас, Ты, кто сидишь выше у Отца, и красота здесь незримо присутствует с нами, и Ты соизволил Своим могуществом силы, дать нам Твое священное Тело и Твою драгоценную Кровь, и через нас для всех людей.»

После того, как священник и диакон вкусили хлеба и вина, священник воспроизводил историю Тайной Вечери, и, как он управлял освященными элементами народа, он повторял слова Христа:

«Приимите, ядите; это моя плоть, которую за вас преломляют для прощения грехов. Пейте, все вы, это; сие есть Кровь Моя Нового Завета, которая за вас проливается и для многих для прощения грехов».

Гимны, что следовали затем, подводили к чувству Присутствия, который нисходило на молящихся, и их похвалам и благодарностям за могучий акт Христа в распределении его Тела и Крови, который верующие могли чувствовать, поддерживающий их и всех остальных, которые подверглись этому обновлению:

«Мы видели истинный свет, мы получили небесный дух, мы нашли истинную веру, мы поклоняемся безраздельно Троице: та же самая купель спасла нас».

***

«Пусть исполнятся уста наши Твоей хвалой, о Господи, что мы можем петь о славе Твоей, что Ты дал нам достойно причаститься Твоей святой, божественной, бессмертной и животворящей тайне: сохрани нас в Твоей святости, чтобы мы могли узнать правду Твою всякий день. Аллилуиа, Аллилуиа, Аллилуиа».

После дальнейших молитв и гимнов, литургия была, наконец, завершена.

На протяжении всей сложной и неторопливой службы имелись определенные темы, которые постоянно повторялись, как евхаристический акт, представляющий опыт поколений христиан, предполагавший три Лица Троицы, и творимый в преосуществленной форме в память бытия и трудов Отца, Сына и Святого Духа. Создание, воплощение, искупление и слава представали перед поклоняющимися в претворении Божественной истории. Но при всем этом была еще одна идея, которая помогала представить место всей истории в истинной обстановке.

Для каждого верующего слова литургии были знакомы с детства, и ее идеи стали частью его ума. Они настолько привыкли к повторению слова «все»,

что это слово могло показаться всего лишь одним из знакомых аспектов молитвы и гимнов Евхаристии. Тем не менее, просто и ненавязчиво, это «все» подводило к тому, что было важным знаком православной веры, постоянным напоминанием об универсальности.

Поклонение христианина - не просто литургия, какая служилась, скажем, в церкви св. Сергия в Газе на празднике Вознесения на третий год царствования императора Юстиниана. Молитвы и гимны делали этот праздник бесконечно большим. Это было продолжение и универсальный акт, предлагаемый «для мира во всем мире ... и для объединения всех», «для всех священнослужителей и людей», «для этого города и для каждого города и земли». Славословие, регулярно повторяющееся в течение службы, заявляло, что Богу «принадлежат всякая слава, честь и поклонение ... от всех возрастов, ко всем возрастам». Бог – «великий Царь над всею землею»; «предводитель всему воинству небесному», «кто перевел все вещи из небытия в бытие», «Творец неба и земли, всего видимого и невидимого», «кто по Своей безграничной благости питает всех, и к полноте Своей милости, вывел все вещи из небытия в бытие». Поклоняясь Ему «все дни жизни своей», община молилась «за всех наших отцов и братьев, которые усопли перед нами» и «за всех благочестивых и православных христиан, которые живут ныне, и которых можно найти в этом городе. «Памятуя обо всех святых», «народ получал благословение, произнесенное священником: «Милость всемогущего Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа да пребудет со всеми вами».

Итак, здание церкви, в то же время, было необходимым местом для акта поклонения и общения, никогда не было физическим объектом поклонения и общения. Это был канал связи, а не место связи сразу по вертикали и горизонтали для тех, кто вступил в члены Тела Христова в историческом времени и в настоящем географическом пространстве. Служители тайн могли знать, что их служение было одновременно немедленным и настоящим служением и заботой, и безграничным общением. Но они могли быть распорядителями доверия только для постоянных участников мистического акта общения, ибо понимали, что они жили в окружении тайны, и что именно эта тайна была реальностью.

Эпилог: Темы и нити

Через сто лет после времени нашего визита, Газа, наряду с Антиохией и Александрией, была поглощена мусульманской экспансией. Один Константинополь остался лидером в борьбе на наследие античных и ранневизантийских городов.

Но если город Газа был отделен от христианского византийского мира, его доля в наследии не была потеряна. Вклад города, как только стало понятно, заключался в его собственной жизни и его собственной силе, чтобы выжить. Наследие продолжало жить не в материальном теле города, но среди людей, и здесь оно не могло быть уничтожено. Как написал Григорий Нисский, «запасы нашей памяти не могут быть уничтожены».

Газа, как и другие города, служила в качестве хранилища памяти, и из этого склада могла сформировать традицию того, что образный дух Византии и дал народу империи Константинополя в виде интеллектуальных и духовных ресурсов, национальной гордости и национальных надежд, что позволило этой империи поддерживать себя еще на восемь сотен лет, а затем своевременно передать свои традиции на Запад в эпоху Возрождения. Империя Константинополя, огромное географическое сообщество с различными корнями, политической, социальной, интеллектуальной, прежде всего религиозной жизни, не могло существовать, если оно не было в состоянии опираться на муниципальные общины городов, в которых работали люди, занимавшиеся лучшими видами деятельности человеческой жизни. В городе человек той эпохи постоянно думал о нахождении путей для его всестороннего развития и самореализации. Классический город в его начале был устроен для того, чтобы защитить и питать человеческую личность. Культура города и все его достижения получили воплощение в памяти его народа и его учителей. И в поисках своей истинной деятельности, для ее выполнения, человек держался на своей памяти.

Таким образом, в жизни Газы, с которой она подошла к первым годам VI века, новый поток был сформирован из старых нитей, которые присоединились, чтобы сделать что-то новое, в то же время, сохраняя свои особые включения.

Нитями были иудаизм, греческая философия, христианство. Моисей и Платон, и, наконец, Христос Слово Божье - каждый принес что-то свое для человечества. Израиль, Греция, и Рим, а затем новый Иерусалим, собрались вместе, чтобы создать новую империю, которая сделала возможным переход от классического мира в Византию.

В случае с Газой, все это было выработано в физической обстановке восточной части Средиземноморского торгового города. Правители Газы не могли заглянуть в будущее, и они, возможно, не так осознавали историческую роль нашего современного изучения, которое, как может показаться, собственно и вызвало их к новой жизни в истории. Для них было аксиомой, что империя вечна, так же, как церковь была вечной.

Итак, мы прощаемся с Газой, когда она находится в гуще своей повседневной жизни, и мы можем еще раз подумать о ней. На прощание с городом, мы можем прочесть слова латинского паломника в Святую Землю, который прошел через Газу в 570 году:

Gaza autem est civitas splendidissima et deliciosa, et homines in ea honestissimi, omni liberalitate decori, amatores peregrinorum («Газа - великолепный город, полный приятных вещей; и люди в ней самые честные, всякий отличается щедростью, и они - теплые друзья паломников»).

Указатель

Избранная библиография

Bury, J.B. History of the Later Roman Empire from the Death of Theodosius I to the Death of Justinian (A.D. 395-565). 2 vols. London, 1923; New York, 1958.

Downey, G. Constantinople in the Age of Justinian. Norman, 1960.

---. Antioch in the Age of Theodosius the Great. Norman,1962.

---. The Christian Schools of Palestine: A Chapter in Literary History // Harvard Library Bulletin. Vol. XII. 1958. P. 297-319.

---. Justinian's View of Christianity and the Greek Classics // Anglican Theological Review. Vol. XL. 1958. P. 13-22.

---. Julian and Justinian and the Unity of Faith and Culture // Church History. Vol. XXVIII. 1959. P. 339-349.

Fox, A. Plato and the Christians. London, 1957.

Jaeger, W. Early Christianity and Greek Paideia. Cambridge, Massachusetts, 1961.

Jones, A.H.M. The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940.

---. Were Ancient Heresies National or Social Movements in Disguise? // Journal of Theological Studies, New Series. Vol. X. 1959. P. 280-298.

Mark the Deacon. Life of Porphyry, Bishop of Gaza / Translated, with introduction and notes, by G.F. Hill. Oxford, 1913.

---. Vie de Porphyre, eveque de Gaza / Edited and translated by H. Gregoire, M.-A. Kugener. Paris, 1930.

Marrou, H.I. A History of Education in Antiquity / Translated by George Lamb. New York, 1956.

Meyer, M.A. A History of the City of Gaza. New York, 1907.

Mumford, L. The City in History. New York, 1961.

Oakley, A. The Orthodox Liturgy. London, 1958.

Stein, E. Histoire du Bas-Empire. 2 vols. Paris, 1949-1959.

Woodward, E.L. Christianity and Nationalism in the Later Roman Empire. London, 1916.

Дополнительная библиография

Abel, Félix-Marie. Gaza au VIe siècle d'après le rhéteur Chorikios // Revue Biblique. 40. 1931. P. 5-31.

Albini U. Il mimo a Gaza tra il V e il VI sec. d. Cr. // SIFC. 15. 1997. P. 116–122.

Amato E. Due problematiche allusioni ad Eschilo e Pindaro in Procopio di Gaza e Giovanni Lido // Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge, 148. Bd., H. 3/4. 2005. P. 418-422.

Amato E. Paganesimo e cristianesimo in Procopio di Gaza: su un'incompresa allegoria del vino eucaristico // Athenaeum. 98. 2010. P. 503-513.

Amato E. Procopio di Gaza e Il Dies rosarvm: Eros platonico, agape cristiana e spettacoli pantomimici nella Gaza tardoantica // Eruditio Antiqua. 2. 2010. P. 17-46.

Amato E. Procopio di Gaza modello dell'ekphrasis di Filagato da Cerami sulla Cappella Palatina di Palermo // Byzantion. 82. 2012.

Amato E. Un discorso inedito di Procopio di Gaza: in Meletis et Antoninae nuptias // Revue des Études Tardo-antiques. 1. 2011-2012. P. 15-69.

Amato E. Una perduta prolalia di Procopio di Gaza (fr. 31 Amato) ed alcune considerazioni sul contesto epidittico delle Descriptiones procopiane (con un'appendice su Tzetze lettore di Procopio) // Medioevo Greco. 2011. Vol. 11. P. 7-12.

Ashkenazi Y. Paganism in Gaza in the Fifth and Sixth Centuries // Cathedra. 60. 1991. P. 106-115.

Ashkenazi, Yakov. Sophists and Priests in Late Antique Gaza according to Choricius the Rhetor // Christian Gaza in Late Antiquity / Edited by Bitton-Ashkelony, Brouria and Kofsky, Aryeh. Jerusalem Studies in Religion and Culture 3. Leiden; Boston: Brill, 2004. P. 195-208.

Bagatti, Bellarmino. Ancient Christian Villages of Judaea and the Negev // SBF Collectio Minor 42 / Translated by Paul Rotondi. Jerusalem: Franciscan Printing Press, 1997.

Bagatti, Bellarmino. Antichi villaggi cristiani della Giudea e del Neghev // SBF Collectio Minor 24. Jerusalem: Franciscan Printing Press, 1983.

Barag, Dan. The Kingdom of Heaven in a Christian Epitaph of 474 CE from Gaza // Eretz-Israel. 19. 1987. P. 242-245 [иврит; English summary].

Barnes T.D. Christians and the Theater // Roman Theater and Society. Ann Arbor, 1996. P. 178-180.

Berkowitz, Shmuel. The Battle for the Holy Places: The Struggle over Jerusalem and the Holy Sites in Israel, Judea, Samaria and the Gaza District. Jerusalem: Hed Arzi, 2000.

Bitton-Ashkelony, Brouria. Counseling through Enigmas: Monastic Leadership and Linguistic Techniques in. Sixth-Century Gaza // The Poetics of Grammar and the Metaphysics of Sound and Sign / Edited by la Porta, Sergio and Shulman, David / Jerusalem Studies in Religion and Culture. Leiden: Brill, 2007. P. 177-199.

Bitton-Ashkelony, Brouria. Demons and Prayers: Spiritual Exercises in the Monastic Community of Gaza in the Fifth and Sixth Centuries // Vigiliae Christianae. 57:2. 2003. P. 200-221.

Bitton-Ashkelony, Brouria. Imitatio Mosis and Pilgrimage in the Life of Peter the Iberian // Christian Gaza in Late Antiquity / Edited by Bitton-Ashkelony, Brouria and Kofsky, Aryeh / Jerusalem Studies in Religion and Culture 3. Leiden; Boston: Brill, 2004. P. 107-129.

Bitton-Ashkelony, Brouria. Monastic Leadership and Municipal Tensions in Fifth-Sixth Century Palestine: The Cases of the Judean Desert and Gaza // Annali di storia dell'esegesi. 23. 2006. P. 415-443.

Bitton-Ashkelony, Brouria. The Pilgrimage of Peter the Iberian // Cathedra. 91. 1999. P. 97-112 (in Hebrew).

Bitton-Ashkelony, Brouria; Kofsky, Aryeh. Gazan Monasticism in the Fourth-Sixth Centuries: From Anchoritic to Cenobitic // Proche-Orient Chrétien. 50:1-2. 2000. P. 14-62.

Bitton-Ashkelony, Brouria; Kofsky, Aryeh. The Monastic School of Gaza / Supplements to Vigiliae Christianae. 78. Boston: Brill, 2006.

Bitton-Ashkelony, Brouria; Kofsky, Aryeh. The Monasticism of Gaza in the Byzantine Period // Cathedra. 96. 2000. P. 69-110 (иврит).

Bodenheim F.S.; Rabinowitz A., eds. Timotheus of Gaza. On Animals. Paris; Leiden, 1949.

Bolgova A., Bolgov N. The Crossroads of Epochs and Cultures: Choricius of Gaza as a mirror of continuity // L'Ecole de Gaza: espace litteraire et identite culturelle dans l'Antiquite Tardive. Paris: College de France, 2013. P. 2-3.

Cameron, Averil. Christianity and the Rhetoric of Empire. Berkeley; Los Angeles, 1991.

Canivet P. Dorothée de Gaza: est-il un disciple d'Evagre? // Revue des études grecques. 78. 1965. P. 336-346.

Chabot J.B. Pierre l'Ibérien, evêque monophysite de Mayouma [Gaza] à la fin du Ve siècle // Revue de l'Orient latin. 3. 1895. P. 367-397.

Childers J.W. The Georgian Life of Porphyry of Gaza // Studia Patristica. 35. 2001. P. 374-384.

Chitty, Derwas J. Abba Isaiah // Journal of Theological Studies. 22. 1971. P. 47-72.

Chitty, Derwas J., ed. Barsanuphius and John. Questions and Answers: Critical Edition of the Greek Text with English Translation. PO 31.3. Paris, 1966.

Chryssavgis, John, ed. Letters from the Desert. Barsanuphius and John: A Selection of Questions and Responses / Popular Patristics Series. Crestwood, NY: St. Vladimir's Seminary Press, 2003.

Chryssavgis, John. The Road from Egypt to Palestine. The Sayings of the Desert Fathers: Destination and Destiny // Aram. 15. 2003. P. 97-108.

Ciccolella F. «Swarms of the Wise Bee»: Literati and Their Audience in Sixth-Century Gaza // Epistulae Antiquae IV. Louvain; Paris, 2006.

Corcella A. Tre nuovi testi di Procopio di Gaza: una dialexis inedita e due monodie gia attribuite a Coricio // Revue des Études Tardo-antiques. 1. 2011-2012. P. 1-14.

Cresci L.R. Imitatio e realia nella polemica di Coricio sul mimo (Or. 32 Förster-Richtsteig) // Koinonia. 10. 1986. P. 49–66.

Dam, Raymond van. From Paganism to Christianity in Late Antique Gaza // Viator. 16. 1985. P. 1-20.

Declercq F. De Redenaar onthuld: Choricius Gazaeus' Rhetor: een vertaling en onderzoek naar de fictionaliteit binnen zijn discours. Gent, 2009.

Di Segni, Leah. Monastero, città e villaggio nella Gaza bizantina // Il deserto di Gaza. Barsanufio, Giovanni e Doroteo / Atti dell'XI Convegno Ecumenico Internazionale di spiritualità ortodossa, Bose, 14-16 settembre 2003 / Edited by S. Chialà, Lisa Cremaschi. Bose: Bose, 2005. P. 51-80.

Di Segni, Leah. Monastery, City and Village in Byzantine Gaza // Proche-Orient Chrétien. 55. 2005. P. 24-50.

Di Segni, Leah. The Territory of Gaza: Notes on Historical Geography // Christian Gaza in Late Antiquity / Edited by Bitton-Ashkelony, Brouria and Kofsky, Aryeh / Jerusalem Studies in Religion and Culture 3. Leiden; Boston: Brill, 2004. P. 41-60.

Diels H. Über die von Prokop beschriebene Kunstuhr von Gaza: mit einem Anhang enthaltend Text und Übersetzung der Ekphrasis Horologiou des Prokopios von Gaza // Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaft. Philosophisch-historische Klasse. 7. 1917.

Dräseke, Johannes. Prokopios' von Gaza "Widerlegung des Proklos" // Byzantinische Zeitschrift. 6. 1897. S. 55-91.

Eisenhofer L. Procopius von Gaza. Freiburg, 1897. 106 S.

Esbroeck, Michel van. Peter the Iberian and Dionysius the Areopagite: Honigmann's Thesis Revisited // Orientalia Christiana Periodica. 59. 1993. P. 217-227.

Friedländer, Paul. Johannes von Gaza und Paulus Silentiarius // Kunstbeschreibungen justinianischer Zeit. Leipzig-Berlin, 1912. S. 135—212.

Friedländer, Paul. Spätantiker Gemäldezyklus in Gaza: des Prokopios von Gaza Ekphrasis eikonos // Studi e Testi. 89. Vatican: Biblioteca apostolica vaticana, 1939.

Glucker, Carol A.M. The City of Gaza in the Roman and Byzantine Periods / BAR International Series. 325. Oxford, 1987.

Gould, Graham. The Desert Fathers on Monastic Community. Oxford: Clarendon Press, 1993.

Grégoire, Henri; Kugener, M.-A., eds. Marc le Diacre. Vie de Porphyre, évêque de Gaza. Paris: Les Belles Lettres, 1930.

Hamilton, Richard W. Two Churches at Gaza, as Described by Choricius of Gaza // Palestine Exploration Fund, Quarterly Statement. 62-63. 1930. P. 178-181.

Hanfmann, George M.A. The Seasons in John of Gaza's Tabula Mundi // Latomus. 3. 1939. P. 111-118.

Heiberg J.L. Den hellige Porphyrios, biskop af Gaza. Copenhagen, 1912.

Hevelone Harper, J.L. Ecclesiastics and Ascetics: Finding Spiritual Authority in Fifth- and Sixth-Century Palestine // Hugoye. 9. 2006.

Hevelone Harper, J.L. Letters to the Great Old Man: Monks, Laity, and Spiritual Authority in Sixth-Century Gaza. Ph.D. dissertation. Princeton University, 2000.

Hevelone-Harper, Jennifer Lee. Disciples of the Desert: Monks, Laity, and Spiritual Authority in Sixth-Century Gaza. Baltimore: John Hopkins University Press, 2005.

Hill G.F. Marcus Diaconus. The Life of Porphyry, Bishop of Gaza. Oxford: 1913.

Hirschfeld, Yizhar. The Monasteries of Gaza: An Archaeological Review // Christian Gaza in Late Antiquity. Edited by Bitton-Ashkelony, Brouria and Kofsky, Aryeh / Jerusalem Studies in Religion and Culture 3. Leiden; Boston: Brill, 2004. P. 61-88.

Holum, Kenneth G. In the Blinking of an Eye: The Christianizing of Classical Cities in the Levant // Religion and Politics in the Ancient Near East / Edited by Berlin, Adele. Maryland: University Press of Maryland, 1996. P. 131-150.

Hombergen, Daniel. Barsanuphius and John of Gaza and the Origenist Controversy // Christian Gaza in Late Antiquity / Edited by Bitton-Ashkelony, Brouria and Kofsky, Aryeh / Jerusalem Studies in Religion and Culture 3. Leiden; Boston: Brill, 2004. P. 173-182.

Honigmann, Ernest. Pierre l'Ibérien et les écrits du Pseudo-Denys l'Aréopagite // Mémoires de l'Académie Royale de Belgique. 48.3. Bruxelles, 1952.

Horn, Cornelia B. Peter the Iberian and Palestinian Anti-Chalcedonian Monasticism in Fifth and Early Sixth Century Gaza // Aram. 15. 2003. P. 109-128.

Horn, Cornelia B. Weaving the Pilgrim's Crown: John Rufus's Ciew of Peter the Iberian's Journeys in Late Antique Palestine // Journal of Eastern Christian Studies. 56. 2004. P. 171-190.

Jones Ch. Procopius of Gaza and the Water of the Holy City // GRBS. 47. 2007. P. 455-467.

Kempen C. Procopii Gazaei In Imperatorem Anastasium Panegyricus, diss. Bonnae, 1918.

Kofsky, Aryeh. Aspects of Sin in the Monastic School of Gaza // Transformation of the Inner Self in Ancient Religions / Edited by Assman, J. and Stroumsa, Guy G. Leiden: Brill, 1999. P. 421-437.

Kofsky, Aryeh. Renunciation of Will in the Monastic School of Gaza // Liber Annuus. 56. 2006. P. 321-346.

Kofsky, Aryeh. The Byzantine Holy Person: The Case of Barsanuphius and John of Gaza // Saints and Role Models in Judaism and Christianity / Edited by Schwartz, Joshua and Poorthuis, Marcel J.H.M. / Jewish and Christian Perspectives. 7. Leiden: Brill, 2004. P. 261-286.

Kofsky, Aryeh. What Happened to the Monophysite Monasticism of Gaza? // Christian Gaza in Late Antiquity / Edited by Bitton-Ashkelony, Brouria and Kofsky,

Aryeh / Jerusalem Studies in Religion and Culture. 3. Leiden; Boston: Brill, 2004. P. 183-194.

Krahmer, Gerhard. De tabula mundi ab Joanne Gazaeo descripta. Halle, 1920.

Lang D.M. Peter the Iberian and His Biographers // Journal of Ecclesiastical History. 2. 1951. P. 158-168.

Lindl E. Die Oktateuchcatene des Prokop von Gaza. Munich, 1902.

Litsas F.K. Choricios of Gaza and his descriptions of festivals at Gaza // JOEByz 32. 1982. P. 427-436.

Lucarini C.M. Sul testo del nuovo Procopio // Revue des études tardo-antiques. 1. 2011-2012. P. 129-136.

Lugaresi L. Santità e spettacolo: dimensioni ‘teatrali’ nella Vita di Ilarione e in altri testi della letteratura agiografica tra IV e V secolo // Adamantius. 16. 2010.

Mayerson, Philip. The Wine and Vineyards of Gaza in the Byzantine period // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. 1985. P. 75-80.

Médebielle, Pierre. Gaza et son histoire chrétienne. Jerusalem: Patriarcat Latin, 1982.

Meyer, Martin A. History of the City of Gaza. New York, 1907.

Neyt, François. Citations “isaïennes” chez Barsanuphe et Jean de Gaza // Le Muséon. 89. 1971. P. 65-92.

Neyt, François. La Formation au Monastère de L’abbé Séridos à Gaza // Christian Gaza in Late Antiquity / Edited by Bitton-Ashkelony, Brouria and Kofsky, Aryeh / Jerusalem Studies in Religion and Culture 3. Leiden; Boston: Brill, 2004. P. 151-164.

Neyt, François. Le vocabulaire de Barsanuphe et de Jean de Gaza // Studia Patristica. 12. 1975. P. 247-253.

Neyt, François. Les lettres à Dorothée dans la correspondance de Barsanuphe et de Jean de Gaza. Ph.D. dissertation. Louvain, 1969.

Noah (de Angelis-), F. La méditation de Barsanuphe sur la lettre êta // Byzantion. 53:2. 1983. P. 494-506.

Ovadiah, Asher. Les mosaïstes de Gaza dans l’antiquité chrétienne // Revue Biblique. 82. 1975. P. 552-557.

Ovadiah, Asher. The Mosaic Workshop of Gaza in Christian Antiquity // Ancient Synagogues: Historical Analysis and Archaeological Discovery / Edited by Urman, Dan and Flesher, Paul V.M. Leiden: Brill, 1995. P. 367-372.

Pargoire J. Les LX soldats martyrs de Gaza // Échos d’Orient. 8. 1905. P. 40-43.

Parrinello, Rosa Maria. Comunità monastiche a Gaza: da Isaia a Doroteo, secoli IV-VI. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2010.

Parrinello, Rosa Maria. Il monachesimo in Palestina e sul Sinai // Monachesimo orientale: un'introduzione / Edited by Filoramo, G. Brescia: Morcelliana, 2010. P. 231-280.

Parrinello, Rosa Maria. Il rapporto con l'Altro nel monachesimo palestinese: alcune considerazioni sul rapporto tra identità monastica e identità laicale da Isaia a Doroteo di Gaza // Annali di storia dell'esegesi. 21. 2004. P. 303-313.

Parrinello, Rosa Maria. La direzione spirituale nella comunità monastica di Isaia di Gaza // Storia della direzione spirituale. I. L'età antica / Edited by Filoramo, G. Brescia: Morcelliana, 2006.

Parrinello, Rosa Maria. La scuola monastica di Gaza // Rivista di storia del cristianesimo. 5. 2008. P. 545-565.

Parrinello, Rosa Maria. Misure del monachesimo a Gaza: dal 'fondatore' Ilarione alla scuola monastica di Gaza // Adamantius. 16. 2010.

Parrinello, Rosa Maria. Prima e dopo Giustiniano: le trasformazioni del monachesimo di Gaza // Annali di storia dell'esegesi. 23. 2006. P. 165-193.

Parys M. van. Abba Silvain et ses disciples, une familie monastique entre Scété et la Palestine à la fin du IVe et durant la première moitié du Ve siècles // Irénikon. 61. 1988. P. 315-330, 451-480.

Penella R.J. From the muses to Eros: Choricius‟s Epithalamia for Student Briderooms // C. Saliou (ed.). Gaza dans l' antiquité tardive. Archéologie, rhétorique et histoire. Salerno, 2005. P. 135-148.

Perrone, Lorenzo. 'Eis ton tes hesuchias limena.' Le lettere a Giovanni de Beersheva nella corrispondenza di Barsanufio e Giovanni di Gaza // Mémorial Dom Jean Gribomont (1920-1986). Roma, 1988. P. 463-486.

Perrone, Lorenzo. All'ombra dei Luoghi Santi: il monachesimo di Palestina in epoca bizantina e l'esperienza di Gaza // Il deserto di Gaza: Barsanufio, Giovanni e Doroteo / Edited by Cremaschi, Lisa and Chiala, Sabino. Comunità di Bose: Qiqajon, 2004. P. 23-50.

Perrone, Lorenzo. Aus Gehorsam zum Vater: Mönche und Laien in den Briefen von Barsanuphius und Johannes von Gaza // Foundations of Power and Conflicts of Authority in Late-Antique Monasticism: Proceedings of the International Seminar, Turin, December 2-4, 2004 / Orientalia Christiana Analecta. Leuven: Peeters, 2007.

Perrone, Lorenzo. Dissenso dottrinale e propaganda visionaria: Le Pleroforie di Giovanni di Maiuma // Augustinianum. 29. 1989. P. 451-495.

Perrone, Lorenzo. I Padri de monachesimo di Gaza (IV–VI sec.): la fedeltà allo spirito delle origini // La chiesa nel tempo. 13:1-2. 1997. P. 87-116.

Perrone, Lorenzo. La necessità del consiglio. Direzione spirituale come scuola di cristianesimo nelle lettere di Barsanufio e Giovanni di Gaza // Storia della direzione spirituale. I: L'età antica (Biblioteca) / Edited by Filoramo, G. Morcelliana: Brescia, 2006. P. 377-396.

Perrone, Lorenzo. Monasticism as a Factor of Religious Interaction in the Holy Land during the Byzantine Period // Sharing the Sacred: Religious Contacts and Conflicts in the Holy Land, First-Fifteenth Centuries CE / Edited by Arieh Kofsky, Guy G. Stroumsa. Jerusalem: Yad Izhak Ben Zvi, 1998. P. 67-95.

Perrone, Lorenzo. Monasticism in the Holy Land: From the Beginnings to the Crusaders // Proche-Orient Chrétien. 45. 1995. P. 31-63.

Perrone, Lorenzo. Monasticism of Gaza: A Chapter in the History of Byzantine Palestine // Zwischen Polis, Provinz und Peripherie. Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur, Herausgegeben / Edited by Hoffmann, L.M. and Monchizadeh, A. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2005. S. 59-74.

Perrone, Lorenzo. The Necessity of Advice: Spiritual Direction as a School of Christianity in the Correspondence of Barsanuphius and John of Gaza // Christian Gaza in Late Antiquity / Edited by Bitton-Ashkelony, Brouria and Kofsky, Aryeh / Jerusalem Studies in Religion and Culture. 3. Leiden; Boston: Brill, 2004. P. 131-150.

Raabe R. Petrus der Iberer: Ein Charakterbild zur Kirchen- und Sittengeschichte des 5. Jahrhunderts. Leipzig: Hinrichs, 1895.

Rahmani, Levi Yitzhak. A Eulogia Stamp from the Gaza Region // Israel Exploration Journal. 20:1-2. 1970. P. 105-108.

Rahmani, Levi Yitzhak. Finds from a Sixth to Seventh Centuries Site near Gaza. 1: The Toys // Israel Exploration Journal. 31:1-2. 1981. P. 72-80.

Rahmani, Levi Yitzhak. Finds from a Sixth to Seventh Centuries Site near Gaza. 2: Pottery and Stone Objects // Israel Exploration Journal. 33:3-4. 1983. P. 219-230.

Rapp, Claudis. Mark the Deacon. Life of St. Porphyry of Gaza // Medieval Hagiography: An Anthology / Edited by Head, Thomas. New York; London: Routledge, 2001. P. 53-75.

Regnault, Lucien, ed. Barsanuphe et Jean de Gaza. Correspondance, I–III // Sources Chrétiennes. 426-427, 450-451, 468. Sablesur-Sarthe: Abbaye de Solesmes, 1997-2002.

Regnault, Lucien. Isaïe de Scété ou de Gaza? Notes critiques en marge d’une Introduction au problème isaïen // Revue d’Ascétique et du Mystique. 46. 1970. P. 33-44.

Regnault, Lucien. Les Péres du Désert à travers leurs Apophtegmes. Sable-sur-Sarthe: Abbaye de Solesmes, 1987.

Regnault, Lucien. Moines et laïcs dans la région de Gaza au VIe siècle // Christian Gaza in Late Antiquity / Edited by Bitton-Ashkelony, Brouria and Kofsky, Aryeh / Jerusalem Studies in Religion and Culture. 3. Leiden; Boston: Brill, 2004. P. 165-172.

Regnault, Lucien. Théologie de la vie monastique selon Barsanuphe et Dorothée // Théologie de la vie monastique: Études sur la tradition patristique / Théologie. 49. Paris: Aubier, 1961. P. 315-322.

Regnault, Lucien; de Broc, H., eds. Abbé Isaïe. Recueil ascétique / Spiritualité orientale 7. Abbaye de Bellefontaine, 1976.

Regnault, Lucien; de Préville, J., eds. Dorothée de Gaza. Oeuvres spirituelles // Sources Chrétiennes. 92. Paris: Cerf, 1963.

Regnault, Lucien; Lemaire, P.; Outtier, Bernard, eds. Barsanuphe et Jean de Gaza. Correspondance. Sable-sur-Sarthe: Abbaye de Solesmes, 1971.

Renault L. La description d'une croix cosmique par Jean de Gaza, poète palestinien du VIe siècle // Iconographica. Melanges offerts a Piotr Scubiszewski. Poitiers, 1999. P. 211—221.

Romeny B. ter Haar. Procopius of Gaza and His Library // From Rome to Constantinople. Studies in Honour of Averil Cameron / Eds. H. Amirav, B. ter Haar Romeny. Leiden, 2007. P. 173–190.

Rose S., ed. Saints Barsanuphius and John: Guidance toward Spiritual Life. Answers to the Questions of Disciples. Platina, CA: St. Herman of Alaska Brotherhood, 1990.

Rubenson, Samuel. The Egyptian Relations of Early Palestinian Monasticism // The Christian Heritage in the Holy Land / Edited by O'Mahony, Anthony and Gunner, Göran and Hintlian, Kevork. London: Scorpion Cavendish, 1995. P. 35-46.

Saliou C. Gaza dans l'Antiquité tardive: Nouveaux documents épigraphiques // Revue Biblique. 107. 2000. P. 390-411.

Saller, Sylvester J. Short Greek and Latin Inscriptions on Small Objects Found or Preserved in Palestine and Nearby Places // Liber Annuus. 21. 1971. P. 158-179.

Sandoli, Sabino De, ed. Francisci Quaresmii. Elucidatio Terrae Sanctae // SBF Collectio Maior. 32. Jerusalem: Franciscan Printing Press, 1989.

Schouler B. Chorikios Déclamateur // C. Saliou (ed.). Gaza dans l'antiquité tardive. Archéologie, rhétorique et histoire. Salerno, 2005. P. 117-133.

Schwartz, Edward. Johannes Rufus: Ein monophysitischer Schriftsteller / Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaft. Philosophisch-historische Klasse, 16. Heidelberg, 1912.

Seid T.W. Origins of Catena in Gaza // http://www.earlham.edu/~seidti/iam/catena.html

Seitz, Kilian. Die Schule von Gaza. Heidelberg, 1892.

Shenhav, Eli. Orators in Shuni in the Light of an Epigraphic Find and the Testimony of Choricius of Gaza // Judea and Samaria Research Studies [8]. 1999. P. 127-134 [in Hebrew; English summary].

Shpidlik T. Le concept de l'obéissance et de la conscience selon Dorothée de Gaza // Studia Patristica. 11:2. 1972. P. 72-78.

Sideras A. Zwei unbekannte Monodien von Chorikios? // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 33. 1983. P. 57-73.

Sivan H. Palestine in Late Antiquity. Oxf.-N.Y., 2008.

Steppa, Jan-Eric. Heresy and Orthodoxy: The Anti-Chalcedonian Hagiography of John Rufus // Christian Gaza in Late Antiquity / Edited by Bitton-Ashkelony, Brouria and Kofsky, Aryeh / Jerusalem Studies in Religion and Culture. 3. Leiden; Boston: Brill, 2004. P. 89-106.

Steppa, Jan-Eric. John Rufus and the World Vision of Anti-Chalcedonian Culture. Gorgias Dissertations, Ancient Christian Studies 1. Piscataway, New Jersey, 2002.

Stiglmayr, Josef. Die "Streitschrift des Prokopios von Gaza" gegen den Neuplatoniker Proklos // Byzantinische Zeitschrift. 8. 1899. S. 263-301.

Stone, Nira. Notes on the Shellal Mosaic (‘Ein ha-Besor) and the Mosaic Workshops at Gaza // Jews, Samaritans, and Christians in Byzantine Palestine / Edited by Jacoby, David and Tsafrir, Yoram. Jerusalem: Yad Izhak Ben Zvi, 1988. P. 207-214 (иврит).

Talgam, Rina. Johannes of Gaza's Tabula Mundi Revisited // Between Judaism and Christianity. Art Historical Essays in Honor of Elisheva (Elisabeth) Revel-Neher / Edited by Kogman-Appel, Katrin and Meyer, Mati. Leiden: Brill, 2009. P. 91-120.

Talgam, Rina. The Ekphrasis Eikonos of Procopius of Gaza: The Depiction of Mythological Themes in Palestine and Arabia during the Fifth and Sixth Centuries // Christian Gaza in Late Antiquity / Edited by Bitton-Ashkelony, Brouria and Kofsky, Aryeh / Jerusalem Studies in Religion and Culture. 3. Leiden; Boston: Brill, 2004. P. 209-233.

Talgam, Rina. The Ekphrasis of the Water-Clock and Measuring of Time in Sixth Century Gaza // Man near a Roman Arch. Studies Presented to Prof. Yoram Tsafrir / Edited by Di Segni, L.; Hirschfeld, Y.; Patrich, J.; Talgam, R. Jerusalem: Israel Exploration Society, 2009. P. 105-120 (иврит).

Thesaurus Procopii Gazaei opuscula, epistulae et fragmenta / curantibus E. Amato, B. Kindt et Cental. Turnhout, 2011.

Vailhé, Siméon. Jean le Prophète et Séridos // Échos d’Orient. 8. 1905. P. 154-160.

Vailhé, Siméon. Les lettres spirituelles de Jean et de Barsanuphe // Échos d’Orient. 7. 1904. P. 268-276.

Vailhé, Siméon. Saint Barsanuphe // Échos d’Orient. 8. 1905. P. 14-25.

Vailhé, Siméon. Un mystique monophysite: le moine Isaie // Échos d’Orient. 9. 1906. P. 81-91.

Ventrella G. Un éloge pour les Vicennalia d’Anastase Ier ? Nouvelles hypothèses sur le contexte et la datation du Panégyrique de Procope de Gaza // Colloque international ‘L’École de Gaza. Espace littéraire et identité culturelle dans l’Antiquité Tardive’. Paris, 2013.

Vivian, Tim. Holy Example and Heavenly Intercessor: Saint Theognius // Journeying into God: Seven Early Monastic Lives / Edited by Vivian, Tim. Minneapolis: Fortress Press, 1996. P. 134-165.

Vivian, Tim; Morison, William. An Encomium on the Life of Saint Theognius // Cistercian Studies Quarterly. 30:1. 1995. P. 59-89.

Watts, Edward. Creating the Ascetic and Sophistic Mélange: Zacharias Scholasticus and the Intellectual Influence of Aeneas of Gaza and John Rufus // Aram. 18. 2006. P. 153-164.

Webb R. Rhetorical and Theatrical Fictions in Chorikios of Gaza // Greek Literature in Late antiquity. Dynamism, Didacticism, Classicism / Ed. by S.F. Johnson. Aldershot, 2006. P. 109-123.

Westberg D. The Rite of Spring: Erotic Celebration in the Dialexeis and Ethopoiiai of Procopius of Gaza // Plotting with Eros: Essays on the Poetics of Love

and the Erotics of Reading / Ed. I. Nilsson. Copenhagen: Museum Tusculanum Press, 2009. P. 187-211.

Wheeler, Eric P., ed. Dorotheus of Gaza. Discourses and Sayings / Cistercian Studies Series. 33. Kalamazoo, Michigan: Cistercian Publications, 1977.

Woods, David. The 60 Martyrs of Gaza and the Martyrdom of Bishop Sophronius of Jerusalem // Aram. 15. 2003. P. 129-150.

Болгова А.М. Прокопий Газский и его наследие в европейской историографии // Власть и общество: механизмы взаимодействия и противоречия. Воронеж, 2014.

Болгова А.М., Болгов Н.Н. Ритор Хорикий и Газская школа // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. № 7(102). Вып. 18. Белгород, 2011. С. 65-71.

Фрейберг Л.А. «Апология мимов» Хорикия // Античность и Византия. М., 1975. С. 319-326.

Сост.: А.М. Болгова, Н.Н. Болгов.

Содержание

Серия «Центры цивилизаций» (The Centers of Civilization Series), для которой этот том является уже восьмым, предназначена для включения обзоров истории великих городов мира во время особых периодов их расцвета, с древнейших времен до наших дней. Следующий список будет пополнен по состоянию на дату публикации этого тома:

1. *Charles Alexander Robinson, Jr.* Athens in the Age of Pericles.
2. *Arthur J. Arberry*. Shiraz: Persian City of Saints and Poets.
3. *Glanville Downey*. Constantinople in the Age of Justinian.
4. *Roger Le Tourneau*. Fez in the Age of the Marinides / Translated from the French by Besse Alberta Clement.
5. *Henry Thompson Rowell*. Rome in the Augustan Age.
6. *Glanville Downey*. Antioch in the Age of Theodosius the Great.
7. *Richard M. Kain*. Dublin in the Age of William Butler Yeats and James Joyce.
8. *Glanville Downey*. Gaza in the Early Sixth Century.

UNIVERSITY OF OKLAHOMA PRESS
NORMAN

МИР ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ.
Документы и материалы

Вып. 1: **Дауни Г. Газа в начале VI века**

Учебное издание

Сдано в набор: 30.04.2014.
Подписано в печать: 05.05.2014.
Тираж: 200.
Набор и редакция: Н.Н. Болгов.

Над изданием работали:
Анна Михайловна Болгова
Николай Николаевич Болгов
Марина Юрьевна Лопатина